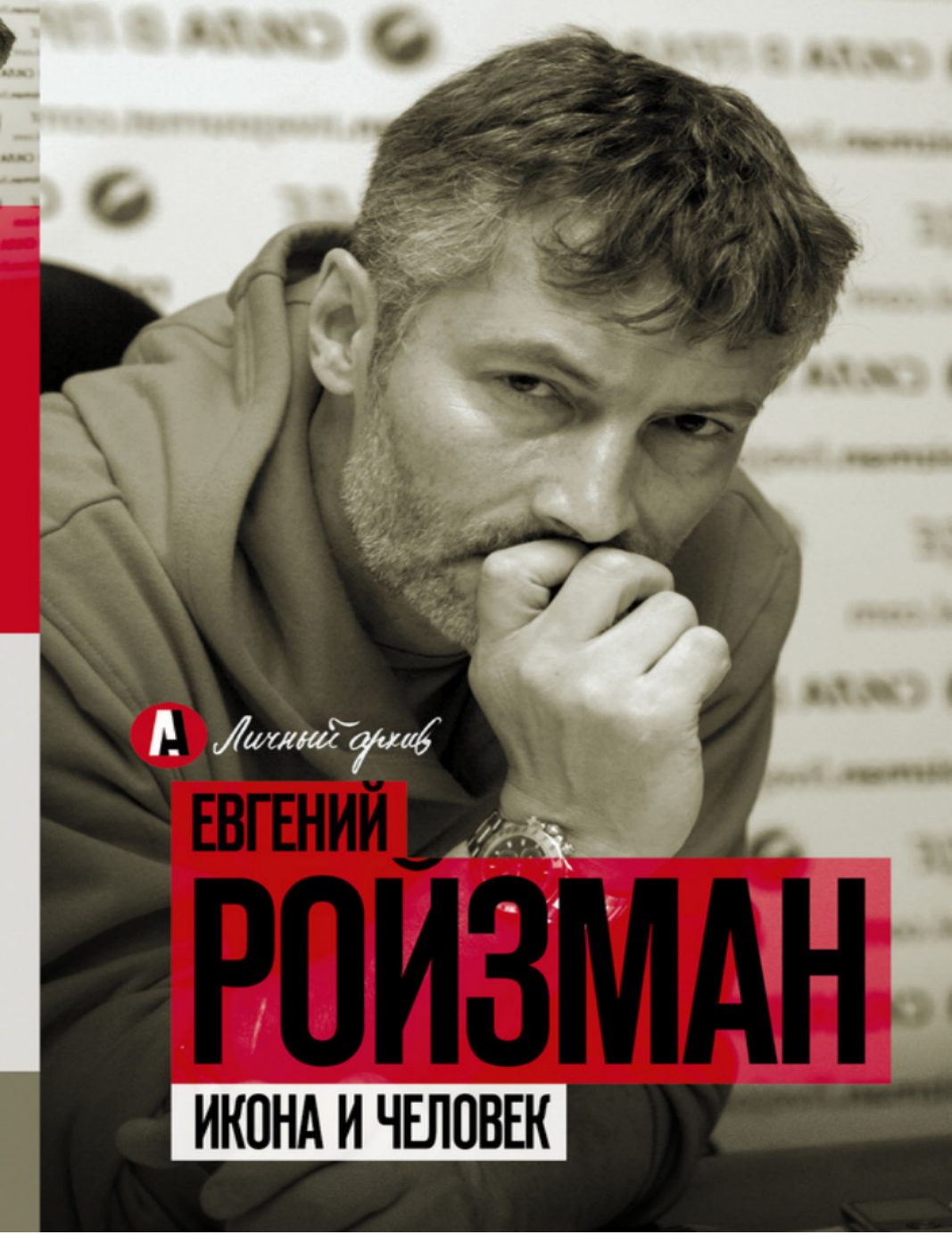


Личный архив

ЕВГЕНИЙ РОЙЗМАН

ИКОНА И ЧЕЛОВЕК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Нежность памяти — редкое свойство в наших палестинах (в не наших нечастое тоже). Поэт Ройзман транслирует нежность посредством написания прозы. Тяжеловато сохранить это полудетское чувство, прожив (и проживая) данное вышеупомянутому. Живое — живому… Для нежных и живых собраны в порядок буквы этой книги. Поэтом, меценатом, градоначальником Евгением Ройзманом. О людях, о досках, о былом и о том, чему следует случиться, если нежность памяти нас не оставит.

- Евгений Ройзман
  -
  - Разные люди
    - Доброе слово
    - Аванс
    - «Раб КПСС»
    - День Победы
    - Жизнь сначала
    - Против логики
    - Попутчик
    - Зачем вы, девушки?
    - Рассказ
    - Противостояние
    - Подлинная история
    - Татуировка
    - Недоуздок
    - Рассказы о животных
    - «Слава русскому народу!»
    - Никола
    - Помылись
    - Свет с востока
    - Сатисфакция
    - За поворотом
    - Круги по воде
    - Орел
    - «Есть женщины…»
    - Пятьдесят
    - Гость в дом — Бог в дом
    - Последняя просьба
    - Брелок
    - Он приедет!

- И они ушли…
- Синяя папка
- Зачем?
- «Товарищ нарком! Свердловск на проводе!»
- Гостинец
- «Дак а че?..»
- «Уважаю русских»
- В ресторане
- Один на льдине
- Евсей
- Музыкант
- Свадьба
- Телевизор
- Тридцать сребреников
- Случай на дороге
- Преподобный Мартиниан
- Сёмка
- Домик в Кунаре
- Дятел
- Отец и сын
- Кто скучает по сильной руке?
- Выборы
- Вильгельм де Геннин
- Суровая правда жизни
- «Не прогоняй его!»
- Герцогиня
- Звонок
- Председатель
- Важное дело
- Улица Мельковская
- Дедушка Зотей
- Память
- Имя отца
- Ястреб
- У нас в деревне
- Идиоты
- Экологически чистые
- Перестарался
- Источник вдохновения
- Страх смерти
- О бабушке
- «Не по-людски…»
- Ухабака
- Братья

        - Урок
        - Позиция
        - Музыка навеяла
        - В Мироново
        - «Не все так плохо…»
        - Две истории
        - «Белочка»
        - За селедкой
        - Все как в жизни
        - О предшественниках
        - «Слушай, я тебе расскажу…»
        - Конецгорье
        - С журналистами
        - Подонки
        - Собаки и синицы
        - Любка
        - Про чижика
        - Гаджеты
        - Выжили
    - Невьянская икона
        - Казни апостольские. История приобретения
        - Евангелисты
        - Складень двустворчатый Архангел Михаил и Георгий Победоносец (1785 г.)
        - Трехстворчатый деревянный складень
        - Георгий Победоносец
        - «Из чрева прежде денницы родих тя»
        - Перенесение мощей Николая Чудотворца
    - Иллюстрации
- notes
    - 1
    - 2
    - 3

Евгений Ройзман
ИКОНА И ЧЕЛОВЕК
Личный архив

Издательство благодарит Евгения Ройзмана за предоставленные фотографии.

© Е. В. Ройзман, 2017
© Оформление. ООО «Издательство „АСТ“», 2017

Разные люди
Рассказы

Доброе слово

Когда-то мой товарищ завел собаку. Это был еще щеночек, и его чрезвычайно строжили. А я приходил в гости и незаметно его баловал: то по голове поглажу, то пузо почешу, а то незаметно скормлю кусочек мяса или колбаски.

Потом жизнь нас развела, и я попал в этот дом лет через шесть. И могучий породистый пес, услышав мой голос, бросился ко мне, отчаянно заскулил по-щенячьи, стал тыкаться носом, повизгивая, а потом и вовсе перевернулся на спину и стал дрыгать лапами. Хозяева были удивлены — они его таким не видели.

Потом, когда пес стал совсем старым, у него отказывали задние лапы, он даже не мог подняться. И все равно, если я приходил, он радостно повизгивал и старался лизнуть руку.

…Я также с детства помню всех людей, которые любили меня, которые вовремя сказали доброе слово. Меня это согревает всю жизнь, и я всем этим людям очень благодарен.

* * *

Когда-то, в 88-м году, я встретился с Евтушенко. Встретился не где-нибудь, а в Омске. У Евтушенко был авторский вечер. Полный зал народу, в проходах стояли. После выступления выстроилась очередь, человек сто пятьдесят, подписывать книжки. А у меня была с собой рукопись со своими стихами, и я в эту очередь зачем-то затесался. И видимо, выглядел со своими листочками достаточно нелепо, потому что Евгений Александрович обратил на меня внимание и говорит:

— Это что у вас, стихи? Заходите.

И вежливо сказал ожидающим:

— Извините, мне надо поговорить с поэтом.

Он внимательно посмотрел небольшую подборку, на нескольких листах поставил плюсы, а на первом стихотворении размашисто написал: «Кириллу Ковальджи: дорогой Кирилл, горячо рекомендую тебе очень талантливого Женю Ройзмана…»

Стихотворение было следующее:

В Империи развал. Шумят рабы.
Спартак в ударе. Просветлели лица.
Но чучело Вождя в плену томится,

А из провинций все текут гробы.

Окраины бурлят. Им отделиться
Хотелось бы. Кто в лес, кто по грибы —
Куда угодно. Лишь бы от судьбы.
А Император волен застрелиться.
Сенат прогнил. Лишь выправка да спесь.
Все скурвились. Пора срывать погоны.
Из Сирии выводят легионы.
Все правильно. Они нужнее здесь.

Империя, как тот презерватив,
Что пацаны всем скопом надували,
Вот-вот взорвется, матушка. Едва ли
Империю спасет инфинитив.

Что делать? Сам не знаю. Но держись.
И утешайся запрещенным средством.
Поэту не к лицу спасаться бегством.
Но все же крикнуть хочется: «Ложись!»

У меня от счастья кружилась голова. К Ковальджи я так и не попал. Стихи в «Юность» взял у меня Натан Злотников, опубликовали их лет через пять. Рукопись с автографом Евтушенко куда-то пропала (потому что я ее таскал и всем показывал), но доброе чувство благодарности меня не покидает. Всего-навсего отнесся по-человечески, а столько лет помню!

Может быть, и потому в том числе стараюсь помогать молодым поэтам.

Аванс

Едем с Доросинским ночью из Верх-Нейвинска. Устали уже. Скорость двести.

— Сань, ты чего?

— Не обращай внимания, это я так, чтобы не заснуть.

Вдруг говорю неожиданно:

— Слушай, я тебе сейчас одну серьезную историю расскажу, с которой все начиналось…

В конце 80-х у меня была «восьмерка» подготовленная. И я на этом отрезке тренировался каждый день. А потом как-то перевернулся на ипподроме, сделал несколько оборотов и весь кузов замял.

А машину мы делали у Женьки Кондабаева в Верх-Нейвинске. Он сам уже не гонялся, а с машинами всегда помогал. А так как кузов долго выводить было, он вмятины и заломы замазал мовилем — чтоб не заржавело. Так я ездил на пятнистой машине. Как жираф.

И вот 31 декабря, вечером, приехали мы с Андрюхой Урденко забирать машины из Верх-Нейвинска (Андрюха родом из Первоуральска. Здоровый и добродушный парень. Играл в волейбол. Когда учился в «железке», в общаге его звали Масса). Женька выкатил за проходную обе машины. Стоим, разговариваем. Холодно. Андрюха торопит меня, говорит:

— Поехали быстрее, поехали…

— Ну, ты тогда езжай, а я еще минут десять поговорю и тебя догоню у города.

Он остолбенел от такой наглости. У него такая же полуторалитровая «восьмерка», и отыграть десять минут на семидесяти километрах немыслимо. Он говорит:

— Ты сам-то понимаешь, чего сказал?

— Давай-давай, езжай!

Посмотрел он на меня с сожалением и говорит Кондабаеву:

— Засекай!

Уехал. А я чувствую — погорячился. Женька говорит:

— Может, через пять минут поедешь?

Я говорю:

— Нет, все уже. Отступать некуда.

Пристегнулся. Женька дал отмашку. Я погнал. Просто страшно. Кто ездил по этой дороге, знает, о чем речь. А ездил я тогда на «БЛ». Была такая резина. После десяти градусов мороза — как на коньках.

Снегу намело. В одном месте меня понесло на внешнюю обочину. Успел открутить колеса, переключиться. Ударило. Зацепил обочину, сугроб через капот пошел. А у «восьмерки» на скорости запаса по мощности нет — страшно. А куда денешься, только в этих ситуациях и отыгрывается. Остановиться уже не могу.

Перед длинным подъемом разогнался, вошел на ста шестидесяти (больше она у меня не ехала). И вдруг у обочины замигала аварийка. И мужик с бабой выходят на дорогу и руками машут. Попытался начать тормозить — машина едет, как ехала. Я махнул рукой и снова было добавил газу, и вдруг что-то меня задело. Съехал в обочину (на «БЛ»-ке только так и тормозят). Попереключался, остановился метров через триста. Пока задним ходом до них доехал — шея затекла.

Все, никто уже никого не догнал. Расстроился. Вылезаю из машины. Стоит зеленый «москвич», заиндевевший. И мужик с бабой вокруг него приплясывают.

— Что, — говорю, — случилось у вас? Новый год встречаете?

— Вот, масло вытекло, до города не дотянули.

Открыл я багажник, дал им масло. Помог завестись. Чего уж, все равно никуда не тороплюсь. До Нового года еще время есть.

Я говорю:

— Что бы вы делали, если бы я не остановился?

Они вдруг говорят:

— А мы знали, что вы остановитесь.

— Откуда?

— А перед вами парень проехал на синей «восьмерке». У него масла не было. Но он сказал, что следом вы поедете на пятнистой машине. Остановитесь и дадите нам масло. А мы ему говорим: «А вдруг мимо проедет?» «Нет, я его знаю, он точно остановится и точно вам даст масло».

Дальше я ехал уже спокойно и все пытался осознать происшедшее.

Вот так вот мой товарищ отрезал мне все пути для отступления. Он просто выдал мне аванс, который я продолжаю отрабатывать до сих пор.

«Раб КПСС»

Светлой памяти Вити
Махотина посвящается этот рассказ

Витя Махотин — уникальный тип. Говорить о нем можно бесконечно. Сразу из детдома он попал в тюрьму. Отсидел ни много ни мало шестнадцать лет. Изъездил этапами весь Союз. Никогда и нигде не унывал. Сделал на лбу наколку «Раб КПСС». В Тагиле на больничке наколку варварски вырезали, на лбу остался шрам. В лагерях Витю все уважали и звали Репин. Кроме того, он вызывающе похож на Ленина.

Освободившись в тридцать лет, Витя получил первый в своей жизни паспорт. В графе «национальность» зачем-то написал: «еврей». Все удивлялись. Витя тоже.

Идти ему было некуда. Питался он в столовой на Химмаше. Брал два стакана чая и поднос с хлебом. Соль и горчица стояли на столе. Хлеб в те годы был бесплатным.

Родители давно умерли. У Вити остался только один родной человек. Старенькая бабушка Вера Витю очень любила. Вот о ней и пойдет речь.

Бабушка Вера была замечательной старушкой. Когда Витя сидел, она писала ему добрые письма, посылала сало, махорку и шерстяные носки. Витя отсылал ей все заработанные в лагере деньги.

Витя всегда жил очень небогато. Прямо скажем, нуждался. Но каждый раз, когда у него появлялись деньги, он их раздавал людям, которым они еще нужнее. Удивительно стойкое неприятие довольства и достатка. А про тех людей, которые слишком хорошо живут, бабушка Вера так и говорила: «Блинами жопу вытирают».

Витя приехал к бабушке Вере. Поселился в маленьком домике. А еще у бабушки Веры жили две собачки и три кошки. На Пасху бабушка Вера белила хатку. Собачки и кошки ютились на диване. Она их шугала, пытаясь выгнать на улицу. Хитрые звери перебегали с дивана на комод, с комода на подоконник и никак не хотели идти на улицу. На что бабушка Вера с укоризной им замечала: «Вы што, дурачки, на улице говны тают, а у вас ноги мерзнут?!»

Витя очень любил бабушку и написал ее портрет. Портрет получился замечательный. Витя вставил его в киот и, куда бы ни

переезжал, везде возил с собой. Эта картинка в начале 90-х годов висела в Музее Свердлова на Карла Либкнехта, где работал Витя. Мое внимание на нее обратил Брусиловский. Показал на эту работу и сказал мне: «Все-таки Витя очень сильный живописец».

К тому времени у меня было уже много Витиных работ. У него лично я ни разу ничего не купил. Он мне всегда дарил. Доходило даже до скандала.

Когда Витя был директором выставки, у него висела другая замечательная картинка — «Бабушкино кресло». В глубоком старом кресле дремлет величественная старуха, а сбоку тихонечко, на цыпочках подкрадывается ее маленький рыжий внучек. Я эту картинку видел на фотографиях, она мне очень нравилась. Я знал, что она находится в частной коллекции, и это немало меня удручало.

Однажды на выставке на Ленина, 11, я читал стихи при большом скоплении народа. Витя выпил водки и перевозбудился. «Что я могу подарить тебе?» — кричал он. И тут я увидел на стене эту картинку. «Витя?» — спросил я, холодея от собственной беспардонности. Витя сказал: «Все, она твоя!» Перевернув картинку, я увидел надпись: «Диме и Наташе Букаевым от Виктора». «Как же так, Витя?» «А вот так!» — ответил он и лихо приписал фломастером: «А также Евгению». Как выяснилось потом, Витя выпросил эту картинку у хозяев на выставку под честное слово на три дня.

Был скандал. Картинка осталась у меня.

Кстати, насчет кресла. Когда Витя жил на Ирбитской, у него был день рождения. Собрались все. Пришел Фил (Виктор Филимонов из консерватории) с какой-то девицей. Но жена Фила пришла еще раньше. Фил с девицей ввалились к Вите, ничего не подозревая. Был ужасный скандал и мордобой.

Жена победила. Фил с девицей убежали зализывать раны. Часа три-четыре умный Фил отсиживался в огородах, ожидая, когда его жена уйдет. И снова они с девицей зашли поздравить Витю. Жена была там. Снова была драка. Соседи вызвали милицию. Милиция приехала через два часа, когда уже все разошлись. Менты вломились в квартиру и застали Витю в халате, сидящего в кресле. «Поехали», — сказали они ему. «С чего вдруг?» — ответил Витя, который, как и все нормальные люди, ментов не любил и имел на это все основания. «У вас тут был скандал», — заявили менты, на что Витя резонно возразил: «Надо было ехать, когда был скандал, а сейчас-то вы на фиг нужны?» — «Вам придется пройти с нами!» — «С места не встану», — сказал

Витя.

И действительно, Витя не встал с кресла. В райотдел его доставили вместе с подлокотниками. Дали пятнадцать суток и увезли на Елизавет. Марина Браславская, Тамара Ивановна, Эмилия Марковна и Светка Абакумова возили ему передачки. Витю все любили.

Все эти годы «Портрет бабушки» не выходил у меня из головы. Я не знал, с какой стороны зайти. Начал я очень деликатно: «Витя, продай мне этот портрет». Витя посмотрел на меня как на идиота: «Ты сам-то понял, что сказал?! Ты мне предложил продать бабушку! Ты бы свою бабушку продал? Как у тебя язык повернулся?!» Витя побледнел. Я понял всю глубину своего падения и к этой теме больше не возвращался. Но портрет бабушки мне нравился очень, и я считаю, что это одна из лучших Витиных работ.

Через пару лет я забежал к Вите в музей. Смотрю, сидит ошарашенный Костя Патрушев и держит в руках портрет бабушки Веры. «Вот, — говорит, — у Вити купил. За сто двадцать рублей». Я очень расстроился, посмотрел на Витю и говорю: «Витя, как это могло случиться?» «Да, — говорит Витя, — неловко как-то вышло, бабушку продал…» Я говорю: «Витя, а как ты теперь собираешься мне в глаза смотреть?» Витя очень смутился. Все замолчали. Мне было очень обидно… Вдруг Витя поднял указательный палец вверх и сказал: «О! Я знаю, как исправить!.. Я сделал нехорошо, я продал Косте бабушку! Я виноват!» Он бросился к сундучку: «Я все исправлю!.. Я продам тебе дедушку!» И торжественно вручил мне замечательный акварельный портрет дедушки Никиты. Портрет был хорош, но обида еще осталась. «Нечестно, — говорю, — Витя, дедушка-то не родной». Витя говорит: «Вот чудак, кто ж тебе родного-то продаст?»

Однажды нашего товарища Олега Пасуманского в начале 90-х годов жестоко избили омоновцы. Ни за что, просто так. Олег лежал в 14-й больнице у доктора Ваймана. Мы с Витей решили Олега навестить и утешить. Я заехал за Витей на Ирбитскую. Витя только что закончил автопортрет. Автопортрет мастерский. Витя в тельняшке, похожий на Ленина, на фоне горисполкома. «Витя, продай картинку», — взмолился я. «Забирай», — сказал Витя. Я дал ему пятьсот рублей, забрал картинку, и мы поехали навещать Олега. Уже в больнице Витя забеспокоился: «Что ж мы, как индейцы какие, с пустыми-то руками. Так и опозориться недолго». Мы зашли в палату, Олег лежал весь перебинтованный.

Олег увидел автопортрет и просветлел. «Вот, — говорю, — Олег, это тебе от нас». «Что значит от нас, — возмутился Витя, — ты-то тут при чем?»

Я уже говорил, что почти все свои работы Витя мне подарил. Он также подарил мне две работы Валеры Гаврилова 70-х годов, несколько замечательных работ Лысякова, лучшую работу Вити Трифонова «Обком строится», несколько картинок Брусиловского, старые работы Валеры Дьяченко, одну картинку Языкова, Лаврова, Зинова, Гаева, да и не вспомнить всего.

Однажды мы с Брусиловским решили выпить бутылочку вина. И встретили Витю Махотина. «Витя, выпьешь с нами?» — «Нет. Никогда. Я не такой. Разве что в виде исключения». Сидели на берегу Исети. Брусиловский, глядя на воду, задумчиво сказал: «Все-таки Махотин — замечательный живописец». «Уж получше вас-то, Миша Шаевич», — ответил Витя.

Однажды Витя зашел к нам в музей. Я обрадовался и говорю: «Вот Витя Махотин, непосредственный участник жизни и смерти».

Эти слова Миша Выходец взял эпиграфом к своему замечательному стихотворению.

Ода-эпитафия
отсутствующему счастливо Виктору Федоровичу Махотину, человеку и гражданину нашего мира, непосредственному участнику жизни и смерти.

Неплохо, но давно нехорошо.
Кто не пошел ни с короля, ни с пешки —
Тот никуда из дома не пошел.
Скорлупки внешней от ядра орешка
не отделял.
Что нажил — прожил, что налил — то выпил.
Не ублажал многоголовый пипл.
Не накопил ни фунта, ни рубля.
На кровке не божился — буду бля.
И не был бля. И божию коровку
в себе не раздавил.

Оборванным листочком, полукровкой
Не слыл среди людей.
Ни эллин, ни ромей, ни готт, ни иудей.
На белом свете он такой один.

Ни жертва, ни палач, ни раб, ни господин.
Оратай без сохи. На мирном поле воин.
Он моего почтения достоин
За то одно, что мелкие грешки
Не превращал в великие стишки.

Однажды он оставил нас.
В свой день и час неторопливо
За ним закрылась дверь.
Он в мире всем теперь
Отсутствует счастливо.

Когда я был президентом Фонда, день заканчивал очень поздно, потому что ездил на Белоярку, заезжал на Изоплит в реабилитационный центр и только после этого, полностью высушенный, почти ночью ковылял домой.

А Витя Махотин жил прямо по дороге, на улице Ирбитской. Витя называл ее «Ирбитская-стрит» и добавлял, что раньше он жил на «Финских коммунаров-стрит».

У меня руль прямо сам туда поворачивал. Я стукал кулаком в стенку, заходил.

Витя жил небогато, но очень чисто. У него в комнате была куча книжек и картинки. Картинки он мне дарил (а я еще, болван, кочевряжился и не всегда брал). Мы с ним чаю заварим в эмалированных кружках, пряники, сахар… И сидим, о жизни разговариваем.

А тут как-то Витя достал альбом с фотографиями.

Я смотрел, смотрел:

— Витя, а сколько у тебя детей?

Не задумываясь:

— Восемнадцать.

Я взвыл:

— Витя, ну хорош врать! Если б ты сказал «пять», ты б меня уже убил наповал. Ну, скинь немножко!

— Хорошо. Шестнадцать. Но больше не скину, даже не проси! — Вскочил. Борода всклокочена. — И не вздумай торговаться, я против истины не пойду!

Я говорю:

— Ну, хорошо, перечисли.

— Лешка, Петька, Ленка, Илюху ты знаешь, Анька, Вовка, Прохора ты знаешь, Серега, Клавка…

Бормотал, бормотал, загибал пальцы — сбился.

— Слушай, — говорит, — я ведь тебе наврал. Похоже, все-

таки восемнадцать.

Я тем временем фотки смотрю:

— Витя, ты сколько раз был женат?

— Восемь. Или девять. Вот здесь точно не скажу — соврать боюсь.

Показываю фотку:

— А это кто?

— О! Это Светка! Как я ее любил!

— Это что, мать Прохора?

— Нет, мать Прохора — другая Светка. Я ее еще больше любил! Это Ленкина мать.

— Так это она к тебе с дочкой тогда приходила?

— Нет. С дочкой Юля приходила.

— Это с которой у тебя еще в детдоме любовь была?

— Нет. В детдоме у меня была любовь с Танькой… Как я ее любил!

Я растрогался.

— Витя, — спрашиваю, — это была первая любовь?

— Что ты! — отвечает. — Первая любовь вот — Аленка!

Выхватывает фотку: стоит испуганная девочка с мишкой в руке, мишка свисает до полу.

Начинает мечтательно:

— Ей было семь, а мне восемь…

— Так ты же говорил, что она была взрослая!

— Это не она была взрослая! А наша воспитательница Элла Герасимовна! Но это было уже позднее…

— А это кто, твой друг?

— Какой друг?! Это мой сын!

— Так это который от Розки?

— Ну ты даешь! От Розки — Илюха! А это Ваня — от Лили.

— Вот это, что ли, Лилина фотка?

— Это не Лиля! Это Генриетта! Я ее до сих пор люблю!

— А это чья фотка?

Бамс меня по руке!

— А вот этого не трожь! Могут у меня, у взрослого человека, быть маленькие тайны?..

Конечно, Витя прикалывался. Потому что имена каждый раз менялись. Но получалось у него очень складно и красиво.

Когда Витя умер, его отпевали в Михайловке. Было огромное количество безутешных женщин. Я такого не видел нигде.

И совсем по-другому плакала красивая рыжая девчонка, похожая на Витю.

На самом деле у Вити трое детей: Илья, Прохор и Клава…

День Победы

МИД Украины уполномочен заявить, что единственной причиной участия 1-го Украинского флота в маневрах НАТО явился семибалльный шторм…

Анекдот

В конце апреля 1999 года мы с Андрюхой Павловым приехали на Ревун. Исеть уже вскрылась, воды было много. Мы спустились со скал. Близко подходить было страшно.

— Почему называется «Ревун»? — спрашивает Андрюха.

— Говори громче, я не слышу, — отвечаю.

— «Ревун» почему называется? — кричит он.

— Не понял, повтори, — говорю.

— Все, не надо, я сам догадался, — обрадовался он.

— Молодец! — отвечаю.

— Что ты сказал? — спрашивает.

Поднялись на скалы оглохшие. Сидим, смотрим сверху. Вода идет с ревом, сплошным бурым потоком. Пороги все в белой пене, висит водяная пыль.

— Вот бы сплыть, — говорю осторожно.

— Не, я не горазд, — говорит Андрюха.

— Ну, пойдем, посмотрим.

Ушли выше по течению. Взяли какое-то толстое бревно, бросили в воду и побежали бегом на скалы — смотреть. Бревно крутило, как городошную биту в полете. Потом его прибило на левую сторону под скалы, оно встало торчком и исчезло. Мы смотрели, смотрели — оно больше нигде не выплыло.

«Ой-е-ей», — думаем…

Сплыть захотелось еще больше.

Я Андрюхе говорю:

— Ну что? Может, попробуем?

Он говорит:

— Нет-нет-нет, не попробуем, не попробуем!!!

Мы поехали в город озадаченные. Едем, молчим, репу чешем.

Приехал я к отцу. Говорю:

— Пап, как ты думаешь, реально Ревун пройти?

Он говорит:

— Кому?

Я говорю:

— Мне.

— Когда?

— Сейчас, в это время.

Он говорит:

— Ну, вообще-то все, когда сплавляются, Ревун обносят по берегу. А в это время там, наверное, пятая категория сложности… На чем ты хочешь?

Я говорю:

— Ну, у нас есть лодочка, «Хантер», надувная.

— Так себе лодочка. Клизма американская. У деда Мазая лучше была.

Я ему говорю:

— Чужую лодку каждый охаять норовит.

А он мне:

— Видел на берегу, там могилы, крест стоит?

Я говорю:

— Видел. Так они, наверное, пьяные были.

— Правильно. Кто туда трезвый-то полезет…

Вижу, заволновался. Говорит:

— Так у вас опыта нет никакого.

Отвечаю:

— Так в этом-то весь смысл.

В следующие выходные мы с Андрюхой, с моим отцом и Саней Ляным сплавились по Режу — от Колташей до Режа. Андрюха греб с носа, я с кормы. Потихонечку приспособились. Потом Андрюха выпал из лодки в ледяную воду. Вылез на островок. Решил проверить зажигалку: работает ли она после того, как побывала в воде. Загорелась сухая трава. Через пару минут весь островок был в огне. Мы еле спасли лодки. Гребли оттуда изо всей силы, ругая незадачливого Андрюху. Над нами кружил пожарный вертолет. У Режа река была подпружена. Мы двадцать километров гребли по стоячей воде на резиновых лодках против ветра. Нас встретил Женька Улюев. Мы загрузили лодки в багажник, выпили водки.

Андрюха говорит:

— Ну все, я, кажется, горазд сплыть по Ревуну.

В этот самый момент я понял, что я-то не горазд, но отступать было уже некуда…

9 мая за мной заехали Андрюха с Ленкой на Сашином джипе. Это был тот самый знаменитый джип TOYOTA Landcruser-80 с номером «111», который прошел два «Урал-трофи», но тогда он

был еще новый. В багажнике лежала лодка. Сам Саша почему-то не поехал.

Приехали на Исеть, там какие-то соревнования. Штук сто палаток, спортсмены-водники со всего Урала, катамараны сушатся. Какие-то ребята наверху, на скалах.

Я говорю:

— Что не ходите?

Говорят:

— В Двуреченске плотину открыли, вода большая идет.

На самом нижнем пороге тренируются. Уже со спокойного места, из тихой гавани, на катамаранах-двойках поднимаются на один порог вверх и скатываются обратно — технику отрабатывают. Мы достали лодочку. Накачали ее до звону. К нам подошел какой-то водник, мастер спорта из Перми. Бородатый, в потрепанной штормовке и драных кедах.

— Чего, — говорит, — задумали?

Мы его осторожно спрашиваем:

— Как ты думаешь, реально Ревун пройти?

Он посмотрел на нашу лодочку и отвечает:

— На этом-то корыте?

— Да нет, — говорим, — мы просто так спрашиваем, теоретически.

Говорит:

— Ну-ну.

Я говорю Андрюхе:

— Хрена ли мы здесь с тобой в лягушатнике будем плавать? Поехали, объедем скалы, уйдем выше по течению и там попробуем.

Закинули лодку на багажник, посадили Ленку за руль, сами встали на подножки, держим лодку и поехали к мосту, к деревне Смолино. Только начали подниматься на гору, слышим крики: «Стойте, стойте!»

Остановились. Бежит за нами бородатый, кедами хлюпает:

— Парни, идите по правой стороне, прижимайтесь как можно сильнее к правому берегу.

— Почему? — спрашиваем.

— А так у вас хоть какой-то будет шанс в живых остаться. Если потащит влево, из-под скал не выйти. Там посредине островок, его сейчас не видно, только ивы торчат. Если что, цепляйтесь за ивы, вас потом вертолетом снимут…

Выше по течению было уже не так страшно. У нас было три весла.

Андрюха мне говорит:

— На фиг нам третье весло? Давай на берегу оставим.

Я говорю:

— Как на фиг?! Давай клади в лодку.

Надеваю жилет спасательный.

Он говорит:

— А жилет-то на фиг?

Я ему говорю:

— Слышишь, ты, умник, я-то, в отличие от тебя, хотя бы плавать умею.

Надели жилеты. Ленке говорим:

— Ну все, мы поплыли.

Спустили лодочку на воду. Течение очень сильное.

Я говорю Андрюхе:

— Давай пересечем наискосок к правому берегу, уйдем прямо к той стене, проскребемся вдоль правого берега до первого порога, остановимся и посмотрим.

Состоялось. Пошли. Он греб с левого борта, а я с правого. Он встал на баллон коленом, а вторую ногу засунул под правый баллон, расперся. Я встал точно так же и на всякий случай зацепился ногой за леер. Оттолкнулись. Подхватило сразу. Мы даже не ожидали. Стали выгребать против течения, сломали весло. Андрюха сразу схватил запасное.

Я ему говорю:

— Обломки выкини.

Он отвечает:

— Не-не, пусть будут.

С огромным трудом выгребли к противоположному берегу. Чуть-чуть успокоились. Я ему говорю:

— Давай чуть ниже уйдем, там пристанем.

С левой стороны от нас, чуть ниже по течению, торчал огромный валун.

— Давай, — говорю, — обойдем его слева и там уже пристанем. Осмотримся.

Он говорит:

— Давай.

Выгребаем снова к средине, гребем изо всей силы, огибаем камень и пытаемся уйти вправо, к берегу. Весла гнутся, у нас ничего не получается. Нас несет и втягивает в какую-то гигантскую воронку между камнями. Впереди стоит сплошной рев. Андрюха поворачивается ко мне и орет истошным голосом:

— Женя! Все, все! Греби, греби! Поплыли!

Сам вижу, что поплыли. Страх кончился.

Нас несло на огромный валун, который делил поток на две

части. Сделать мы уже ничего не могли. Мы прошли над ним, раздался треск. Сразу за камнем мы упали. Удар был очень сильный. Справа и слева от нас стояли водяные стены метра по два высотой. Полная лодка воды. Нас развернуло, я оказался на носу, потерял Андрюху из виду. Понял, что он выпал из лодки и утонул, но жалости в тот момент у меня не было. Надвигался еще один порог. Лодку бросало и колбасило, она вставала торчком. Я греб, сколько было силы, причем схватился под самую лопасть, чтобы не сломать весло. Лодку снова развернуло, я даже не удивился, увидев Андрюху впереди. Рев стоял немилосердный, нас уносило влево, под скалы, туда, где из воды торчал большой крест. Мы оба все понимали. Гребли слаженно, изо всей силы, пытаясь уйти вправо. Наконец нам это удалось.

Мы почти подошли к берегу, Андрюха прыгнул, чтобы уцепиться за кусты, и упал в воду. Тем не менее за берег мы зацепились, вылили из лодки воду. Перед нами оставался только один порог. Мы подняли головы, все скалы были облеплены людьми. Все смотрели на нас. Мы спокойно сели в дырявую лодку и прошли этот порог по диагонали справа налево.

Спустившись, мы сидели в лодке в полной тишине, опустив весла, пока нас не вынесло на мель. Пульс у меня был за двести. Мы тихонечко подкатились к берегу, оглохшие и очумевшие. К нам бежали люди.

Первым подбежал бородатый водник.

— Парни! — закричал он. — А ведь такого здесь еще никто не видел!

Люди выстроились в очередь, чтобы пожать нам руки. Клянусь, я не преувеличиваю. Все говорят:

— Парни, ну вас и колбасило! Мы думали, вас не вынесет.

Я обиделся:

— При чем тут вынесет — не вынесет? Мы сами выгребли.

Посмотрел на весла, а они стали как коромысла. Мы были счастливы.

Тут с горы спустилась Ленка.

— Ты видела? — спрашивает ее Андрюха.

— Что? — спрашивает она.

— Да ничего.

— Не переживай, — говорю, — Андрюха, зато все остальные девушки видели.

Мы достали бутылку виски.

— Ну что, — говорю, — за Победу! С праздником!

Пожали мы друг другу руки и засадили из горлышка. Лодочку сдули, засунули в багажник, Ленку посадили за руль, поехали в город.

Только заехали в зону досягаемости, я позвонил отцу.

— Ну, что, — говорю, — папа, мы прошли!

Он сначала даже не поверил. Потом обзвонил всех своих знакомых, нахвастался. Мне давай все звонить, спрашивать подробности, поздравлять. Нам с Андрюхой гордо, нас распирает.

Через неделю поехали на Ревун снова. Встретили знаменитого путешественника Вову Рыкшина с голубоглазой собачкой хаски. Говорим ему так вежливо, с почтением:

— Здравствуйте. А как вы думаете, можно по Ревуну сплыть на резиновой лодочке?

Он говорит:

— Фигня делов! Тут в прошлые выходные два идиота сплыли.

Сам ты идиот, полярник сраный. Сам бы попробовал. Это тебе не на собачках к Северному полюсу.

Жизнь сначала

Товарищ мой, старый книжник, жил на Шевченко. Человек он был домашний, не сказать, что жадный, но скопидомный. Все в дом. И магнитофон у него был замечательный, и проигрыватель, и телевизор цветной, и соковыжималка, и даже какой-то редкий в те времена кухонный комбайн. А квартира была двухкомнатная хрущевка и вся заставлена снизу доверху — пройти невозможно. А ему это, видимо, нравилось, и он вполне ощущал, что дом — полная чаша. И вот однажды он уехал на юг, а за это время его обокрали. И вынесли все! Даже шторы, и те вынесли.

Меня нашли соседи и говорят: «Он скоро приезжает, надо его как-то подготовить». И вот я приехал на вокзал, сделал печальное лицо и начинаю его встречать. Но, видимо, перестарался. Он вышел из вагона, увидел меня, и ноги у него подкосились. Он вдруг испуганно: «Женя! Женя! Что случилось? Говори!»

А я еще сделал паузу и говорю: «Миша, ну, понимаешь…»

Он схватил меня за руку: «Не томи! Говори как есть!»

Я говорю: «Миша! Тебя обокрали. Вынесли все!»

И он вдруг улыбнулся, вздохнул глубоко и с огромным облегчением сказал: «Ну, слава богу! Наконец-то я могу начать жить заново».

Против логики

Мой товарищ Костя Патрушев жил тогда на Свердлова. Ему было десять лет. У них дома был аквариум. И вот дядя Володя купил двух скалярий. Красивых и редких тогда рыбок. Вдруг одна рыбка пропала. А в доме три человека — Лина Ароновна, дядя Володя и Костя. Куда могла деться рыбка, непонятно. Стали спрашивать у Кости. Костя пожимает плечами:

— Я не знаю.

При этом дядя Володя рыбку точно не брал, и Лина Ароновна точно не брала.

— Костя, ну не упрямься. Куда ты дел рыбку?

Костя уперся:

— Не брал я!

— А куда же она тогда делась?

— Я не знаю.

— Костя, ну ты же понимаешь, что врать нехорошо!

— Я не вру!

— Хорошо, тогда куда делась рыбка?

— Я не знаю.

— Костя, скажи правду. Тебе за это ничего не будет.

— Я не брал.

— Костя, — стал искать ходы дядя Володя, — может, ты ее поменял на марки?

— Нет.

— А что тогда? Подарил кому-нибудь?

— Я не брал.

— Костя, ну зачем ты обманываешь? Мы же все понимаем. Сознайся!

— НЕ! БРАЛ! Я! ВАШУ! РЫБКУ! — отчаянно закричал Костя и зарыдал.

У него началась истерика. Лина Ароновна села рядом с ним, обняла, прижала голову к груди и сказала:

— Успокойся, я знаю, что ты не брал. Я тебе верю.

Вот так вот, против всякой логики.

Через полгода чистили аквариум и в большой раковине нашли скелетик рыбки. Она заплыла туда и не сумела выбраться.

Попутчик

Мне позвонили могучие парни и позвали на тренировку. Еду я по Крауля в сторону города. Смотрю, на углу Крылова стоит пожилой человек с кошелкой и так спокойно, с достоинством, останавливает машину. Я остановился и стою. Он подошел и спрашивает: «Это вы мне остановились?» Я говорю: «Конечно. Куда вам?» Он говорит: «Если можно, угол Малышева — Бажова. Только у меня тридцать рублей». Я ему говорю: «Садитесь, садитесь». Сначала он подал мне палку, потом поставил кошелку, с большим трудом взобрался на сиденье и говорит, извиняясь: «Я, понимаете ли, без ноги. Вы уж меня извините». «Ладно, — отвечаю, — чего там». Поехали мы…

«Вы воевали?» — спрашиваю. «А то! — отвечает. — Ушел по ворошиловскому набору сразу после десятого класса, в 40-м году. Служил на Западной Украине. Стояли мы на Буге…» «А как для вас война началась?» — спрашиваю. «В субботу, — говорит, — получил увольнение. И пошли мы в близлежащий городок. Сели в кабачке выпить пива. Я, еще один солдат и лейтенант с нами. Вокруг нас все крутился поляк, хозяин кабачка. Подливал нам пива, всячески угощал и никак не хотел брать с нас денег. Наш лейтенант пытался всучить ему деньги. Хозяин в последний момент убрал руки за спину, и деньги упали на пол. Поляк наклонился, чтобы их поднять, и вдруг у него из кармана упала и разлетелась по полу пачка фотографий. Он побелел, выпрыгнул в окно и помчался к лесу. Лейтенант истошным голосом закричал: „Стреляйте по ногам, возьмем живым!“». «Что на фотографиях-то было?» — спрашиваю. «Да ничего, — говорит, — весь комсостав нашей дивизии. Еле скрутили мы его. Вечером в части командира наградили часами, а нам с бойцом объявили благодарность и предоставили двухнедельный отпуск. Я очень обрадовался и утром собирался уехать к родителям в Киев. Спать лег счастливый…

Прошел я всю войну. Видел все, что можно было увидеть. Был ранен, контужен, лежал в госпиталях. Однажды в Кисловодск, в госпиталь, приехал знаменитый Вольф Мессинг выступать перед ранеными. Там я с ним и познакомился. Он сказал одну очень интересную вещь, я помню это всю жизнь: „Ни одно доброе дело не пропадает“.

В госпитале я познакомился с одной прекрасной девушкой. Она стала моей женой. Мы приехали сюда, в Свердловск, и остались здесь жить».

«А чем вы сейчас занимаетесь?» — «Вообще-то я занимаюсь

педагогикой, — отвечает. — Я много преподавал, занимался научной работой. Я счастливый человек, у меня много учеников. Одно время занимался творческим наследием Макаренко…» — «Во-во, — перебил я его. — Только перечитал „Педагогическую поэму“…» — «Что вы говорите! Это великая книга, а Макаренко великий педагог! Правда, его не очень жаловала Крупская, говорила: Это „беспризорная педагогика“». Я говорю: «Крупская-то что в педагогике понимала?» Он отвечает: «Ну не скажите, все-таки двенадцать томов издано». Я говорю: «Ну все равно она, видимо, хорошая тетка была». Он говорит: «Это несомненно». «Вообще, — говорю, — когда сам столкнулся, „Педагогическую поэму“ прочел по-другому. Макаренко повезло. Все-таки за ним стояла советская власть, ЧК. У колонистов были стимулы, такие как комсомол и рабфак, к тому же они не были наркоманами…»

Мы давно уже приехали. Стояли у его дома и разговаривали. Я хотел ему подарить книжку своих стихов, но не нашел. У меня была с собой статья из «АиФа». Я ему ее отдал. И был приятно удивлен, что он знает нас и поддерживает. «Все-таки, наверное, страшно?» — спрашивает он меня. Я ему говорю: «Вот вы всю войну прошли, под пули лезли, в атаку ходили — не страшно?» Говорит: «Да как-то не задумывался…» «Смотрите, — говорю, — выжили, победили — гордо?!» Он улыбнулся. «Вот, — говорю, — и мне за вас тоже гордо!» «Будьте осторожней!» — отвечает. «Спасибо», — говорю. «Все-таки возьмите деньги». — «Да что вы, не надо мне никаких денег». Он настаивает: «Берите, Женя, не стесняйтесь. У меня роскошная пенсия!»

Фамилия этого человека Яковлев. Он 22-го года рождения. Я дал ему свою визитку, может быть, он мне позвонит.

Приехал на тренировку. Хожу, думаю о своем и улыбаюсь. Парни говорят: «Ты чего такой довольный?» — «Да так, — говорю, — человека хорошего встретил. Радуюсь».

Зачем вы, девушки?

Я, когда освободился, до поступления в университет работал на Уралмаше, в 50-м цехе, на сборке.

И вот однажды вышел в третью смену, в ночь, а я и так-то не высыпался, а тут вообще как чумной ходил. И в перерыв забрел к девчонкам-крановщицам в тепляк. Сел в уголок, а там тумбочка стояла. Я каску снял, голову уронил и закемарил. А их там собралось человек пять-семь: крановщицы да малярши еще подошли. И они видят, что я уснул, заговорили о своих бабских делах. Ну какие там бабы — лет по тридцать, может. И без всякого спиртного посреди рабочей смены рассказывали о жизни в таких подробностях, что я проснулся и слушаю. И боюсь, что они увидят, что я покраснел и уже не сплю. Я никогда не представлял, что женщины могут настолько откровенно разговаривать друг с другом о таких серьезных интимных вещах. Ну, в общем, такого наслушался, что до сих пор стесняюсь.

Все-таки женщины отличаются от мужчин. Не представляю, чтобы мужчины могли делиться друг с другом такими подробностями. А уважающие себя мужчины тем более.

А среди этих девушек была крановщица Тома, очень красивая, спокойная женщина. У нее муж был очень ревнивый, работал в милиции на Машиностроителей, 45, и каждую смену встречал ее возле проходной. А со мной в бригаде работал один парень, и у них была любовь. И рядом с цехом стояла такая будочка, уж не помню, что в ней хранилось. А у Васи был ключ от нее. И он минут за пять до обеденного перерыва уходил в эту будочку, а потом туда осторожно приходила Тома. И так каждую смену вместо обеда… Так вот, она в общем девичьем разговоре не участвовала. Не знаю, может, ее все устраивало.

Рассказ

Забирала дочку из садика. Воспитательница сказала, что завтра утренник и дочке надо обязательно быть в нарядном платье. Она запереживала, потому что жили бедно и платья нарядного не было. Но муж должен был сегодня на заводе получить премию, и она, подхватив дочку, заторопилась домой. Мужа еще не было. Попросив соседей присмотреть, побежала в «Детский мир» на Культуры, что напротив кафе «Березка», и увидела замечательное розовое платье. Упросила продавщицу придержать до закрытия, до восьми, и побежала домой.

Пришел муж — она к нему. Он в сердцах:

— Да не дали сегодня премию…

Махнул рукой и вышел во двор, где напротив подъезда стоял стол и мужики играли в домино.

Она очень расстроилась, уложила дочку спать и стала думать. Потом тряхнула волосами и достала голубое платье. Замечательное голубое платье, которое несколько лет назад шила себе на свадьбу. Взяла ножницы, вздохнула и стала кроить.

Когда пришел муж, она ушла на кухню, чтобы никому не мешать. Швейной машинки у нее не было, и поэтому шила она на руках. Деревенская девчонка, она руками умела делать все. К утру платье было готово.

Она разбудила дочку, нарядила ее и заплела в косички голубые бантики. Чудное получилось платье! Дочка очень радовалась.

Она заторопилась отвести дочку в садик, потому что ей тоже надо было на работу.

Муж, выходя из дому вместе с ними, вдруг сказал:

— А! Премию-то дали! Вот, возьми…

Она посмотрела на него:

— Ты что?

А он растерялся и говорит:

— Я хотел, чтобы ты сильнее обрадовалась…

Противостояние

В конце 70-х на Свердловском централе малолетки пошумели. Не то чтобы бунт. Так, хипиш получился. Попкарша (надзирательница) там одна работала, молодая и дерзкая. Своим наглым взглядом малолеток смущала. Они ее подозвали. Она отомкнула кормушку. Ее нежную девичью руку в камеру затянули и за 30 секунд полную ладошку надрочили. Она потом три дня голосила и бегала в санчасть, где ей руку в хлорке отмачивали. Весь маникюр сошел. Но я не об этом.

После этого хипиша малолеток раскидали по всей тюрьме по разным камерам. А двух самых блатных закинули на взросляк, на старый корпус.

Вечер. Общаковая хата. Битком. Сорок рыл. Жара. Духота. Все полуголые, стриженые, запортаченные. Всё в сизом дыму. Курят махорку рубленую, что в ларе по пять копеек. Самокрутки из газет. Бывалые стараются на тарочки для закрутки брать где картинка, там свинца побольше — вроде как и продирает посильнее, поядовитее получается. Скука. Сорок рыл, не зная, чем заняться, шпилят с утра до ночи, чифирят, тусовки нарезают да терки трут. И вот на вечерней проверке открывается дверь и закидывают двух малолеток. Малолеток видно сразу, они в казенном.

Все попрыгали со шконок, повылезали из своих углов — всем интересно. «А что, парни? За что? Откуда?» Один: «Я с Вагонки (Тагил)». Другой: «Я с Динаса (Первоуральск)». «А что на взросляк?» — «Да хипишнули. Попкарше в руку натрухали…» — «Ох, парни, плохо дело! Вы же теперь по политической пойдете». — «Что такое?» — «Так она же, небось, комсомолка!» Ну, в общем, приняли их ласково. Порасспрашивали, поприкалывались.

А в центре хаты — платформа, стол такой дощатый, окантованный железом, чтобы доски не выбили. А к нему приварены длинные скамьи. И вот старшие, кому положено, собрались за платформой, малолеток пригласили. Чаю заварили, хапанули. Отпарили вторяки, подмолодили, еще хапанули. И малолетки туда же, как взрослые, чинно, по два глотка, с карамелькой. Потом один из старших: «А что, которые круче — тагильские или первоуральские?»

Малолетки аж опешили. Ясен пень! Конечно, тагильские. То есть первоуральские. А тут еще земляки в хате нашлись. Одни орут: «Да первоуральские круче!» Другие говорят: «Тагильские

малолетки всех блатнее!» Парни-то уж вскочили, готовы друг в друга вцепиться. Старший осадил:

— Э! Вы не на малолетке. Здесь гладиаторские бои не канают. Тот круче, у кого яйца крепче!

Вся камера орет:

— Да, да! Надо проверить!

И к этим:

— Готовы?

Как не готовы?! Страшно, конечно, а куда денешься? За свой город надо постоять. Камера гудит. Одни за тагильских, другие за первоуральских. Старший говорит:

— Тихо. Здесь все серьезно. — И к малолеткам: — Сейчас каждому из вас привяжем к яйцам шнурок. Сядете напротив друг друга. Ты возьмешь в руку его шнурок, а ты возьмешь его. Тянуть будете изо всей силы, поэтому сразу намотайте на руку, чтоб не выскользнул. Кто первый заорет «сдаюсь», тот проиграл.

Малолетки уже начинают снимать штаны. Старший говорит:

— Подождите. Предупреждаю: будет больно. Поэтому каждому сейчас завяжем глаза, чтоб от боли не лопнули.

А малолетки уже раздухарились, им по фиг. Смотрят друг на друга, как Тайсон с Холлифилдом. У каждого за спиной секунданты.

Тут же появились прочные шнурки, сплетенные из распущенных капроновых носков. Малолеток усадили друг напротив друга, каждому надели на яйца петлю и затянули покрепче. И завязали глаза. И вот они сидят, сопят носами, ждут команды. Вся камера повскакала со шконарей, сгрудилась вокруг них.

В ту секунду, когда они сидели с завязанными глазами и шли последние приготовления, между ними аккуратно поставили смазанную маргарином кружку и придавили сверху. И когда подали в руки концы шнурков, их пропустили вокруг кружки так, что каждому достался свой собственный. Камера затаила дыхание. Старший сказал: «Поехали!» И каждый из малолеток, намотав на кулак шнурок, осторожно потянул. Камера притихла.

— Ух ты!

— Больно, блин!

— Черт!

— Ну подожди, псина!

Потянул чуть сильнее — и он, гад, сильнее.

— Ох ты, гнида, ну держись!

— Ах ты вот как, пидор!!!

Тянут все сильнее, боль невыносимая, скрежещут зубы. Вся

камера на ушах.

— Тагил, тяни! Он уже сдается!

— Первоуральск, делай! Он сейчас не выдержит!

И тянут, бедолаги, уже в полную силу. Скрипят зубами, плача и захлебываясь от ненависти друг к другу. И каждый понимает, что надо терпеть и тянуть. Камера рыдает. Малолетки стонут от боли и матерят друг друга. С галерки:

— Тагил, х…ли ты тянешь?! Рывками пробуй!

Пробуют рывками.

— Первоуральск, не поддавайся!!!

Хрипят из последних сил. Не сдаются. Камера бьется в истерике…

Что вы думаете? Кто-то оказался крепче? Ни хрена подобного. Услышав эти дикие вопли, в камеру ворвался надзиратель по прозвищу Гангрена, бывший фронтовик. Спалились, потому что на стреме никто не стоял, всем было интересно, у кого яйца крепче. А так бы эти парни просто с безобидной дружеской подначки оторвали бы себе яйца.

Когда они сдернули повязки и поняли, что произошло, то с плачем бросились с кулаками на всю камеру сразу. Еще бы не обидно! Собственноручно со всей свирепостью отрывали себе яйца на глазах у всей хаты, думая, что отрывают их у другого… И Гангрена их успокаивал.

Малолетки, конечно, на всех обиделись. Но им тут же объяснили, что обиженных е…т. Им ничего не оставалось, как тоже смеяться. Малолетки отходчивые. Так они и хохотали, слезы по щекам. Их потом все просили показать яйца. А самым любопытным они даже разрешали потрогать. И то. Яйца у них стали, как хвосты у павлинов. Все удивлялись. Потому как яиц не должно было остаться.

Наутро добросовестный Гангрена написал рапорт. Полхаты отправили на кичу (карцер), а малолеток на больничку. Где они, кстати, встретили свою попкаршу, но уже не проявили к ней никакого интереса.

Если кто-то думает, что я написал о политике в связи с последними событиями, и попробует провести параллели, то они, конечно же, проведутся. Но на самом деле я так, безотносительно… Всем привет!

Подлинная история

Леха Ленку любил. Она честно ждала его из армии. Потом его посадили. Она ждала его из лагеря.

Леха освободился и взялся за ум. Делал любую работу, зарабатывал, помогал всем своим друзьям. Жизнь налаживалась. Переехали на Первомайскую. Ленка нарадоваться не могла.

У Лехи был непутевый друг Вова. Увидев, что Вова болтается без дела, Леха говорит: «Вовка, помоги мне по квартире. Я дам тебе заработать». Вова согласился.

Каждый день утром приходил к Лехе и до вечера циклевал полы, клеил обои и вообще занимался ремонтом. И вот однажды Леха собрался ехать в Михайловск. С вечера предупредил Лену. Утром вышел, Лена еще спала. Пошел на стоянку возле бани заводить машину. Стоял мороз, машина не завелась. Посадил аккумуляторы. С прикуривателя тоже не завелась. Таскали на веревке часа полтора. Не заводится. В общем, никуда не поехал, замерзший пошел домой. Думает, хоть посмотрю, как Вова работает.

Звонит — никто не открывает. Странно. Сунул ключ. Дверь заперта изнутри. Э, вы чего там все, охренели?! Давай пинать в дверь. Грохот стоит, соседи повыползли. И вдруг он все понял. Лена-то дома. Это они с Вовой заперлись, потому что точно знали, что он уехал…

Ноги неожиданно ослабли. Он сел на ступеньки. Посидел несколько минут. Потом, убитый горем, выполз во двор (делать-то что-то надо!). Медленно побрел вокруг дома. Жизнь обрушилась.

…И вдруг на углу увидел, что рабочие налаживают люльку и собираются наверх. «Мужики! Подбросьте за четвертак до четвертого!» Те не удивились — залезай!

Перегнувшись из люльки, Леха бахнул кулаком в раму, выбил шпингалет и, поблагодарив мужиков, нырнул в кухню. Схватил со стола кухонный нож и бросился в спальню.

Вова разметался по супружеской кровати. В одежде. Рядом стояла пустая бутылка водки. Ленки не было.

У Лехи даже слезы брызнули из глаз. Он обнял спящего Вову со словами: «Братан, как я счастлив!» И, не выпуская нож из рук, стал его целовать. Очумевший Вова проснулся и, чувствуя себя виноватым за то, что вместо работы высосал бутылку водки и уснул на хозяйской постели, никак не мог понять, чему Леха так радуется…

Потом они с Лехой сидели на кухне и пили водку. И Леха все

повторял: «Братан, ты не представляешь, как я тебе благодарен!..»

А Ленка утром открыла Вове дверь и ушла на работу. Вова с мороза, перед тем как приступить к работе, достал из холодильника бутылку водки, выпил, потом еще, согрелся и уснул…

Ленка, узнав эту историю, улыбнулась, пожала плечами и покрутила пальцем у виска. А Леха говорит: «Да-а-а, ей смешно, а я чуть с ума не сошел…»

Татуировка

Ради умершего не делайте нарезов на теле вашем и не накалывайте на себе письмен.

Левит, глава 19, стих 28

Дочка моя старшая, когда ей исполнилось восемнадцать, сделала себе наколку во все пузо. Такое солнце разноцветное. Ну ладно живот плоский. Но я на всякий случай рассказал ей педагогический анекдот. Как Наташа Ростова, сославшись на ошибки молодости, показала поручику Ржевскому наколки: на одной груди Пьер Безухов, а на другой — Андрей Болконский. Поручик громко хохотал. И сказал, что представил, как вытянутся у них рожи через 20 лет.

Разные видел я наколки. И эротические, и политические, и философские с моралью для поучения. Чего только люди с собой не делают! Ну ладно хоть в тюрьме, где делать не хрен. А то ведь на свободе и за свои деньги!

Родственник у меня в деревне, хороший мужик. От локтя и до кисти расплывшимися чернилами у него выколото: «ВЕРА». А жену зовут Оля. Вот, всю жизнь объясняет, что имел в виду…

Один парняга по молодости попал в КПЗ. И, отсидев трое суток, запортачился жженкой — это резина с каблука, пережженная с мочой. А потом ушел в армию. Вернувшись, пошел работать в милицию, в уголовный розыск. Дослужился до подполковника. На одном запястье у него крупными корявыми буквами было выколото ЗЛО — «за все легавому отомщу», а на втором СЛОН — «смерть легавому от ножа», или еще вариант: «суки любят острый нож». Очень стеснялся.

В конце 70-х на десятку поднялся с малолетки один тагильский. Весил он сорок килограммов, кожа да кости. Но веселый и дерзкий. Звали его Пипик. А уважительно — Пипон. Он был такой понтовитый, что на всех сгибах — в локтях, на запястьях, под коленями — наколол настоящие дверные шарниры, такие проработанные, с шурупчиками. Типа «на понтах как на шарнирах». А потом попал в БУР и там на грудь решил наколоть «НЕ ПЕРЕВЕЛИСЬ НА РУСИ БОГАТЫРИ». А так как грудь

была узкая, а буквы крупные, то прямо на плечо ему попало «сь», а «богатыри» получилось с переносом во второй ряд. Но ему нравилось. Сказал что хотел.

В Каменске на ИВС попала одна молодая наглая рыжая воровайка. «Воровка никогда не станет прачкой» — еще из тех. У нее ниже пупа большими буквами было наколото: «УМРУ ЗА ГОРЯЧУЮ Е…ЛЮ». Она этой наколки не скрывала и ходила по камере в одних плавках. Менты с ума сходили. Все время бегали, в волчок заглядывали и в кормушку. А на бедрах у нее были выколоты два ангелочка. Так, конечно, на любителя.

Один смазливый малолетка в Рыбинске как ни в чем не бывало наколол прямо на заднице: «НЕ СМОТРИ — ОСЛЕПНЕШЬ!». Естественно, все смотрели и смущались.

А один блатной на пузе с двух сторон нарисовал двух ангелочков, которые изо всей силы машут крыльями, как птички колибри, и в руках у них у каждого тяжелая цепь, которая спускается прямо туда. А над ангелами в лучах восходящего солнца начертано: «ВСТАВАЙ, ДРУЖОК! ХАЛТУРА ПОДВАЛИЛА!». Я вот все думаю, что было бы, посади его с той рыжей воровайкой…

Но это так, эротика. А по политической части чего только не кололи! В свое время и на взрослякe, и у малолеток была очень популярна наколка, которая называлась «оскал». На одной груди — в профиль Ленин или Сталин. А на другой — оскаленная тигровая или леопардовая пасть. Расшифровывалось это так: «Оскалил пасть на советскую власть». Иногда кололи профиль вождя с жалобной надписью: «Проснись, Ильич, взгляни на наше счастье».

А некоторые заостряли:

Нас триста лет татары гнули
И не могли никак согнуть,
А коммунисты так согнули,
Что триста лет не разогнуть!

А один упертый интеллигентный диссидент, известный, кстати, человек, во всю спину себе заделал четверостишие:

Посадили за решетку,
Все подумали, пропал.
Х… вам в ж… коммунисты,

Под амнистию попал!

Вот так вот, шершавым языком плаката!

Рисковали, конечно. Замечательный художник Витя Махотин в начале 60-х прямо из детдома попал на малолетку в Верхотурье. Натурально за повидло и пряники. И выколол себе на лбу: «РАБ КПСС». Его тут же увезли этапом на больничку в Тагил и вырезали наколку без наркоза. Шрам остался. Всю жизнь с челкой ходил.

В тюрьмах портачатся от нечего делать. Спросишь: зачем? Скажут: «А что? Все портачились!» Баб стараются на спине не колоть. Один таки наколол. С припиской: «КОЗЛЫ ВСЮ СПИНУ ИСКУСАЛИ». Ну, со вкусом.

Бывают наколки совершенно банальные. Пиковый туз, пробитый кинжалом, бутылка водки и профиль какой-то биксы. Все это забрано решеткой. И печальная надпись: «ВОТ ЧТО НАС ГУБИТ» (типа «женщины, карты и вино доведут до цугундера»).

А у одного ярославского бродяги на левой груди была выколота виселица, на которой болтается человечек. И трогательная надпись: «ВИСИ, КОРЕШ, У МОЕГО СЕРДЦА».

На лысой макушке особо продвинутые могут наколоть: «ПРИВЕТ ПАРИКМАХЕРУ» или «ОПЯТЬ ПОПАЛСЯ». На свободе под волосами не видно, а когда поднимаются на тюрьму, их стригут — вроде как весело. Но наша история не об этом.

Коля Калин жил на Урицкого, где потом было кафе «Дебют», прямо на площади 1905 года. Окончил медучилище. За что он сел, я уж сейчас и не помню. Умный, начитанный парень. Работал санитаром на больничке. А на самом деле был полноценный лепила (доктор). И ему по фиг было, зубы дергать или аппендицит вырезать. И вот уже срок к концу подходит, и обыграл он в терц за четвертак лучшего кольщика зоны. А тот все не платит. Коле остается три дня до освобождения. Дергает он кольщика к себе. «Слышишь, — говорит, — я все равно с тебя получу». Тот взмолился: «Коля, нет денег!» Тогда Коля говорит: «Ладно. Сколько стоит самая центряковая портачка?» Тот выдохнул: «Четвертак!» Коля повернулся к нему спиной, задрал майку и говорит: «Коли, падлюка…»

И все, с утра до ночи Коля лежит в бараке на шконаре на пузе, жужжит машинка (механическая электробритва с приводом на иголку), тушь, ушан с полотенцем — кровь промакивать,

другой на стреме. Кольщик делает по прориси. Во всю спину: в обрамлении из колючей проволоки и роз пятиглавая церковь, и на ее фоне Богоматерь с младенцем. Спина вся вспухла, кровь сочится. Отдыхать некогда, времени мало. Кольщик старается, не дай бог что. Вот уже Коле освобождаться, уже шнырь из штаба бегает, Колю по зоне ищет, на вахту вызывает. А измученный кольщик дрожащей рукой наводит последний глянец. Но еще успели кенты: заварили чаю, хапанули перед выходом. Коля повернулся ко всем спиной, и все сказали: «Ништяк!» Коля пожал мастеру руку, сказал: «В расчете!» — и бодрыми шагами направился к вахте.

Он очень гордился этой портачкой. Когда ходил в баню, обязательно какие-нибудь мужики подваливали, рассматривали наколку и спрашивали, откуда освобождался, кто колол, и уважительно цокали языками. И вот однажды в бане на Первомайской к Коле подошел какой-то интеллигентный дядька в очках. А потом, набравшись храбрости, спросил: «А вы, молодой человек, извиняюсь, какой веры будете?» Коля удивился такому вопросу и говорит: «Да я, типа, русский. А в чем, собственно, дело?» — «А понимаете ли, — продолжил очкарик, — там у вас картинка на спине, Богоматерь Смоленская. На руках у нее младенец Христос. И правой рукой благословляет. Так вот если по-православному, благословлять он должен тремя перстами. Если по-раскольничьи, то двумя. А у вас, молодой человек, младенец смотрит строго и скорбно прямо перед собой и показывает почему-то один палец. Средний…» У Коли мир перевернулся. И он отправился домой не помывшись. И никогда больше в общественных местах не раздевался. Вот такой привет из блатного мира.

Коле, конечно, наши сожаления. А всем любителям татуировок мораль: это может случиться с каждым.

Недоуздок

У Феди Алешина из Раскатихи был молодой русский жеребец Стайер. И еще один, годом моложе, — Сальвадор. Когда он стал заезживать Стайера, то Сальвадора привязывал к качалке. И он бежал рядом, сбоку. Так и работали. Сальвадор оказался резвее. Но когда он выходил обгонять, недоуздок душил его. И ему никогда не удавалось обойти Стайера.

И вот пришло время Сальвадора. И он удивил всех.

В первом же заезде Федя, державшись в середине, за полкруга до финиша отпустил Сальвадора. Сальвадор пошел и легко достал мощного американца-четырехлетку. Поравнялся с ним в голову… и не стал выходить вперед! Так и финишировал под рев трибун, уступив полголовы.

Федя сначала даже не понял, что произошло. Но это повторялось из заезда в заезд. Сальвадор всегда доставал лидера и приходил на полголовы сзади. Федя вспомнил и чуть не заплакал.

Великолепного молодого могучего жеребца удерживал тот самый детский недоуздок, которого давно уже не было!

И ничего не сумели сделать с Сальвадором, как ни бились.

И продали его лошадникам-цыганам.

Рассказы о животных

В начале 80-х пробитый боксер Витька Лука со своим другом Апельсином пошли погулять в зоопарк. И увидели слона. Ух ты!

— А что, — говорит Апельсин, — слон-то, небось, сильный?

— А то! — отвечает Лука. — Щас мы его испытаем!

И снимает он со своей богатырской шеи охренительный шарф «Маккензи», мохеровый, между прочим. На толкучке брал, на Шувакише, за двести пятьдесят рублей.

И вот он наматывает один конец шарфа на руку и дергает, проверяя, как держит. А вторым концом начинает махать под носом у слона. И выкрикивает всякие задорные слова.

Слон немножко оторопел от такой наглости. Вытянул хобот, осторожно дотянулся до шарфа, очень гибко зацепил его и аккуратно на себя потянул. Витька расставил ноги, уперся и говорит Апельсину: «Смотри!» — и с диким воплем резко потянул шарф на себя. Слон удивился и, не отпуская шарфа, сделал шаг назад. И поспешил спрятать хобот в вольер. Лука перелетел через загородку и въехал башкой в толстые прутья вольера. Раздался мощный чугунный звук. Рука безвольно разжалась.

Лука присел на корточки, а слон изящным движением запихал шарф в пасть и проглотил.

Лука очухался, поднялся по привычке сначала на одно колено. Потряс головой и спрашивает Апельсина: «Че, видел?» Апельсин отвечает: «Весь зоопарк видел». Лука говорит: «Погоди, это не считово, это только первый раунд».

Они пошли за хлебом. План был прост. Так как слон всегда голодный, Апельсин должен был булкой хлеба выманить его хобот как можно дальше. А коварный Лука, притаившись, должен был внезапно провести по хоботу жесткую серию с двух рук и убежать. Так и сделали.

Витька только успел скомандовать Апельсину: «Смотри!» Жестко левой нащупал дистанцию, вложился правой, на отходе левой, нырок, и вдруг звонкий шлепок мягкой кувалдой по затылку… как будто на секунду выключили свет. Просто у слона другая реакция…

И Витька, не вставая с колен, печально смотрел, как его Новая Дорогая Ондатровая шапка уплывает в слоновью конуру…

И тут раздался идиотский смех: первым не выдержал Апельсин. А за ним уже хохотали все остальные. И Витька Апельсина отлупил. И поделом. Потому как ничего смешного.

«Слава русскому народу!»

В Верх-Нейвинске живет замечательный художник Анатолий Панов. Красит картинки в свое удовольствие. Его там, в Верх-Нейвинске, все знают.

Однажды, в 1962 году, на въезде в поселок, где разворачиваются автобусы, с утра появился яркий плакат «ДОЛОЙ ХРУЩЕВА! СЛАВА РУССКОМУ НАРОДУ!». До обеда висел. Все сбегали, посмотрели. Слухи по поселку поползли. И вот приехали какие-то люди в гражданской одежде, но с военной выправкой. Плакат сорвали. Сориентировались на местности. И тут же извлекли на свет божий молодого патлатого художника. Не били. Но вежливо объяснили, что существуют места не столь отдаленные, сколь необжитые. И из всего семейства цитрусовых в этих местах водится только клюква, коей молодому художнику предстоит лакомиться лет десять. Без сахара. Тем самым есть все шансы исправить косоглазие. На робкое возражение художника, что у него косоглазия не наблюдается, один из гражданских показал ему увесистый кулак и поправил: пока не наблюдается.

А вообще-то даже не били. И разговаривали довольно вежливо. Причем «Долой Хрущева!» их не интересовало. А вот «Слава русскому народу!» очень задело. Задавали вопросы с подковыркой. Почему «русскому», а не «советскому»? Сам ли придумал? Кто подучил? И все такое.

Надо сказать, что художник отделался легким испугом. Было собрание, его исключили из комсомола. И все. Добра пирога!

Я вчера виделся с ним. Хороший дядька. Смеется.

Спрашиваю: а почему «Долой Хрущева!»?

Враз посерьезнел. Ты что, говорит, Женя, он нас едва-едва в Третью мировую не втянул!

Никола

Давным-давно я пытался попасть в одну из старейших старообрядческих часовен. Сколько сил потратил! Ездил я туда, на Север, много раз, прежде чем мне удалось познакомиться с наставником. Сначала он разговаривал со мной за оградой и войти не приглашал. Каждый раз, когда мы договаривались с ним встретиться, он на всякий случай обставлялся не на шутку, предупреждал родственников, приглашал свидетелей.

Однажды, не так давно, он пожаловался мне:

— Смотри, Женя, нам всем уже далеко за семьдесят, и молодые к нам почти не идут…

Я ему говорю:

— Варфоломеич! Вот ты меня давно знаешь, а несколько лет только из-за ограды со мной разговаривал! Ну как к тебе молодые-то пойдут?!

В часовню он пустил меня только через несколько лет. Увидев такое обилие высококлассных невьянских икон, я был просто потрясен. Я не представлял, что где-то это могло сохраниться в таких объемах.

Но фотографировать Варфоломеич ничего не разрешил. А нормально рассмотреть и запомнить у меня не получилось, потому что свет включить не позволили. Да, похоже, там и нет света, кроме как на кухоньке. Все очень чисто, и половики настелены. Только иконы очень старые, закопченные, и потемневшее золото повсюду. Договорились, что я приеду с реставраторами посмотреть. Состыковались еще через пару месяцев. Приехали. Свет не включают, руками трогать не разрешают. Посмотрели с руками за спиной. Вижу, что много подписных и датированных. Я говорю:

— Варфоломеич, разреши отфотографировать.

Строго:

— Нельзя!

А потом, через год, я уговорил Варфоломеича и мы съездили на Веселые Горы, на могилы святых отцов. Залезли на скалу и видели пещеру, где, по преданию, писал иконы знаменитый невьянский иконописец отец Григорий Коскин. Поговорили о вере и сошлись на том, что несть ни эллина, ни иудея, а судить всех будут по делам.

Договорились называть друг друга на «ты». Я уговорил Варфоломеича, чтобы он мне разрешил еще раз приехать и внимательно посмотреть иконы. Обещал подумать. Долго думал,

советовался с наиболее авторитетными уральскими часовенными. Кряхтел. Пыхтел. Но пригласил.

И вот я приезжаю. Осень. Дождь накрапывает. В часовне одно маленькое зарешеченное окошко. Снимаю обувь. Варфоломеич переодевается в кафтан, молится. Зажигает несколько свечек, становится вовсе темно. Начинает мне показывать иконы. Осторожно снимает с полочки (иконы только стоят, их не вешают!) и из своих рук дает мне посмотреть. Я, жалобно:

— Варфоломеич, но мне же не видно!

— Ничего, я тебе, мил человек, к окошку поднесу.

Меня интересуют подписи на опуши, даты, тыльная сторона иконы — а мне ничего не видно! Глаза устают. А когда еще случай представится?! Я уж взмолился:

— Варфоломеич, ты мне глаза высадишь!

А он:

— Устал, мил человек? Ну, давай в следующий раз.

Ага, думаю, знаю я твой следующий раз. До верху не дотягивается, поставил стремянку. Не совру! Стремянка середины позапрошлого века! Полез наверх. Трясется все. Снимает икону. Я испугался:

— Эй, Варфоломеич, ты сейчас сверзишься!

А он стоит с иконой:

— Небось!.. Ну-ка, держи!

Я только руки протянул, а он:

— Да не икону! Меня держи!

Так ведь и не дал ни разу руками прикоснуться.

Вдруг Варфоломеич говорит тихим голосом:

— Мил человек, залезь на стремянку, посмотри, что там у нас наверху.

Я залез и, напрягая глаза из последних сил, рассмотрел почти неразличимые сюжеты темных икон.

— Варфоломеич, — спрашиваю, — как вы молитесь, когда не видите, на что молитесь?

Он лишь плечами пожал:

— Деды молились.

Я говорю:

— Варфоломеич, разреши несколько икон раскрыть. Уберем копоть и грязь, расчистим старую олифу, икона засверкает другими красками!

Он серьезно:

— Нельзя! Такие люди святые на эти иконы молились! Это святость на иконах, намоленность! Это нельзя смывать!

— Нет, — говорю, — Варфоломеич, это копоть и чад с кухни и еще когда в лампады трансформаторное масло наливают.

Смотри, говорю, ты же умываешься, моешься, мочалкой трешься — приятно же чистому. А почему ты думаешь, что иконе неприятно?

Вижу, задумался. И вот, позвонил мне через какое-то время и говорит:

— Я поговорил с отцами, по реставрации обещали подумать, но разрешили, чтобы ты приехал, сфотографировал.

Неслыханная удача. Приехали мы с Андреем, фотографом, и в течение шести часов отсняли все. Свет, правда, так включить и не разрешили и в руки взять не позволили. Но я все равно очень доволен, потому что это чудо, что старообрядцы разрешили отфотографировать!

День закончился, вышли мы на улицу. Ночь. Мороз. Снег скрипит, и звезды яркие. И мы повезли Варфоломеича домой. По дороге заговорили про Николу Чудотворца. Варфоломеич говорит:

— Ох, я Николу уважаю! Проси Николу — а уж он Спасу скажет. Никола — скорый помощник! Я как что потеряю, сразу Николу прошу и всегда нахожу.

И вот мы подъезжаем к дому. Варфоломеич прощается и к воротам идет. Я начинаю разворачиваться, и вдруг Варфоломеич останавливается и оборачивается ко мне:

— Подожди, не уезжай, мил человек, я тебе гостинца вынесу.

Подходит к дому, ищет ключ, хлопает себя по карманам, возвращается к машине. И встревоженно:

— Мил человек, давай посмотрим, я тут где-то ключ потерял!

Все обыскали! Всю машину перетряхнули, весь снег утоптали — нет ключа! Хоть на улице ночуй. Поехали обратно. Варфоломеич всю дорогу бормочет: «Никола святитель, скорый помощник…»

Подъезжаем. Фотограф остается возле машины, мы с Варфоломеичем идем в часовню. Все перерыли — нет ключа! Зато нашли какую-то маленькую сумочку. Выходим удрученные, Варфоломеич вовсе заскучал. И вдруг фотограф кричит:

— Петр Варфоломеич, вот, нашел какой-то ключ! Не ваш?

Варфоломеич обрадовался:

— Мой! А мы вот тут сумочку нашли, не твоя?!

Фотограф аж побледнел, бросился к Варфоломеичу, схватил сумочку и прижал к сердцу…

— Андрюха, что там у тебя?

— Да так, — говорит, — по мелочи: все деньги, паспорт, права и ключи от дома.

Сели в машину довольные, смеемся.

— Вот ведь Никола как все устроил! — задумчиво говорит Варфоломеич. — Ведь если бы я ключ не потерял, то я бы и ваши ключи и документы не нашел!

Я задумался и вдруг говорю:

— А знаешь что, Варфоломеич, так получилось, потому что ты, добрая душа, решил нам дать гостинцев в дорогу, а так бы мы уехали и ты бы до сих пор искал ключи у своего дома. А мы бы приехали домой через несколько часов и обнаружили бы, что Андрюха потерял все ключи, деньги и документы.

— И то верно, — сказал Варфоломеич.

Мы снова довезли его до дома, подождали, и он нам вынес две баночки крепких соленых груздей, банку огурцов и банку моченой брусники. Мы попрощались и поехали домой, довольные.

Вот как Никола-то все устроил!

Помылись

Собрался в деревню. Позвонил своим, попросил, чтоб баню истопили, и вспомнил историю.

Поехали мы с известным русским ученым Герольдом Ивановичем Вздорновым в Ферапонтово. Когда проезжали через Ярославль, Герольд Иванович позвонил Мише Шаромазову, главному хранителю Ферапонтовского музея, и говорит: «Миша, мы с Женей часа через три приедем. Попроси, пожалуйста, чтоб нам баню истопили с дороги».

И вот приезжаем, Миша нас встречает. Вся семья в сборе, садимся пить чай. Миша говорит: «Герольд Иванович, я с баней договорился. Пойдемте, я вас провожу, пока не простыло. Веники там запарены».

А Герольд Иванович говорит: «Сиди, голубчик, мы сами дойдем. Женя, пойдем. Здесь рядом».

Заходим в калитку — никого нет. Прошли через двор. Уютная баня, чистая такая. Но еле теплая. Герольд Иванович говорит: «Ничего, на каменку накидаем сейчас. Пару хватит. Вон и веники!» Смотрю, а веники какие-то жидкие, пользованные, похоже, веники…

Плескали, плескали на каменку — даже не шипит. Хоть прохладно, надо как-то мыться. Нашли воду, ополоснулись.

Выходим — вся семья вывалила на крыльцо. Странные какие-то люди и смотрят исподлобья. Герольд Иванович в сердцах: «Что ж вы баню-то так плохо протопили? Вы уж в следующий раз топите по-настоящему!» Они смотрят неприветливо и только головой кивают.

Дошли до Миши. Сели за стол. Герольд Иванович возмущается: «Да что это за баня?! Ни помыться, ни попариться! И люди какие-то неприветливые…»

Вдруг стук в дверь. Заходит соседка: «Миша! Я уж баню час как истопила. Твои-то пойдут или нет?!»

И тут до нас дошло. И мы начали смеяться. Я долго остановиться не мог. Я же понял, почему люди-то неприветливые. Представляете, сидят дома, никого не трогают. Вдруг среди бела дня к ним, никого не спросясь, через двор в остывшую баню заходят два мужика. Чего-то там полчаса вошкаются. Выходят недовольные и еще жизни учат!

Кому понравится?

Свет с востока

Давно это было, сотовых телефонов еще не было. 31 декабря, в девять часов вечера прибегает ко мне Дима, сынок моего товарища:

— Дядя Женя, дядя Женя, приезжайте скорее! Папа руку сжег, его надо в больницу везти!

Уй, блин. Тут уже шампанское пузырится, и снегурочки кудрявые в глазах. Ну на фиг мне такое счастье?!

— Сильно, — говорю, — сжег?

— Не очень, — отвечает, — до локтя!

Я помчался. Приезжаю — в натуре, капец. Сидит, стонет. Вместо руки — головешка. Погнали в травму. Костя сидит, зубами скрипит.

Я Диме говорю:

— Рассказывай, как получилось.

— А мы, — говорит, — с папой купили петард на Новый год, но не дождались, решили одну запустить, попробовать. Папа взял ракету в руку и начал поджигать, а я ему говорю: «Подожди, я инструкцию читал, там написано, что ее надо на палочке в землю втыкать, только потом поджигать и отходить подальше». Он посмотрел на меня и говорит: «Ты меня что — учить, что ли, будешь?» Я испугался и отошел, а он поджег и встал, как Ленин на памятнике, руку вперед вытянул…

— И что, — говорю, — не взлетела?

— Да она бы и хотела, да он ее так крепко держал, еле отсоединился!

А Костя в это время пришел в себя и как давай ругать китайцев, и, пока мы ехали до Челюскинцев, он всех китайцев ругал обидными словами! Каждого. Поименно.

Заходим в травму. Сидят человек тридцать рядком — как дятлы на жердочке. Стонут, воют, раскачиваются, китайцев матерят. И у каждого правая рука обожжена. И только у Кости левая, потому что он левша. И Дима рядом с нами, такой перепуганный, голову в плечи втянул. Правильно — из-за него же все получилось.

Вот так мы и встретили Новый год. Когда вез Костю домой, он строго-настрого велел Диме сейчас же вынести на помойку все это китайское говно. Еще раз: строго-настрого! И хотел подкрепить отеческое наставление отеческим же подзатыльником, но вовремя вспомнил, что вместо левой руки у

него головешка.

Дима был послушный сын. В эту же ночь он выбросил все ракеты на помойку. Кроме одной — сороказарядной. И эту одну, самую большую, он притащил на Гражданскую, к бабушке Лине Ароновне, и спрятал ее в туалете. И ходил по квартире, насвистывал, выжидая время. А потом взял спички, просочился в туалет и заперся там. И решил запустить ракету. Ну, чтоб без свидетелей.

Он что-то долго там вошкался, бикфордов шнур никак не хотел загораться. Бдительная бабушка подошла к двери:

— Дима, ты что это там делаешь?

— Бабушка, не отвлекай меня, я какаю. (Ох ты, умник, он, видите ли, какает! Сказал бы лучше — гажу!) И на этом месте бикфордов шнур загорелся.

— Ой! — сказал Дима и сунул его в унитаз, и, к своему ужасу, понял, что он и там горит! Ну все, кирдык. Впору начинать отсчет.

Из сопла ударила струя белого пламени. Уйдите все! Поехали! Дима попытался накрыть унитаз тазиком, но не успел — ракета с жутким хлопком стартанула, и унитаз раскололся. И захерачила в лампочку под потолком. Посыпались осколки, свет погас, и только ракеты метались, как бешеные, сверкая молниями в замкнутом пространстве. Дима, пытаясь укрыться от диких ракет среди вспышек, грохота и воя, прыгнул на сливной бачок. Бачок с трубой оторвался от стены и вместе с Димой, зацепив несколько тазиков, с потоком воды рухнул вниз… А в это время бабушка и дядя Володя долбили в дверь туалета кулаками и кричали:

— Дима, что ты там делаешь?!

А что спрашивать-то, он же ясно сказал!..

Дверь туалета открывалась наружу, только это Диму и спасло. Он вылетел оттуда, как летчик из горящего истребителя. И, с грохотом захлопнув дверь, навалившись на нее спиной, закричал со страшными глазами:

— Не подходите!!!

Когда дым развеялся, жуткое зрелище предстало перед глазами притихших зрителей. Дверь в туалет снаружи была белая, а изнутри черная. При этом самого туалета не было. Как? Да вот так — неделю к соседям ходили.

А Дима обнял бабушку и говорит:

— Бабушка, у меня к тебе только одна просьба!

— Какая?

— Ты, это, ну, папе не рассказывай…

История эта, слава богу, закончилась нормально. Дима поступил в Суворовское, потом закончил УПИ. Толковый, открытый и веселый парень. Ему уже двадцать девять. Лина Ароновна — женщина мудрая, Косте ничего не рассказала. И правильно сделала. Тем более что Дима жив остался, чего рассказывать-то.

А то, что у Кости рука сгорела до локтя, вы не переживайте, она у него потом обратно выросла.

Сатисфакция

Витька, старый блатной, еще из прошлой жизни, пытался выехать из двора. А выезд перегородила «газель». И Витька, как воспитанный человек, использовал все возможности, чтобы ее как-нибудь объехать. Но двор не расчищенный, сугробы, колеи, и БМВ, «пятерка», никак не пролезала. А водитель «газели», молодой, здоровый парень, сидел и с любопытством наблюдал в зеркало, как водитель БМВ извращался. Действительно, прикольно. А Витька уже начал злиться, мигать фарами и сигналить — ну делов-то, в натуре, ну сдай вперед хоть на метр! А тот сидит и в зеркала косится.

Ну, Витька вышел из машины. Подошел к «газели» и говорит вежливо: «Ты че, пес?!» А тот ему в ответ: «Сам пес!» И ровно на этой мажорной ноте Витька и двинул ему через стекло. И попал. Губу разбил и кукушку стряс. А водила встрепенулся, обрадовался, достал сотовый телефон, наставил на Витьку и комментирует: «На меня совершено нападение, грабитель пытается завладеть автотранспортным средством!» И говорит Витьке: «Все, тебе конец. Я иду писать заявление в милицию». А Витька уже понял, что что-то не то, и лихорадочно начал подсчитывать, сколько дадут. И ему поскучнело, он сразу успокоился и говорит водиле: «Что, так прямо и пойдешь и напишешь на пожилого дядю Витю заявление в милицию?» А молодой довольный. Да, говорит, пойду и еще свидетелей позову. Вон их сколько! И действительно — куча любопытных к окнам прилипла.

И тогда Витька, человек прямодушный, говорит: «Ну, дал я тебе по морде — че уж, сразу заявление? Ну, возьми да ударь меня тоже!» А молодой продуманный: «Нет, я хочу тебя наказать, чтобы тебе неповадно было!» Витька удивился про себя: «Зачем? Вроде столько раз уж наказывали, все равно не помогает». А вслух сказал: «А давай так сделаем: ты мне по морде дашь, а я тебе бутылку коньяка куплю». Парень оживился: «А хорошего коньяка-то?» Витька аж обиделся: «Б… человек буду, какой сам пью!» — и подставил лицо, но глаза не зажмурил. Молодой рукавом утер кровь и сопли, ухмыльнулся, поплевал в кулак, размахнулся и изо всей силы ударил невысокого Витьку в голову… но кулак поймал пустоту. Витька, уйдя под руку, со всей дури саданул молодому в подбородок снизу… Потом перешагнул через него, сел за руль «газели», отогнал ее на два метра, заглушил, выдернул ключ, кинул его газелисту, вздохнул и сказал: «Езжай, пиши заявление».

«Газелист» проводил его мутным взглядом. Он так ничего и

не понял.

За поворотом

Еду вчера в деревню за дочкой. А накануне снегопад прошел, и грейдеры обочины широко расчистили. Еду я и смотрю по сторонам, а в обочинах, по ходу, такие огромные карманы образовались, и остатки фар, бамперов, стекол, и при мне краном грузят из взорванной снежной целины затонированную «десятку». Правильно, малолетки, что с них взять, понакупят «десяток», затонируют в хлам и гоняют как сумасшедшие! И никак я эту картину на себя не проецирую, потому как человек опытный и пожилой. А дальше смотрю, синяя «Нива» сползла в обочину — мужик полную машину насажал, и сзади еще собачка сидит рыжая. Мужик удивляется: «Сам не понимаю, как сползла!» Я дернул его, вытащил, а сам думаю, чего это он, ездить, что ли, не умеет? И на себя опять же ну никак не примеряю.

Ну и вваливаю себе, не грублю — держу сотку. И песни пою с Гребенщиковым. Про «Тайного Узбека» и «На ход ноги». И вперед смотрю. Внимательно еду. И уже возле Режа, где перекресток, направо сворotка на Стриганово, налево в сады поворачивает «москвич» с сугробом на крыше. Как положено, притормозил, поворот показал и пропускает встречных. Я принял чуть правее, скорость не сбрасываю, все просматривается, вижу, что он начинает поворот, и я нормально прохожу. И вдруг он дернулся и заглох! Видимо, сцепление резко отпустил… и загородил полдороги.

Ага. Концепция поменялась. Аккуратно смещаюсь вправо на заснеженную обочину и вдруг чувствую — заскользил. О, блин! А обочина имеет отрицательный уклон, чтобы с нее вода стекала, а снег еще лежит, и все как мыло, а скорость — сто! А зацепить снежный брустверна ста, когда машина высокая и две с половиной тонны — это все. Ладно сразу убьешься, а то ведь так и опозориться недолго! А скорость сбрасывать уже нельзя. Малейшее снижение — сразу скатишься. И думать нельзя — рулить надо. И началось: переключился на пониженную с перегазовкой, одновременно руль влево плавно (рулю одной рукой, не перехватываясь, поэтому понимаю, в каком положении колеса), несколько движений педалью газа, вроде скомпенсировал боковое скольжение, и «москвича» прошел, и надо выходить на асфальт, но машина не выходит!!! Вот так — не выходит, и все. А впереди перекресток, и по обочине столбики. Полосатые такие. Знаю я эти столбики! Сами рельсу вкопают на три метра вглубь, так что только метр торчит, и сами «столбиками» назовут! И несет меня прямо на них. А за этими

столбиками глыбы снега, точь-в-точь такие, об которые «Титаник» убился…

Перекладываю руль левее, работаю педалью газа, а столбики все ближе — и мне надо как-то успеть за асфальт зацепиться и пролезть. Но тут другая проблема — встречка забита. А на выкрученных влево, буксующих на снегу раскрученных колесах только коснись сухого асфальта — сразу резкий скачок влево, и все… лучше уж столбики! Тем более что они уже рядом… И вдруг колеса схватились, машину едва качнуло влево (мизинцем отщелкнул поворотник и дальний свет), сразу же, не выходя, переложил руль правее и очень удачно, с небольшим рывком вперед, за три метра до столбиков встал на асфальт!

Уф-ф! Переключился, вытер мокрый лоб и вдруг слышу добрый голос над левым ухом: «Нормально все. Очень профессионально ситуацию отработал. Даже скорость не потерял». А над правым ухом другой голос, злой: «Ох, дядя Женя, дядя Женя, ну и мудак же ты!»

Я только вздохнул, а что я ему отвечу?

И вспомнил, что однажды со мной на дороге произошла очень серьезная история.

Не хотел рассказывать, но думаю, что все-таки надо.

Мне надо было с утра поехать в деревню. А наши в это время начали работать в Быньгах, и я решил выехать пораньше, заскочить в Быньги, оставить парням деньги на продукты и через Невьянск уйти на Реж. А езжу я на дизельной «сотке» (Land Cruiser-100). Она поднятая, на больших колесах, с АРБшным бампером, с лебедкой и со шноркелем. Механика. Езжу на ней уже десять лет, в самых разных режимах, и когда доходит до серьезного, машина эта — продолжение меня.

И вот с вечера поставил будильник на семь, встал, умылся, сварил кофе, сел за руль и погнал. Заскочил в Быньги, вернулся в Невьянск и пошел на Реж. А там дорога хорошая, но много всяких поворотов. И деревни. А мне и радостно. Утро, воскресенье, дорога пустая, снег прошел, я и вваливаю — сто тридцать, сто сорок. А что повороты — так это еще интереснее. И вот километров двадцать от Невьянска, деревня Осиновка. И знак «40». И хрена ли мне этот знак — воскресенье, утро, вся деревня спит, дорога пустая. Ну, сбросил до сотки, на четвертую переключился. А впереди небольшой спуск и мостик. Обочины расчищены. И правый поворот. И выход из него закрытый. Но поворот понятный, хоть и снег, и пройти его на ста можно. Азарт появился. Еще переключился. Ушел на левую обочину, чтоб просмотреть дальше и зайти правильно. И зарезаю плавно на

правую обочину. И думаю зацепить ее правыми колесами и выходить снова к левой обочине, максимально спрямив траекторию. И вдруг, не доходя до правой обочины, попадаю на укатанный снег, практически ледок. Видимо, перед этим местом все подтормаживаются, а я не просчитал, и меня срывает и несет влево, на встречку, и скорость-то приличная! Но ничего страшного, потому что встречных нет, а обочина левая расчищена и нагребли здоровенный отбойник, в который, в случае чего, я и упрусь. Только рулем успеть отработать и газом, чтобы не заскочить. И в этот момент открывается поворот, и я с ужасом вижу, что по обочине, спиной ко мне, спокойно идет женщина и саночки тянет. А в саночках ребенок сидит. В гости, наверное, куда-то пошли. И ничего я уже не могу сделать. И несет меня прямо в них. И скорость сто. Клянусь, если бы в этот момент вместо них передо мной встала бетонная стена, я бы умер счастливым!..

Боролся, сколько мог. Потом вдавил тормоз, уперся в сигнал, и женщина повернулась. Я успел увидеть лицо — молодая, она ничего не поняла, даже не испугалась. Я сжал зубы, зажмурился и вцепился в руль. Удар. Все… Как птички об решетку радиатора. Бампер высокий, их не подбросило, вниз ушли…

Как-то затормозил, метров через пятьдесят, на встречке. Сижу, головой мотаю и верить не хочу. Выпрыгнул из машины, ноги подогнулись, упал… и проснулся! Сижу очумевший, всхлипываю, слезы текут, лицо мокрое, сердце колотится. Боже мой, как я счастлив! Какой страшный сон!

Встал под душ, как-то пришел в себя. Чаю попил. Отсиделся. И поехал себе в Быньги. Еду спокойно, не торопясь. А куда торопиться-то? Закинул деньги парням, вернулся в Невьянск и пошел на Реж. Еду, думаю о своем. Смотрю — Осиновка, знак «40». А я и не тороплюсь никуда. Сбросил, еду потихонечку, по сторонам глазею. Спуск, мостик, правый поворот закрытый. Иду потихонечку. И вдруг в голове полная ясность, и я понимаю, что я сейчас увижу…

Да, вы правильно догадались. По расчищенной левой обочине, навстречу движению, шла девчонка и везла в санках ребенка. Я открыл окно и, медленно проезжая, посмотрел ей в лицо. Да, та самая. А ребенок — девочка.

Выключил музыку. Ехал до деревни молча. И никому эту историю не рассказывал. Год думал.

Круги по воде

Отправился как-то в экспедицию на Север.

А я знаю короткую дорогу из Екатеринбурга на Сыктывкар.

Там есть отрезок, километров пятьсот грунтовок, зато вообще нет машин. И мне там ездить очень нравится.

Уходишь с Екатеринбурга на Тагил, дальше на Качканар, не заезжая, уходишь налево через Теплую Гору. Дорога пустая. Через перевал — на Губаху, через Кизел — на Березники, от Екатеринбурга всего пятьсот километров.

И вот из Березников через Каму, слева у меня Усолье, дальше, налево, сворotка на Орел-городок, а мне — направо, на Пыскор, дальше на Касиб, на Гайны, на Кажим и до Сыктывкара. А дальше еще грунтовки до Соль-Вычегодска, от Екатеринбурга тысяча пятьсот шестьдесят километров. Это уже Север.

Выезжаю с моста, и прямо передо мной павильон, написано: «Свежая выпечка»!

Ух, как я обрадовался! Я голодный, ехать мне еще хрен знает сколько, а тут на тебе — свежая выпечка! Любой бы обрадовался.

Захожу, а там продавщица, такая молодая, дерзкая и с титьками. Причем про это все понимает, потому как в декольте. Но я человек пожилой и про это тоже все знаю. Тут главное глазами не зацепиться. Только зацепился — застыл и начинаешь пялиться, и забываешь, что хотел сказать. И стоишь как дурак. Поэтому лучше не смотреть. Да я и не смотрю, а так, замечаю, что грудь у нее горизонтально и слегка колышется, а на груди три золотые цепочки расходятся, как круги по воде… Круги по воде… круги по воде… круги по воде… Стоп! Ты что, купаться собрался?! Прямо так и нырнешь? В незнакомом месте?! Оп, о чем это я? Ах, да!

— А что, и вправду, — говорю, — у вас свежая выпечка?

— Конечно, — отвечает, — свежая.

— А что — горячая?

— С чего вдруг горячая? Она у нас в холодильнике лежит.

Я аж обиделся:

— Так она у вас тогда несвежая!

— Как это несвежая, она же в холодильнике лежала!

— Ну и что, — говорю, — вон Майкл Джексон тоже в холодильнике лежал, и чего?

А она, наглая такая:

— Ну так не испортился же!

— Ага, — говорю, — а ты сначала попробуй, а потом и говори.

И выскочил из павильона. И дверь скорее закрыл, чтоб не слышать, что она мне ответила. И то, молодежь нынче пошла, в рожу плюнешь — драться лезут.

Ехал злой и голодный. А потом в Гайнах купил горячего хлеба, сыра и молока. Поел и стал смеяться.

Орел

Из Усть-Цильмы поехали в деревню Гарево. Миша Чернов из Москвы, известный исследователь старообрядческой иконописи, зазвал нас. И там я познакомился с местным жителем Валентином. Могучий мужик, старообрядец, шестидесяти лет. Он легко заговорил. Показал только что сделанную своими руками большую усть-цилемскую плоскодонку. В «корень» идет огромный, с двух сторон обтесанный ствол ели с перпендикулярно выходящим корневищем (форштевень). К нему крепятся шпангоуты, а уж на шпангоуты кладут тщательно остроганные досочки «болонью навань» (насколько я понял, от горбыля наверх). Показал несколько пар широких охотничьих лыж, подбитых камусом (олений или лосиный мех с голени ноги для предотвращения отдачи). Причем показал сохранившиеся дедовские лыжи вековой давности, которые от вновь сделанных не отличаются ничем.

Прадед Валентина умер в сто двенадцать лет, а деда пять раз раскулачивали. Там всех раскулачивали, а потом много не вернулось с войны. А потом многие начали пить. Видимо, была пройдена какая-то точка невозврата, и теперь деревня умирает.

Еще посмотрели много разной самодельной утвари — все сделано так же, как делали в XVIII веке (возможно, и раньше так делали, просто я более ранних не встречал). И, когда уже выходили со двора, увидели у забора большую клетку. В клетке сидел орел.

Валентин шел по Печоре на моторке где-то в районе Нонбурга. Рыбаки оставили сети. В них попала большая щука и билась у поверхности. И вдруг на нее спикировал огромный орел. Закогтил и взмыл вверх… Но, захватив вместе со щукой сеть, сумел вытянуть ее из воды на три метра (!) и упал в воду, окончательно запутался и стал тонуть. Валентин подплыл, втащил его в лодку, накинул мешок, привез домой и посадил в клетку.

Когда мы приехали к Валентину, орел просидел в клетке без движения уже два месяца. Это был могучий орлан-белохвост. Он сидел, печально нахохлившись, и клетка была тесна ему в плечах. Дикое зрелище. Могучий свободный орел сидит в клетке, как попугай.

— Вот, — говорит Валентин, — натуралистам обещал в район отдать!

— Зачем он им? — спрашиваем.

— Не знаю, — говорит, — в живой уголок просили. Тут жулики приезжали, просили продать на чучело, но я не отдал.

Мы ему говорим:

— Давай отпустим!

А он отвечает:

— А что я пионерам скажу? Я им обещал.

— Скажешь, что улетел.

— Нет, — говорит, — так не пойдет, я врать не умею.

— Давай, — говорю, — мы его у тебя выкупим и отпустим.

— Мне не нужны деньги, на хлеб у меня есть, на похороны отложено. Просто я им обещал.

Потом он ушел от темы. Пригласил нас в дом. Дал молока и свежего хлеба. Мы посидели, поговорили обо всем, поблагодарили и собрались уезжать. Вышли на улицу. Стоим, прощаемся. А уезжать нельзя, потому что надо выпустить орла прямо сейчас. Орел не должен сидеть в клетке. Я отвел Валентина в сторону и говорю уже серьезно:

— Давай выпустим. У тебя же тоже душа не на месте, что он в клетке сидит. Позвони им и скажи, что ты его отпустил. И это будет честно. Это надо сделать.

И он вдруг говорит:

— Сейчас я попробую позвоню им, скажу.

И вернулся в дом. Мы ждем. И тревожно на душе.

Вышел Валентин через десять минут. Бросил на ходу:

— Сейчас. Подождите.

Взял две пары рукавиц-верхонок и досочку. Мы подсунули досочку под клетку, взяли с Юрой вдвоем впереди, а он взял клетку сзади, и понесли ее к берегу Печоры. Орел встревожился и стал клекотать и очень сильно биться. Он цеплял плечами за решетку и обдирал крылья в кровь. И я боялся, что он не сможет лететь. Мы поставили клетку и открыли дверцу. Он продолжал биться и не мог ее найти. Потом вдруг спокойно вышел, остановился и замер. Свобода обрушилась и оглушила. И я испугался, что он не взлетит. Мы молчали. Было очень тихо. И вдруг орел взмахнул крыльями. И еще. И не мог подняться. Он сделал еще несколько резких сильных движений, и вдруг я понял, что он уже летит! Только летел он над самой травой и не мог набрать высоту. Но он летел! И я отошел в сторону и отвернулся, чтобы никто не видел…

Он сел метрах в двухстах, в кустарнике возле леса. И с деревьев поднялись встревоженные вороны и начали кружиться над тем местом, где он сел. И я испугался, что они на него нападут. И сказал об этом Валентину. Тот усмехнулся и говорит:

«Не бойся, если он на них посмотрит — они сразу на землю упадут».

Мы попрощались с Валентином и поехали в Усть-Цильму. Нам всем было очень приятно и радостно на душе. И было ясно, что нам удалось сделать хорошее и важное дело.

Рано утром я приехал к Валентину. И он рассказал мне, что через несколько часов орел взлетел на вершину сухой ели. Вороны затихли. Орел сидел там до вечера, а потом взмахнул крыльями и улетел. И я совсем успокоился.

Мне досталось большое орлиное перо, которое я нашел на полу клетки. Я подарил его маленькой дочке. А сам думаю: вдруг оно волшебное? Когда время придет или беда случится — потрогаешь перо, и орел прилетит.

* * *

28 января в Екатеринбурге, под «Варежкой», какие-то знатные креативщики организуют рабочий митинг в поддержку Путина. И фишкой митинга, по замыслу организаторов, будет танк, на котором должны на митинг приехать рабочие УВЗ, где эти танки и производят. Ну, чтобы показать сетевым хомячкам и всякой там интеллигенции, кто они есть. И выказать тем самым всенародную поддержку Путину, дабы показать!..Как-то так: «Из-за леса, из-за гор показал мужик топор! Да не просто показал — его к х… привязал!»

Ну, что тут скажешь? История повторяется дважды…

Вот как она выглядела первый раз.

В 1992 году чечены пытались зайти в Тагил. Вели себя очень нагло и самоуверенно. Чуть что — забивали стрелки и приезжали с оружием. Вагонские пожали плечами — ну, с оружием, так с оружием…

Нашли танк Т-80, с новым двигателем, уже обкатанным, на заводском полигоне. За рычаги сел Вовка Малыгин по прозвищу Малыш и пошел через весь Тагил, разрывая асфальт и высекая искры на брусчатке. Никто не останавливал. Правильно — человек на стрелку торопится…

Самого наглого чечена застрелили прямо там, не разговаривая. На том все и закончилось.

Последствий особых ни для кого эта история не имела. Танк вернули, но был создан прецедент.

Согласитесь, первая история, хоть и жестокая, но эмоциональная и настоящая.

Попытка ее перенести в новый контекст выглядит натужно и нелепо.

А теперь дальше.

На этом месте, в Свердловске, у вокзала, уже был митинг. Да, тот самый митинг в 1943-м, когда провожали на фронт воинов знаменитого Уральского добровольческого танкового корпуса. Этот корпус был сформирован за счет добровольцев-заводчан, оснащен за счет личных средств и — вслушайтесь! — сверхурочного (1943 год!) неоплачиваемого труда заводских рабочих! Работали в основном женщины и подростки, которые стояли у станков на снарядных ящиках. Доски от разбитых ящиков разрешали ребятам брать на изготовление подшипниковых самокатов, на которых многие приезжали на работу. Знаменитый директор Уралмашзавода Борис Глебович Музруков у главной проходной, где памятник наркому Орджоникидзе, распорядился сделать специальную стояночку с загородкой для этих самокатов.

Конкурс среди добровольцев, отправляющихся на фронт, был больше двенадцати человек на место!

И когда корпус уходил на войну, людей выйти на прощальный митинг никто не уговаривал и не заставлял. Сами вышли.

Корпус прошел с боями всю войну и покрыл себя неувядаемой славой…

В 1962 году на этом месте поставили памятник воинам Уральского добровольческого танкового корпуса, который символизирует единство Фронта и Тыла. У подножия памятника установлена плита с надписью: «Здесь хранится земля, обагренная кровью уральских танкистов-добровольцев в ожесточенных боях под городами Орлом, Львовом, Прагой и Берлином в 1943–1945 годах».

И вот теперь, на этом месте, кто-то придумал провести митинг рабочих в поддержку Путина. И пригнать туда танк. Типа: «Вставай, страна огромная!»

Ну, хотите вы поддерживать своего кандидата, ну, поддерживайте его сердцем, делами, голосуйте за него, наконец.

Зачем здесь показательные выступления?! Тогда была Война, Добровольческий танковый корпус и Победа. А у вас войнушка, танчики, и что, думаете — победка получится?!

Кто это придумал? В каком могучем мозгу сложились эти ассоциации?

Даже если нет совести, то должен быть хоть какой-то вкус?

«Есть женщины…»

Ох, блин, чего только здесь не насмотришься!..

Пришла девчонка, тридцать с небольшим, красивая, темноволосая. Нос сломан, синяки не сошли, и кровоизлияние в глаз. И все равно красивая. И мне кажется, что хорошая.

История очень женская и очень русская. Жила в Алапаевске, выучилась на швею, работала, ждала своего счастья. Вышла замуж по любви, родила сына. Муж стал выпивать. Потом его понесло, попыталась удержать, родила дочь, все бесполезно. Муж пил и умер. Осталась с двумя детьми, молодая, красивая, двадцать пять лет. Работы никакой не боится. Все сама. Но счастья-то хочется!

И вот через некоторое время познакомилась через интернет с Олегом. Замечательный парень! Переписывалась, родственные души. А потом он признался, что сидит в Тавде и сидеть ему еще три года… Расстроилась, поплакала, конечно, но что делать-то? Не бросать же теперь, да и жалко его…

И вот три года моталась из Алапаевска в Тавду, на свиданки ездила, передачи возила. Сына родила! Праздник был. И вот он освободился, приехал к ней в Алапаевск, она прописала его в родительский дом. И неделю они были счастливы…

Через неделю она с ужасом заметила у него следы уколов на руках. Она попыталась что-то сделать, начала ему выговаривать — он стал ее бить. Бил жестоко. Потом перестал таиться, кололся уже в открытую и потащил вещи из дома. Она терпела, потом пошла в милицию.

Сначала просила, чтобы просто урезонили. Ее не слышали, смеялись. Потом она пошла в Госнаркоконтроль. Его забрали на несколько часов, завербовали и отпустили. И он, почувствовав полную безнаказанность, уже начал просто изгаляться над семьей. В этот момент она уже узнала, что сидел он за убийство и истязание. Она в отчаянии прибежала в милицию и рассказала, что он несколько часов держал всю семью под ножом и что она боится за детей. И милиция наконец-то впервые приняла меры… Вы думаете, его забрали?! Х… там. Приехали и детей забрали.

Она пошла в прокуратуру. И там тоже не заступились.

Представляете, бедная, загнанная баба ходит по начальникам и просит за нее заступиться. И не один не заступился. Неработь!..

Но хоть бы одному гаду стукнула в голову мысль, что к нему пришла женщина, которую бьет мужик, и женщина просит защиты, ей некуда больше идти! Ну хоть бы один гад заступился!

Зассанцы!

Она спряталась у матери. Он приехал туда за деньгами, бил в ворота, обещал убить. Она вынесла ему деньги, и передала в щелочку, и пошла в дом. И увидела, что он перелезает через забор… Она взяла кухонный нож в одну руку, подобрала на огороде какой-то уголок и пошла к нему навстречу. И так, лицом к лицу, забила его насмерть. А потом, когда он упал, еще и удавила попавшимся под руку куском провода. Пошла домой, легла спать. И спала крепко, впервые за много месяцев, потому что уже ничего не боялась.

Утром вышла, посмотрела на него и пошла в милицию, писать явку с повинной[1].

Я написал обращение в прокуратуру области с просьбой наказать тех, кто виновен в непринятии мер, и вот что они ответили.

Официально подтвердили, что Наташа официально обращалась в прокуратуру и милицию пять раз! И один раз обращалась ее мама. Первое обращение было 19 августа. Последнее — 27 сентября. То есть за день до убийства.

Кроме того, Наташа неоднократно обращалась и в милицию, и в прокуратуру, и в Госнаркоконтроль.

Интересно, что по обращению от 13.09.11 в отношении озверевшего наркольги было даже возбуждено уголовное дело, которое было прекращено 16.10.11 в связи со смертью подозреваемого. А по обращению от 27 сентября в возбуждении уголовного дела было отказано в связи с отсутствием события преступления… Но! Я разговаривал с Наташей 5 октября и видел, что у нее сломан нос, синяки и кровоизлияние в глаз!

Короче, все всё видели, все всё понимали, и никто ни хрена не делал!

И вот финал ответа:

> «Ваши доводы о бездействии правоохранительных органов при рассмотрении обращений Корякиной Н. В. в

> отношении Корякина О. Ю. не нашли подтверждения. Действия должностных лиц ММО МВД России „Алапаевский“ являются законными и обоснованными. Оснований для принятия мер прокурорского реагирования не имеется».

Подписал его алапаевский городской прокурор, младший советник юстиции А. В. Мухаев.

Результат этих законных и обоснованных действий мы видели — труп Корякина и уголовное дело на Корякину, мать троих малолетних детей.

Ну, что сказать? Диагноз — импотенция.

Местный прокурор поручил провести проверку Роме Глухову. Тому самому, к которому Наташа и приходила. И на что рассчитывал прокурор города Алапаевска, поручая проверку Роме Глухову? Что прокурорский работник Рома Глухов, проведя проверку, выявит вину Ромы Глухова в непринятии мер и потребует применить к себе меры прокурорского реагирования?!

Дурак или притворяется?

Правоохранители собственных жоп!

Пятьдесят

Как-то летел «Уральскими» с Бурбулисом, а через проход Россель сидел. И вдруг идет по салону стюардесса-красавица. И такая ладная, что у всех мужиков головы вслед поворачиваются. Россель с Бурбулисом переглянулись, семидесятилетний Эдуард Эргартович улыбнулся, вздохнул и говорит: «Было бы мне сейчас лет пятьдесят!..»

В свое время родственники замечательного русского художника-символиста Василия Денисова, прямого ученика Коровина, передали мне семьдесят живописных работ и двести листов графики, которые остались у них после смерти художника от голода в Москве в 1921 году. Мы занимались реставрацией этих работ в течение нескольких лет, а потом с замечательным искусствоведом, академиком Сергеем Васильевичем Голынцом сделали альбом, посвященный творчеству Денисова.

И вот, через десять лет, Сергей Васильевич решил вернуться к Денисову. И закрепил за этой темой свою студентку. И девчонка пришла к нам в музей делать научное описание картин Денисова. И вот она сидит, работает. Мало того что отличница, еще и красавица! Высокая, стройная, «Мисс Университет». А тут еще зашел Брусиловский. Вижу, тоже обратил внимание, то есть засмотрелся. И вот мы сидим, пьем чай, и вдруг понимаю, что я девчонкой откровенно любуюсь. Просто так любуюсь. Безотносительно. И никаких глупых мыслей у меня в голове нету. Мне просто красиво. И ничего мне от нее не надо. И это от того, что я просто взрослый, а вовсе не потому. Подумал и засмеялся.

Может, мне просто еще не исполнилось пятьдесят?

Вспомнил.

Мужик купил сигареты. Смотрит, на пачке написано: «Курение делает вас импотентом».

Он покачал головой, поцокал языком и говорит продавцу: «Э! Эту не надо. Дай другую, которая убивает».

Гость в дом — Бог в дом

Мой товарищ, Сергей Сизый, зам. декана матмеха УРГУ, пригласил на «Зимнюю школу». Это студенты матмеха после зимней сессии на неделю собираются на какой-нибудь турбазе и приглашают разных людей читать лекции. И уровень лекторов, как правило, достаточно высок, и любому ученому, исследователю, общественному деятелю лестно получить такое приглашение.

И я поехал. Благожелательная аудитория. Молодые, думающие и свободные. Разговаривал предельно откровенно. Мне кажется, что из них вырастут хорошие люди. Лучше нас.

А потом поехал домой. Захожу, а у меня в гостях… замечательный художник, добрый человек Андрей Бильжо! Ух, как я обрадовался. Да и кто б не обрадовался? Мы разговаривали с ним до ночи. Очень интересный собеседник. Обсудили все. Рассказал мне несколько замечательных историй.

К слову, про аудиторию.

У Андрея в 30-е были расстреляны два деда. В Москве и Норильске. Один — инженер, другой — советский служащий. И бабушка десятку отсидела, в АЛЖИРе побывала (Акмолинский лагерь жен изменников родины). Так что «Историю КПСС» его семья знала не только по учебникам. Довелось проверить гармонию алгеброй.

И вот, в семьдесят втором году, Андрей попал на Соловки и прожил там долгое время. А там было экскурсионное бюро. Он общался со всеми экскурсоводами и начал сам водить экскурсии. А так как всем интересовался, много читал, плюс опыт предков, экскурсии у него получались интересными и неформальными. И вот однажды на Соловки прибыла группа суровых теток с прическами-фигушками на головах. И Андрей вызвался провести экскурсию. А тетки были строгие и неразговорчивые. И чтобы расшевелить аудиторию, Андрей выложился по полной. Он показал им несколько тайных кладбищ расстрелянных, куда экскурсантов водить запрещалось. Поведал обо всех видах нечеловеческих пыток, процветавших в Соловецком лагере (СЛОН), разве что на себе не показал! Попутно рассказал историю своей семьи. По сравнению с этой пламенной экскурсией все передачи «Радио „Свобода“» и «Голоса Америки» были добрые и ласковые, как «Спокойной ночи, малыши», а обличительные публикации «Посева» — что-то типа нашей «Мурзилки»! Суровые

соловецкие камни плавились от его речей, и дикие соловецкие чайки плакали навзрыд, но ни одной искорки не удалось ему высечь своим жгучим глаголом из кремниевых мозгов несгибаемых теток.

Они молчали. И только одна из них открыла рот и произнесла: «Молодой человек, скажите мне, пожалуйста, ваше имя, отчество и фамилию, год рождения и адрес проживания».

Он растерялся и сказал. И только в голове мелькнул обрывок цитаты: «…и, пожалуйста, побудьте дома — скоро за вами приедут в чудной решетчатой карете!»

И действительно, тетки удачно оказались женами секретарей райкомов Архангельской области. Их мужей собрали на партийную конференцию в архангельский обком, а жен их, чтоб не путались под ногами, отправили на Соловки, на экскурсию. Тут-то им и подвернулся молодой знающий экскурсовод…

За Андреем приехали на следующий день. И несколько дней безуспешно искали его по всему острову. К чести экскурсионного бюро, Андрея никто не сдал, и девчонки, в том числе и будущая жена Андрея, по очереди таскали ему в укрытие тушенку и портвейн. А так бы вся жизнь могла пойти по совершенно иному сценарию. Сейчас бы уж небось освободился.

Долго мы еще говорили обо всем, а потом Андрей сказал: «Мне очень важно посмотреть ваш Фонд. Потому что я понимаю, что вы делаете, и всегда заочно за вас заступаюсь. И много достойных людей говорили мне о вас добрые слова. Но мне обязательно надо увидеть своими глазами».

Я показал Андрею Фонд, увез на Изоплит и дал возможность посмотреть все и поговорить со всеми, с кем ему интересно. Только час он провел на карантине. Оказалось, что Андрей — врач-психиатр, кандидат наук и видит ситуацию несколько глубже, чем я. Он внимательно посмотрел все, поговорил со всеми и дал несколько дельных советов. Мне кажется, он не ожидал, что все по-настоящему и без подвоха.

Последняя просьба

Один человек понял, что скоро умрет, и сказал своей жене и своим соратникам, чтобы его похоронили рядом с его мамой. Простая просьба. И последняя.

И вот он умер.

И соратники его, вместо того чтобы исполнить волю покойного, распотрошили его, тело набили соломой, а мозги заспиртовали в банку. И в таком виде выставили на всеобщее обозрение. Большего надругательства над покойником и представить себе сложно. И вроде как сделали они это из лучших побуждений. Расставаться не хотели.

И вот с тех пор незахороненный покойник лежит на главной площади страны. На него ходят глазеть. И детей водят.

Его охраняют.

Пережил он за эти годы множество посмертных потрясений. И нечистотами заливало. И в Тюмень свозили войну перележать. И много еще чего было. И повестка-то уже давно поменялась.

А сейчас он совсем испортился. Руки отгнили. Их убрали под покрывало. И на лице — плесень. И лежит незахороненный. И никто за него не заступится. Не по-человечески это. Незахороненный покойник, лежащий на площади, — немой укор всему обществу. Ответственность — на всех.

Брелок

Всех поздравил. Своих только не поздравил. Подъехал на Вайнера. Машину бросил прямо на Попова, посреди дороги — чего, мне одну минуту всего. А парни такие хорошие тюльпаны продают. Накупил несколько охапок цветов, иду довольный. И вдруг, на моих глазах, у меня слетает брелок с ключами и плавно, как в замедленном кино, летит в решетку канализации. Ой! Бульк!..

Я втянул голову в плечи, оглянулся по сторонам — блин, так и есть, все видели.

Хожу я вокруг этой канализации, чешу затылок, хлопаю себя по ляжкам, делаю руку козырьком, смотрю вниз — ни хрена не видно. Зато пахнет сильно, и пар идет. Народ потихонечку подтягивается. Всем интересно, что дядя Женя делать будет. Попытался я решетку вытащить руками — не получается. Сам в грязи, цветы вокруг разноцветные, праздник у людей, и дома ждут. Расскажи кому, что ключи в канализации утопил, — никто ведь не поверит.

И еще машина стоит посреди дороги, все пальцами у виска крутят. А как я отъеду, без ключей-то?

А возле меня вертится маленький паренек, таджик. Али зовут. Я ему говорю: «Стой здесь, без тебя не справимся». Он стоит и ждет, что я придумаю. А тут парняга один, на «Хонде». Андреем зовут. У него проволока в багажнике оказалась. Сначала мы вытянули длинную проволоку, я стал на четвереньки и попытался проволокой подцепить. Глубина метра два — они на самой поверхности болтаются. Не получается. Тогда Андрей говорит: «Подожди, у меня есть сильный магнит». Сначала привязали грузик, потом примотали магнит на скотч и магнитом немножечко подцепили железные колечки.

Потом, с десятой попытки, подцепили брелок. Подтащили вверх, и я только-только хотел перехватиться — брелок скользнул и снова упал. Ужасная досада. А в это время постоянно звонит телефон, и все спрашивают: «Что делаешь?» Что делаю, что делаю — ключи из канализации достаю.

И снова начали магнитиком пытаться приподнять кольца, чтобы потом зацепить крючком. И когда у меня, с десятой попытки, получилось, Али аккуратно засунул свою детскую руку

по локоть, в решетку и сумел перехватить ключи. И все захлопали, потому что народу уже собралось много.

Правильно, где еще такое увидишь?

Я раскланялся, вымыл руки, поблагодарил Андрея, у которого в багажнике оказалось много полезных вещей, и торжественно вручил Али пятьсот рублей. Он обрадовался. Еще бы!

И все обрадовались.

Он приедет!

Когда я был маленький, я ходил в детский сад № 422, что на Уральских Рабочих. У всех детей родители работали на Уралмаше в три смены, поэтому у нас была интернатная группа, где дети оставались на ночь.

В те годы неделя была шестидневная, по домам ребят разбирали только на воскресенье. Как-то один мальчик, звали его Игорь Нечаев, подошел с утра к воспитательнице Марье Васильевне и сказал: «Сегодня вечером меня заберет мой папа, мы с ним ночью поедем на рыбалку! Он обещал». Потом он подошел к нянечке, тете Зине Пьянковой, и сказал: «А знаете, сегодня поздно вечером меня папа заберет, и мы с ним поедем на рыбалку!» Добрая тетя Зина кивнула головой: «Конечно-конечно, беги, играй!»

Весь день Игорь подходил к детям и радостно говорил: «За мной вечером приедет папа, и мы поедем на рыбалку!» И вот наступил вечер, и пора было ложиться спать. Все дети разделись и улеглись. А Игорь подошел к Марье Васильевне и очень серьезно сказал: «Марья Васильевна, я не буду спать ложиться, потому что скоро за мной приедет папа и мы с ним поедем на рыбалку». Марья Васильевна сказала: «Ты не ложись, просто посиди на кровати». И он сидел на кровати. Все уснули. Марья Васильевна подошла к Игорю: «Ложись, папа, наверное, позднее приедет». Игорь отвечает: «Нет-нет! Он уже скоро будет, можно я еще посижу?» А она говорит: «Ложись, не раздевайся. Если ты уснешь — я тебя разбужу». — «Нет, Марья Васильевна, вы ложитесь, а я посижу»…

И так он просидел всю ночь на краю кровати, и никто не мог уговорить его лечь… Дети уже проснулись — он сидел и смотрел в одну точку. Марья Васильевна попыталась с ним заговорить, а он вдруг стал кричать: «Вы не знаете!.. Он скоро приедет!.. Он обещал!.. Он скоро приедет!» Он все кричал и повторял фразу: «Он скоро приедет!» Потом он начал рыдать — его не могли успокоить… Потом началась икота… Потом за ним приехала «скорая»…

Через некоторое время Игорь вернулся в группу. Помню, что он все время молчал.

И они ушли…

В середине 70-х Мишка Мирник после мединститута работал в физдиспансере. Там и познакомился с Вовкой Щукиным. Мишка был невысокий, полный еврей с большим орлиным носом (про таких говорили — «лауреат Шнобелевской премии») и аккуратной докторской бородкой. При этом человеком он был очень дерзким. Когда доходило до дела — абсолютно бесстрашным. Обладал очень хлестким, поставленным ударом с обеих рук. И внешности своей совершенно не соответствовал. Хулиганы на Вайнера называли его «Михаил Лазаревич». А Володя Щукин в те годы боролся, занимался боевым самбо. Одно время даже тренировал комитетчиков. Был человеком очень жестким и волевым. Его побаивались и за глаза называли «Щука».

Они с Мирником изредка виделись. Имели какие-то небольшие общие дела. И относились друг к другу с неизменным уважением. Каждый сам пробивался в жизни. Время от времени они пересекались в «Ермаке» — старом ресторане напротив «Пассажа». И неизменно выпивали по рюмочке коньяку за здоровье друг друга.

Когда началась перестройка, Володя Щукин захватил часть вокзала и с боем выставил там шашлычников. Потом занимался продовольствием. Потом прикупил недвижимости, вошел в губернаторские структуры. Познакомился с Кобзоном и Ростроповичем. Общался со знаменитостями. Ходил в черном кожаном плаще, начищенных ботинках и с двумя телохранителями. А Мирник понемножку занимался золотом. Потом поставил на Вайнера ларек. Посадил туда тетю Галю. И сам возил всякую хренотень. Какие-то сникерсы, шмотки. Ну, что там еще в этих ларьках продавали? С Володей они виделись уже совсем редко.

И вот однажды сидит Мирник в Домодедово, и рядом с ним — два здоровенных клетчатых баула. С него ростом. Человек прижимистый и экономный, он каждую поездку в Москву использовал по максимуму. И вот он сидит со своими баулами, и одолевают его всякие печальные еврейские мысли: возраст — не тот, бизнес — так себе, доллар подрос. И вдруг он слышит шум и оживление в зале. Поднимает голову — мать честная! Это же Вовка Щукин! Вишневое лайковое пальто, начищенные ботинки и фуражка, как у Жириновского. С двумя телохранителями.

Телохранители сумки тащат, с покупками.

— Вовчик!

— Мишаня!

— Как сам?

— Ништяк. Ты как?

— Слава богу.

Сто лет не виделись. Оглядели друг друга. Снова обнялись.

— Домой?

— Домой. Вместе полетим!

— Пойдем коньяку выпьем!

— Пойдем!

И они уже пошли. И вдруг Щукин говорит:

— Мишаня, а ты что, налегке, без вещей?

Миша говорит:

— Ну да.

— Подожди, — говорит Щукин, — а это чье? — И показывает рукой на уродливые клетчатые баулы.

На что Мирник, пожав плечами, спокойно и мужественно отвечает:

— Не знаю, спекулянты какие-то летят.

И они ушли.

Синяя папка

Губернатор одной небогатой области попал в трудную жизненную ситуацию. Ему необходимо было в спешном порядке выполнить президентские поручения: поднять зарплату бюджетникам, отремонтировать дороги, ну и все остальное, что с барского плеча людям было наобещано во время выборов. Бедолага было заикнулся, что у него денег нету и что не то чтобы он их все пробожил, а просто и не бывало. Но на него было так посмотрено, что он поперхнулся и сказал: «А деньги мы изыщем! Не сомневайтесь!» За что ему было тут же похлопано по плечу.

И действительно, говно вопрос. На выполнение поручений президента требовалось денег почти столько же, сколько составляет весь бюджет области. Консолидированный.

Но не на того напали. Русские не сдаются. И он решил воспользоваться политическим моментом и несогласованностью в верхах. Случай подвернулся быстро. Облетая державу, в единственном в области аэропорту сел борт номер один. О! Тебя-то мы и ждали! Встречая первое лицо, наш сметливый неунывающий губернатор прихватил с собой папочку, заботливо собранную для Минфина. Решил с нарочным передать. Думал, что самый умный. За тридцать секунд скороговоркой рассказав о делах области, заверив в верноподданности и пообещав 70 % на выборах — даже с лишним, подал с поклоном папочку: «Вы уж там, барин, похлопочите». Барин кивнул. Сунул папку под мышку. Покровительственно потрепал по плечу. И поднялся в самолет.

Губернатор долго-долго махал вслед. Шапку не надевал.

На следующий день губернатор позвонил в Минфин. Начал издалека: «Это вам звонит губернатор такой-то. Вам там папочку не передавали?» А ему: «Какую папочку?» — «Ну, синенькую такую, с документами»… — «А кто должен был передать???» — «Как кто?! Путин!» На том конце недоуменное молчание: «Перезвоните».

На следующий день он снова позвонил. И натряхивал им до вечера. Подняли министра, замминистра, референтов, их помощников и даже уборщицу допросили — никто папку не видел. А там, между прочим, в папке, все документы собраны на получение суммы, равной бюджету области. Консолидированному, между прочим! Иди сейчас их заново собери. И где сейчас эту папку искать? Что, звонить на борт номер один и спрашивать: «Извините, пожалуйста, у вас там царь

случайно синенькую папочку нигде не оставил?» Это только кажется, что смешно. Поручение президента надо выполнять, а денег нет и не предвидится.

Губернатор не спал. Похудел. И вдруг обнаружил, что в голове у него день и ночь крутится какая-то дикая строчка: «Если денег нету, научу, где взять, — продавай корову, в рот ее е…ть!»

И приехал губернатор в Минфин. Побывал на приеме у замов. Узнав требуемую сумму, его успокоили: «Решим». И уже почти было повели в закрома, но в последний момент вдруг поняли, что приехал он с пустыми руками. А он человек опытный: понимал, что так дела не делаются, но думал, что проканает. Вроде как не должны с него, бедолаги, брать деньги за предоставление денег на выполнение президентских поручений! Ага, мечтатель. Так и уехал ни с чем.

Но поручение-то выполнять надо. А в Минфине денег без денег не дают. Причем, вы будете смеяться, откат берут вперед. Механизм же должен запуститься. Первый транш в область когда еще поступит, а жизнь в Москве требует, и деньги нужны уже сейчас. И вот губернатор пошел с шапкой по кругу. А чтобы денег дали, ему надо объяснить зачем. И он честно всем рассказывает, что деньги ему нужны для того, чтобы занести их в Минфин, после чего Минфин выделит ему денег, на которые он выполнит поручения президента…

И в этом месте его обычно спрашивают: «А деньги-то ты как нам возвращать собрался?» На что он, потомственный крестьянин, честно объясняет: «Так там же небось останется»…

Правда, смешно?

* * *

В одном небогатом городе было велено построить перинатальный центр. В общем-то, роддомов у них хватало. Тем более что рожать никто особо не разбежался. Но в Москве решили, что надо. Дали указания. Зачем он нужен — не объяснили, но деньги выделили. И на том спасибо. Что-то построили.

Но не достроили. Во-первых, хрен его знает, зачем оно надо. Во-вторых, деньги закончились. И не то чтобы в процессе стройки

казенные деньги пролюбили, а так… заткнули более насущные дыры. Область-то небогатая. А тут в округ назначили нового полпреда. А губернаторы уже все назначенцы. Кроме этого. А полпреду заняться нечем. И руки чешутся последнего избранного губернатора поменять. А тот уже двадцать лет царапается. И уже трех полпредов пережил. Надо сказать, что губернатора этого все знают. И относятся к нему все по-доброму. Но всерьез не воспринимают. А ему и нормально. И вот сообщает ему добрый человек, что снимут его за недостроенный перинатальный центр. И сделает это лично Путин во время своего визита, устроив показательную порку. А до визита остается три (!) дня. Ох ты, черт, не было печали!

Что делает нормальный русский человек в такой ситуации? Правильно. Он тоже выпил. И стал звонить друзьям. Он же все-таки избранный, а не назначенец какой, поэтому друзей у него — достаточно. Собрались мужики. Выслушали. Серьезная задача. Выпили. Подумали. Еще выпили. А потом один говорит: «Что там делать-то надо, чтоб закончить?» Губернатор: «Все! Там стены голые!» Почесали в затылках. «Ладно, не бздымолис! Краску я тебе дам. И оттенки повеселее выберем», — говорит самый трезвый. Другой вторит: «Я двести таджиков загоню! Закатают все! И еще улицу Коли Мяготина закрасят!» Губернатор еще трезвый: «Не п…зди! Откуда у тебя двести?! Сто дай». Ну, вот, вроде и вырисовывается. Стоп! Кровати-то где взять? «У тебя пионерские лагеря остались?» — «Да есть какие-то»… «Ну и раздербань! Вывези все кровати. А мы здесь как-нибудь подшаманим. Главное, чтоб простыни крахмальные! И наволочки чистые!» Уф. Ну, вот, вроде все и решилось…

Подожди! Дак его же надо до приезда Путина роженицами наполнить! Где взять-то?! «Фигня делов! У тебя роддома есть? Вот и свези оттуда! Самых веселых и красивых. Какие царю нравятся. Денек полежат. Путину покажутся. Развезешь обратно». И тут губернатор протрезвел: «Подожди! А если вдруг они рожать начнут?! Или, не дай бог, еще что! Да и краской надышатся. Я на это не могу пойти! За меня все-таки люди голосовали. Не буду я так делать. Пусть лучше снимают меня на хрен!!!» — «Да ладно, подожди ты, не горячись. Сейчас что-нибудь придумаем».

И придумали. Навезли веселых улыбчивых комсомолок. Уж где набрали — не скажу. Привязали к животам большие подушки. И разложили по койкам на крахмальные простыни в сверкающем, новом, свежевыкрашенном перинатальном центре. Перекрестились и стали ждать Путина.

Путин не приехал. А сняли губернатора за другое.

Зачем?

У нас в деревне участковый был — хороший парень. Саша звали. Сам из Артемовского. И вот ему звание дали. И приехали они в деревню отметить. Выпили, то да се, в баню сходили и поехали домой.

Жена за рулем, он рядом. И по дороге что-то повздорили между собой. Ну, выпивши, всяко бывает. И он посреди дороги в сердцах вышел, дверью хлопнул и пошел пешком. А жена говорит: «Ну и хрен с тобой». И поехала дальше.

Недалеко еще отъехала, а его машина сбила. Насмерть.

Трое детей. Старшему — шесть, младшему — год. И жилье служебное. Выселяют сейчас.

И ведь любили друг друга — зачем поругались?

«Товарищ нарком! Свердловск на проводе!»

Чекист Павел Корнель был сотрудником ИНО (Иностранный отдел НКВД) и с 23-го года работал в Берлине. В 37-м году его отозвали из Германии и откомандировали в Свердловское управление НКВД. И вот Павел Корнель прибыл из Берлина в Свердловск и приступил к своей нелегкой службе. Что там Берлин? — тишь да благодать, Гитлер у власти, везде порядок, а по утрам кофе с булочкой. А тут Свердловск, 37-й год. Все бурлит. Куда ни глянешь по сторонам — везде идет последний и решительный бой. И все острее классовая борьба. Рука бойцов колоть устала. И бедный чекист, не выдержав такого контраста, будучи дежурным по управлению, среди ночи, своей чистой рукой и с горячим сердцем, бескорыстно воспользовавшись служебным положением, по прямому набрал наркома Ежова: «Але, але! Свердловск на проводе! Товарищ нарком! Дежурный по управлению капитан Корнель докладывает: Николай Иваныч, дорогой, как честный человек и член ВКПб, не могу молчать! Здесь творится форменная контрреволюция, порочат честных людей! Расстреливают верных ленинцев! По ложному доносу посадили все руководство железной дороги! Пьют на работе с утра до вечера… Да, Николай Иванович, так точно! Никому, кроме вас! Есть хранить молчание! Так точно! Служу трудовому народу!..»

И Павла Корнеля не расстреляли! Его даже отправили на повышение в Ульяновск. Правда, при этом расстреляли его непосредственного начальника Дмитриева. А Корнеля расстреляли уже потом в Ульяновске.

Откуда знаю? Разговаривал с человеком, который занимался его реабилитацией.

Гостинец

У нас оперативка идет, а тут мужик приехал, в коридоре стоит. Крестьянин такой натуральный. Руки здоровенные, потрескавшиеся, в мозолях. С котомкой. Стоит и терпеливо ждет.

— Что у вас случилось?

— Да я приехал издалека, мне б с сыном повидаться. Мать сдала его к вам на реабилитацию, а я не видел его давно, врозь живем. Мне б только повидаться. Я вот гостинец ему привез, — показывает на котомку.

— Ладно, сейчас после оперативки решим.

Так он простоял всю оперативку возле двери, переминаясь с ноги на ногу, теребя свою котомку.

Надо сказать, что мы стараемся, чтоб в период реабилитации родители меньше общались, потому что после таких общений дети становятся шальные и невменяемые и, в конце концов, бегут, и все начинается снова.

Стали его отговаривать, а он все одно:

— Сына давно не видал, соскучился. Повидаться хочу, гостинец передать… Ехал за тыщу верст. Не откажите.

Ну, жалко уже человека стало.

Макс говорит: «Ну, давай под мою ответственность тогда. Пусть человек повидается, поговорит с сыном».

Мужик аж расцвел:

— Вот родные! Вот уважили! Спасибочки вам!

Макс посадил его в машину и повез на Изоплит. И всю дорогу мужик рассказывал, как он соскучился по сыну, как он в детстве носил его на руках, ездил с ним на покосы, ходил на рыбалку. А ближе к Изоплиту примолк…

И вот заходят они, отца проводят в столовую и приглашают сына.

Заходит сын, видит отца. Замер на пороге.

— Папа!

Отец вскакивает с криком: «Сынок!», подбегает к сыну и… с размаху отвешивает ему здоровенную оплеуху! И еще! Тут же заученно бьет его коленом в самое дорогое. Сын с воплем складывается пополам, а соскучившийся отец смотрит на него и говорит:

— Ты, гад, козел, всю жизнь мою поломал…

Обошел и со всей дури, как пробивают пенальти, пнул ему под зад. Сын рухнул. Отец посмотрел по сторонам ошалевшими

глазами и говорит:

— Ну, все. Свиделся. Гостинчик передал. Домой пора ехать. Где тут выход?

«Дак а че?..»

Пошел дочку в школу отводить. Раннее утро, воздух свежий! Идем по тротуару, подряд несколько машин стоит. Припаркованы задом, заведенные, и водители сидят. В доме люди обеспеченные живут, видимо, вызывают водителей с утра, и те сидят по часу, по полтора в заведенных машинах. И когда идешь, дышать невозможно — как через газовую камеру. А еще дядька один стоит, на «Волге» белой, так там облако голубоватых газов и особо циничная вонь!

Я дочку отвел, вернулся обратно, а они все стоят, газуют. Я постучался одному в окошко и говорю: «Вы что там, замерзли?»

Он говорит: «Дак а че? Все же так — никто не глушит». И действительно.

В свое время, еще в девяностых, столкнулся в Скандинавии. Там не принято в городах прогревать машину дольше тридцати секунд. И стоять в заведенных машинах тоже не принято. Причем закона специального нет, как-то люди сами за этим смотрят. И вправду, чего без дела воздух отравлять? И подход такой вызывает уважение.

«Уважаю русских»

Юра Трофимов в молодости был стилягой. Поверьте, ему было непросто быть стилягой в 50-х в Алапаевске. У него были брючки в облипочку и канареечный клифт, а передвигался он по Алапаевску на велосипеде. Чем вызывал возмущение соответствующих органов. Но это еще не все. Юра начал рисовать картинки. И не какие-нибудь, а абстрактные! А работал он в то время в доменном цехе. И всем рабочим эти свои картинки показывал. И доигрался. Его вызвали в КГБ и однозначно сказали, что если он не прекратит рисовать, то его посадят. Это было серьезно. Юра пришел домой, сел возле окошка, подперев щеку рукой, и горестно задумался. Он был очень напуган. Но рисовать ему хотелось пуще прежнего. А сидеть очень не хотелось. Тем более отец его, бравший Берлин, в начале 50-х умер от ран, мама была уже на пенсии, он оставался единственным кормильцем для нее и своих четырех сестер и братьев.

И тогда Юрина мама, Анна Ивановна Трофимова, видя, как он переживает, вздохнула и сказала: «Знаешь что, Юрка, давай-ка я тоже начну рисовать! Пусть нас вместе сажают». И она действительно начала рисовать. Это были простые и очень красивые картинки.

Через некоторое время на нее обратили внимание серьезные художники — Брусиловский с Мосиным. Причем сразу отметили эстетичность и понимание цвета. Анна Ивановна рисовала каждый день и картинки свои дарила тем, кому понравится. Полторы тысячи ее работ забрал основатель Иван Данилович Самойлов в Нижне-Синячихинский музей. Они хранились там в сундуке и почти все отсырели и погибли. Потом каким-то непостижимым образом в конце 80-х выставка работ Трофимовой с большим успехом прошла… в Париже! И посетители восприняли эти картинки как яркое чудесное открытие[2].

В ресторане

В Омске, в восемьдесят восьмом году, мы с Димой Чуркиным по золоту работали. У нас в Свердловске голодно было, а в Омске — изобилие. И мы по вечерам повадились ходить в ресторан «Турист». Модный такой ресторан, столики по кругу. А еще туда ходили все омские блатные. Такие серьезные, сосредоточенные парни, как сказал поэт — на х… некого послать. И нравы у них самые суровые. Однажды Чеснок подъехал к «Туристу» на новой «шестерке» и поднялся в ресторан. Пока он ходил, кто-то, проезжая, дал по машине очередь из автомата. Прошили от переднего до заднего крыла. Он спускается, а там зеваки, «мусора»: «Так и так, на вас было покушение. Будете заявление писать?» — «Какое заявление? Какое покушение?» — «Да по вам же стреляли!» — «Где?!» — «Да вот же дырки!» — «А, так это же я просто молдинг отодрал…»

Вот такие люди. Гвозди бы делать!

И вот мы с Димой сидим в ресторане, он выпивает, а к нему еще Наташка приехала. А Наташка молодая такая, дерзкая была. Сидит, тонкими пальчиками бокал с шампанским держит, смотрит поверх голов, и сигаретка на отлете. Как в кино. Ресторан гудит. В одном углу блатные гуляют, через раз музыкантам «Таганку» заказывают, в другом менты отдыхают, им почему-то «Синий туман» подавай. А за соседним столиком сидят несколько девчонок. Фабричные девчонки. Скромные такие, день рождения у одной. Прихорошились и пришли. В складчину небось. И с ними парень один. Не шикуют. Им бы «Белые розы», но, видно, денег нет.

И вдруг один блатной с красной рожей, в адидасовских штанах, в белой «саламандре» и норковой формовке, упитанный такой, поигрывая булками и дожевывая котлету, направляется к девчонкам. Почему в адидасовских штанах и белой «саламандре»? Да потому что просто красиво. А почему шапка на голове? Да чтобы все видели, что она есть. Шапка, в смысле. А потом, иди оставь ее где-нибудь — сразу спиз…ят!

И вот он, дожевав котлету, подходит к девчонкам и берет за руку ту, которая возле парня, и тянет ее из-за стола. То есть вежливо так на танец приглашает. А она вдруг пытается руку вырвать! А он точно знает, что эрогенные зоны у женщин — почки, печень и кадык, и этот девичий демарш его настораживает: «Не понял, че за х…ня?!»

А я все это вижу, но не лезу, потому что рядом с ней сидит парень, и слово за ним. Ну и просто чужой город, чужие менты, а

я не так давно освободился. А парень молчит и голову в плечи втянул. Он омский и знает, кто это. И вдруг вскакивает девчонка, сидящая рядом, и звонким голосом кричит: «Ну-ка, отпустись от нее!» Он секунду смотрит на нее непонимающе: «Ты че, овца!» А у меня уже незаметно стул от стола отъехал, и я смотрю, и у меня еще надежда, что кто-то впряжется. Я бы не полез. Я же не самоубийца. Но на всякий случай уже встал. И вдруг он просто лениво, всей пятерней, берет девчонку за лицо. И все. И отступать мне некуда. Я развернул его к себе, по-честному подождал секунду, пока он поймет, что происходит, и с левой вложился в челюсть чуть ниже уха. У него остаток котлеты выпал, а потом он упал. А о чем мне с ним разговаривать? И сел я на место. Дима так уважительно на меня посмотрел, Наташка одобрительно кивнула, а девчонки завизжали. А этот дурак полежал-полежал, потом встал и побрел, печально булками наворачивая…

И сижу я, такой гордый, хороший поступок совершил, за девушку заступился, всех победил! И девушки на меня поглядывают.

И вдруг слышу жуткий топот. Смотрю, а по кругу к нашему столику бегут человек пять. И я с грустью понимаю, зачем они бегут.

А товарищ мой дрался последний раз во втором классе, и менты не впрягутся. И вообще, это те самые драки, которые никто не останавливает. И с этими грустными мыслями я вышел им навстречу, чтобы столик с Димой и Наташкой остался у меня за спиной. Потому что, пока они меня сломают и втопчут, можно успеть уйти. И вот эти качки бегут и сопят, а проход между столиками неширокий, и все вместе они бежать не могут. Поэтому бегут они гуськом, на ходу подтягивая рукава.

Если бы у меня был ствол с собой, я бы начал стрелять не задумываясь, потому что они шли меня убивать. Ствола не было. Но случилось чудо. Тот, который бежал первым, был слишком уверенным, а бегущий на тебя человек беззащитен как ребенок. Просто он этого не знает.

И я его встретил очень жестко — прямым в подбородок. И он упал спиной на какой-то стол. И стол упал вместе с ним, и у него отломилась ножка. Ну, знаете, были раньше такие полированные столы с четырехгранными ножками, и я успел эту ножку подхватить. Ух, какая ножка была! Коричневая, увесистая, с уголком на конце. Да какая там ножка? Волшебная палочка. Единственное, что помню, когда ею в голову попадаешь, в руку больно отдается. И я с этой ножкой начал на них наступать. Несколько раз в меня попали, но мне удалось устоять на ногах.

Единственное, помню, что девчонки визжали и официантки ходили с подносами вдоль стенок.

Этих было человек пять, и, когда они стали обходить меня сзади, Дима влепил одному в затылок пустой бутылкой из-под шампанского так, что осколки долетели до меня. Сдернул у официантки с подноса еще две бутылки и встал у меня за спиной. Теперь уже завизжала официантка.

И мы стали с Димой с боем отступать к кухне и чуть не забыли Наташку, которая все так же сидела нога на ногу, манерно курила и только стул отодвинула к стене так, чтобы ее не задели и все было видно. Красиво устроилась в партере. Еле выдернули ее, выскочили, захлопнули дверь, и она затрещала под ударами. А там официанты, повара набежали и говорят: «Бегите! Бегите!», а официантка Любовь Михайловна кричит: «Бежим! Я вас проведу через второй выход!» А мне бежать уже никуда неохота, я притаился с ножкой и думаю: сейчас кто первый ворвется, тому башку снесу. А Любовь Михайловна кричит: «Бежим! Они вас убьют!»

И мы выскочили, и через какой-то подвал она провела нас в гостиницу «Турист», которая примыкала к ресторану. И мы поднялись к Диме в номер.

Нас колотит. Нервяк такой. Меня слегка штормит — несколько раз попали. Но мы победили. И смотрим в окно, а там подъехали две «скорых» и кого-то на носилках грузят! И нам еще приятней. И вдруг Наташка говорит: «Я своего мужа таким никогда не видела. Дима, я люблю тебя, я горжусь тобой!» И обняла его…

И я вышел из их номера и пошел к себе. И, когда открывал дверь, понял, что мне что-то мешает, и увидел, что мешает мне ножка стола, которую я до сих пор сжимаю в руке.

Они начали искать нас уже ночью. Перекрыли вокзал и аэропорт. Из Омска мы уехали на такси. Ножку стола я поцеловал и выложил на заправке уже после Кургана.

Но так-то я не об этом хотел рассказать.

Однажды мы с Олегом Посуманским сидели в ресторане «Каменный мост», что на Малышева, возле моста. Там сейчас паб «Доктор Скотч». И вот сидим мы возле входа. Со стадиона приехали, в спортивном. В зал не поперлись, сидим в уголке.

А в те годы мы с Олегом повадились пить красное сухое вино. Распробовали. И так нам вкусно было, что мы стали делать это часто. А чтобы не мучила совесть, мы решили это делать только после тренировки. И каждый день, проведя на стадионе по несколько часов — он на кортах, а я на волейбольных площадках, — встречались на верхнем поле и бежали пятерку, а

иногда десятку, заканчивали на брусьях и турнике. И уже с чистой совестью шли пешком на бульвар Культуры, садились на лавочку под моими окнами и с чистой совестью начинали выпивать.

И вот в конце лета умный Олег говорит: «Надо завязывать с тренировками». Я испугался: «Что вдруг?» Он говорит: «Сопьемся на х…» И мы решили притормозить и прямо со стадиона заехали в «Каменный мост» отметить это событие.

И вот сидим, выпиваем. Ресторан полон. А играл там тогда замечательный скрипач — Леня Элькин. Очень хорошо играл, и многие ходили туда из-за него. Играл он в дальнем конце зала, за углом, но слышно было везде. То есть мы его не видели, но слышали. И вдруг в ресторан заходят парень с девчонкой, молодые, высокие, очень ладные, их многие помнят в городе. Они часто ходили по улицам вдвоем, смотрели только друг на друга и, когда шли, осторожно и ласково соприкасались мизинцами опущенных рук. И видно было, что они очень любят друг друга.

И вот они заходят. Парень идет чуть впереди — посмотреть, где есть места, а она идет за ним следом, легко и свободно, смотрит высоко, и думает о нем, и улыбается своим мыслям. И все мужики оборачиваются ей вслед. А я ее видел давно, и она мне очень нравилась. Но я не разговаривал с ней, потому что это была чужая женщина, и она, даже когда была одна, очень достойно держалась и не давала повода заговорить.

А с правой стороны, уже у входа в дальний зал, сидят два мужика, такие коммерсюги разбогатевшие, уверенные такие. Сидят друг напротив друга, водку пьют, закусывают и ждут, им вот-вот горячее принесут. Леня играет громко, люди разговаривают, гул стоит. Парень проходит вперед и поворачивает налево в зал посмотреть, где есть места. Она идет за ним и останавливается в проходе. В это время тот мужик, который сидел спиной к входу, увидел, что его друг куда-то пялится, повернул голову, уставился на нее, проводил глазами и, когда она только прошла, посмотрел на друга и ошарашенно говорит: «Охренеть!» И подбуханный друг его лениво, через губу отвечает: «Да знаю я ее… Сосет ох…тельно!» Он только не понял, что музыка секунду назад закончилась и он сказал это громко и внятно. Парень, который прошел в дальний зал, не услышал, а она услышала. Потому что остановилась совсем рядом. Она резко развернулась, волосы взлетели. Сделала шаг назад, склонила голову, посмотрела в лицо. Он смутился на секунду и отвел глаза. И одновременно с этим она подхватила нож, лежащий у тарелки с правой стороны, и молниеносным коротким движением саданула ему в горло, повернулась спиной и спокойно прошла дальше. В

этот момент вышел ее парень и говорит: «Пойдем, Наташа, во „Дворик“». А она, оставив этот мир за спиной, говорит: «Давай прямо через веранду выйдем». И они ушли.

А этот вскочил, схватившись за горло, пускал кровавые пузыри и пытался вдохнуть. А друг его сидел, открыв рот, и смотрел на него. В этот момент им принесли горячее…

Вот, в общем-то, и все.

* * *

Товарищ мой — серьезный парняга, всего в жизни повидавший. Оставалось ему до конца срока где-то два месяца. Жена приехала на длительную свиданку. Хорошая девка. Восемь лет его ждала. И вот, перед самым концом срока, написала ему, что беременна. А он очень хотел ребенка. Девочку хотел. И обрадовался. А когда освобождался, его все парни встречали. И жена. И он отвел ее в сторону и спросил: «Ну как?» А она покачала головой: «Да нет, задержка просто. Показалось». Он расстроился было. Но быстро забыл об этом. Потому что нет на свете сильнее праздника, чем день освобождения.

И вот прошло несколько лет. И он поднимался к себе домой, на пятый этаж, где они жили с женой в маленькой хрущевке. Поднимается он по ступенькам, думает о своем. И вдруг на четвертом этаже чувствует, что его кто-то за мизинец держит. Смотрит, а это маленькая девочка в белом платьишке рядом с ним топает. Идет, пыхтит. Как все детки, ставит сначала одну ногу на ступеньку и приставляет к ней другую. Он удивился и говорит: «Ты кто?!» А она говорит: «Папа, ты что, это же я, твоя дочка». Он перехватился — маленькая теплая детская ладошка в руке. Наклонился, посмотрел на нее, спрашивает: «Как тебя зовут?» Она покачала головой и говорит: «Никак». А они уже поднялись на пятый этаж. И она остановилась перед дверью. Он говорит: «Пойдем, зайдем!» А она покачала головой и говорит: «Я к вам не пойду. Вам самим места не хватает». И пошла вниз. А он хотел побежать за ней. Ослаб разом. Сел на ступеньки, смотрит ей вслед и тронуться не может. И сидел так, пока Ленка не вышла из квартиры. Он сидит и молчит. Она положила руку ему на плечо: «Саня, ты чего?» А он ей вдруг говорит: «Ленка, а ты, перед тем как мне освободиться, аборт сделала». Она помолчала и говорит: «Прости, что не сказала. Уверенности не было. Дрогнула. Какой ребенок? Самим места не хватает…»

Один на льдине

Один шестидесятисемилетний профессор решил жениться. Для этого он решил уйти от жены. И жена-то у него хорошая была. Тяжелые времена они вместе пережили, вырастили троих детей. И когда профессора в молодости гнали за дружбу с Галичем и Кимом, она его во всем поддерживала и не отступилась. То есть жена была хорошая. Вполне еще ничего. Верная такая жена. Но эта была как-то поновее. И профессор сам еще был такой вполне ничего. Ну а что? Всего 67 лет. Импозантная бородка, на гитаре играет, песенки поет. В молодости диссиденствовал, знакомства водил. И студентки молодые на него еще поглядывают. И так ему хотелось жениться, что он на всякий случай сжег все мосты. Продал свою долю в четырехкомнатной квартире. Квартира-то 51 квадратный метр, на ВИЗе, всю жизнь к ней стремились. И он продал две комнаты. Все молчали. И только младшая дочь пыталась его вразумить. Он ее проклял и вообще стал обзываться. Был дом, была семья, были дети… Выручил он за эти комнаты 12 000 $, взял чемодан, заботливо и честно собранный женой, взял гитару и решительно переехал к новой жене.

Деньги потратил быстро. На половину купил домик в деревне с намерением построить дачу, о которой мечтал всю жизнь. А на вторую часть денег приобрел однокомнатную квартиру, с чем и упал в объятия любимой. Вместе прожили год. Уж не знаю, что там получилось. Может, надежд не оправдал, может, просто характерами не сошлись, потому что он по итогам всей своей прошлой жизни полагал, что мир крутится вокруг него, а она — наоборот. А может, просто репертуар ее не устроил, да и какой там репертуар? «Лыжи у печки стоят»…

Расстались друзьями. Съехал он в свою однокомнатную квартирку, заболел, но врагу не сдается и сидит там, как полярник на льдине, радиограммы шлет. А кому слать-то? Ни дома, ни жены, ни детей. Дача в деревне сгорела. Деревня, кстати, называлась Шиши, это если ехать в сторону Каменска, справа от тракта.

Евсей

В Красноуфимске был известный художник Евсей Якимов. У него не было рук и ног. Таким родился. Была только культя левой ноги, до колена, с фрагментами трех пальцев.

Он обслуживал себя сам. Выучился читать и рисовать. У него с детства были два костылика на кожаном ремешке. Он их надевал через шею и упирал в подмышки. И сам передвигался!

У него был друг Андрей, слепой от рождения. Они умудрялись с ним ходить по грибы и по ягоды! Потом Андрей сам выучился играть на гармошке и был знатным гармонистом.

Евсей, еще до войны, начал рисовать. Кисточку держал в зубах. Получалось у него дерзко и красиво.

И ему стали заказывать картины. Очередь стояла. Власти заказывали ему портреты вождей. Однажды он нарисовал Берию в парадной форме. И Берию тут же посадили. Евсей очень расстроился — столько краски ушло!

После войны, до шестидесятого года, рисовал коврики. Всем соседям нарисовал!

В 1952 году, по его чертежам, на Серпуховском заводе ему сделали мотоколяску, и он лихо гонял на ней, руля тремя пальцами отростка ноги.

А потом женился. Жена у него была хорошая, из Балахны. Познакомился он с ней в Москве и уехал к ней. Жили они счастливо, полноценной жизнью. Он рисовал картинки. Умер он в 1976 году.

Я разговаривал с теми, кто его знал. Он был сильным и счастливым человеком. На всех фотографиях, где я его видел, он улыбается.

Музыкант

Когда-то, в восьмидесятом году, в Свердловске было громкое уголовное дело. По нему проходили чиновники городской администрации, некто Еремин с грозным прозвищем «Каратэ», замдиректора «Грампластинок», что на Первомайке, Марик Фрадкин, начальник Ленинского следствия Гоша Чекуров, замначальника Ленинской уголовки Барщевский, известный коллекционер Сафронов и многие другие. Были там и взятки, было мошенничество — полный букет. Все давали показания. И дело быстро обрастало фигурантами, друг друга вообще не знавшими, и уже в обкоме забеспокоились и велели быстрее направлять дело в суд. Но колесо с ходу не остановишь. И заканчивая дело второпях, нацепляли еще людей. А Женька Эдельштейн был известный в городе джазовый музыкант. Он играл в «Океане», и внешность у него была соответствующая. И вот звонит ему следователь на работу и говорит: «Не могли бы вы к нам подъехать, мне надо вас опросить». «Когда?» — спрашивает Эдельштейн. «Да прямо сейчас, я вас надолго не задержу». — «А куда?» — «А прямо сюда, на Репина, 4».

И вот Эдельштейн выходит из ресторана, ловит такси, называет адрес и говорит водиле: «Давай быстрее, тороплюсь!» Водитель посмотрел на него, как на дурака. И вот подвозит он его к тюрьме, следователь уже встречает, проводит его через проходную в следственные боксы, туда же поднимается конвой, и в течение получаса, оформив все формальности и сняв с Эдельштейна очки, его, не заводя в карантин, кидают в камеру.

В камере девяносто рыл. Лето. Жара. Все голые. Он без очков вообще ни хрена не видит. И вот его спрашивают: «Ты откуда?» Он им честно отвечает: «Из ресторана». Камера грохнула. Прикинь, стоит маленький, дерзкий, слепой еврей и прикалывается! «А как сюда-то попал?» А Эдельштейн уже со злостью: «Как-как, да на такси приехал!» Ну, там уже просто вой в камере! «А на такси-то зачем?!» «Зачем-зачем, б…??? Торопился!!!»

Ну, там уже смеяться не могли, просто скулили. Потом Женьке отвели шконарь и помогли ощупью его найти. И все относились с уважением. Еще бы, он на всю тюрьму был такой один.

Дали ему восемь лет. Какое-то посредничество в даче взятки. А вообще, срока были большие, до четырнадцати лет. Меньше всех получил отец моего товарища, потому что за все время следствия не сказал ни одного слова.

Свадьба

В деревне свадьбу играли. Ну дак че, полон дом гостей назвали. Запировали с вечера. А завтра с утра — торжественная часть: загс, регистрация, цветы и все такое. А уж вечером все по-настоящему. И вот разминаются накануне. А один из гостей — какой-то дальний родственник, двадцать два года ему, все какой-то порошок нюхает. У нас в деревне такого и не видали, а ему че — он городской. Утром все встают, наряжаются, в загс пора ехать, а он не встает. Потрогали: «Батюшки, да он холодный!» Невеста в слезы, боится, что свадьбу отменят. Ее все успокаивают. Да ладно, фигня какая! С кем не бывает! Сейчас машину вызовем, заберут труп. Не отменять же свадьбу из-за этого — вон, наготовлено всего, да и гости собираться начали.

И вот подъезжает машина. За покойником. И одновременно приезжает нарядная машина с куклой на капоте. В загс, значит, ехать. И непонятно, кого вперед везти. Решили начать с покойника. Правильно, ему долго собираться не надо, а невеста еще прихорашивается. Зашли санитары, загрузили, увезли. Вот и ладненько! А тут и невеста подоспела. Сели с женихом в машину с куклой и с ленточками и понеслись в Артемовск с песнями. Едут на дороге, догоняют труповозку. Э, блин, тормози! Не обгоняй! Куда вперед покойника?! Примета плохая! Ну и едут себе не торопясь, кортежем, за покойником. Шампанское попивают. Ну а че, не портить же себе праздник! Встречные бибикают, руками машут. В Артемовске разъехались. Этот в морг, эти в загс. Все как положено.

А уж домой вернулись — ух, и загудели! И «горько!» кричали, и невесту воровали-выкупали, и плясали, и частушки пели. Хорошая свадьба получилась.

Телевизор

Иду с маленькой дочкой домой. Смотрю — мать с ребенком. Вдвоем неуклюже тащат большой телевизор, замотанный в простыню. Поставили на землю перехватиться. Я говорю: «Давайте помогу! Куда отнести?» А женщина говорит: «В ломбард, угол Куйбышева — Луначарского. Помогите донести, я вам двести рублей заплачу!» Я попытался взять его под мышку. Блин, не входит! Потащил перед собой на вытянутых руках. Иду, они сзади семенят, и дочка моя рядом.

И вдруг я понимаю, что телевизор-то краденый! И по закону жанра вот-вот за углом меня должны задержать. Ну надо же так глупо подставиться! Столько лет посадить меня пытаются и не могут, и так глупо подставиться! И лихорадочно соображаю, что буду говорить на первом допросе. А она вдруг спохватилась: «Нет-нет, вы не подумайте! У меня и документы все есть! Я его потом выкуплю! Просто денег совсем нет перед Новым годом и сдать в ломбард больше нечего». И я вижу, что искренне говорит. И мне даже стыдно сделалось, что я на голом месте про человека плохо подумал. И идем дальше.

А тащить его неудобно, я без варежек, руки замерзли, четыре телефона в карманах звонят не умолкая, и люди еще здороваются. А потом ее соседка встретила. «Вы куда, говорит, телевизор-то потащили?» А ей неловко говорить, что в ломбард несем. «В ремонт, отвечает, хотим отдать!» А соседка меня узнала, посмотрела и говорит: «Ну-ну!» Через дворы вышли на Луначарского, а там, у магазина, напротив остановки, где старый дом с колоннами, три мужика стоят. Увидели меня с этим телевизором, обрадовались. Кричат: «О, Вадимыч! Ты где такой надыбал?!» «Тсс, — отвечаю — не пали!»

Так, весело, компанией добрели до ломбарда. У меня уже руки отваливаются. Захожу в дверь боком, народу много, неловко. Я поставил на пол и говорю: «Ну, тут уж вы сами». Попрощались и пошли.

Идем с дочкой. У меня руки закоченели, а у нее теплые ладошки, она взяла меня за руку и вдруг говорит: «Папа, а как они будут Новый год отмечать без телевизора?» Оп! И вправду. Мама с маленьким сыном. Что-то наготовят. Сядут за стол. И у них даже куранты не пробьют?! Странно как-то. Не здорово.

«Сейчас, — говорю, — что-нибудь придумаем».

В Фонде говорю могучему Ване: «Посмотри адрес и телефон ломбарда, угол Куйбышева — Луначарского». Ваня моментально все нашел. Звоню. Спрашиваю: «Можно сделать так — я деньги внесу, а вы им позвоните и скажете, что ломбард на Новый год делает им подарок как постоянным клиентам и возвращает залог без оплаты?» Они говорят: «Нет. Мы так не можем». Я говорю: «Как же они на Новый год будут без телевизора?!» Говорят: «Давайте мы вам их телефон дадим». Я говорю: «Ну, давайте».

Звоню. Берет трубку. «Здравствуйте! Я сегодня ваш телевизор в ломбард отнес. Так вот. Они решили вам его вернуть без оплаты». А она испугалась: «Нет, — говорит, — мне не надо!» — «А как вы на Новый год-то будете без телевизора?» — «А так, — говорит, — при свечках посидим…» — «Давайте встретимся в ломбарде, я вам телевизор домой отвезу». Она говорит: «Нет! Так не бывает! Я вас боюсь! Вы что-то плохое задумали!» И так мне вдруг обидно стало! Вот за что, думаю?! Взяла, на голом месте оскорбила! И вдруг вспомнил, что еще два часа назад я думал, что она этот телевизор где-то украла! Ну, нормально людям друг на друга так гадко думать?! Дожили.

С огромным трудом уговорил ее приехать в ломбард. И вот мы с Ваней подъезжаем, заходим вовнутрь. Ее нету. Я набираю, а она говорит: «Нет, я не приду! Потому что вы что-то задумали! Потому что бесплатно ничего хорошего не бывает! Я этот телевизор не украла!» — «Тьфу ты, блин! Пошли, — говорю, — Ваня, отсюда!»

Подходим к машине. И вдруг она из-за угла голову высовывает. Знать, любопытно ей. Я говорю: «Ты чего там прячешься?» Она говорит: «А вы мне ничего плохого не сделаете?» — «Все, — говорю. — Хорош капризничать. Пойдем в ломбард». И вижу — она действительно боится! Я говорю: «Я буду в машине, идите с Иваном». А он больше доверия внушает. И они пошли, вернулись с телевизором. Он еле влез на заднее сиденье. Довезли до дому, Ваня затащил его на шестой этаж, вернулся и говорит: «Хорошие люди. И квартира чистая и ухоженная. Просто вдвоем с сыном живут, он в Дягилевке учится, и концы с концами свести никак не могут».

Поставили телевизор на место, подсоединили, включили. Смеются. Только что пустой угол был, сами унесли. А вот уже принесли, и Новый год можно встречать!

О нескольких вещах думаю. И переживаю. Если бы дочка не сказала, я бы мог и не понять.

Тридцать сребреников

Когда я был депутатом ГД, у меня, на Белинского, 19, на протяжении четырех лет каждый день, с утра до ночи, работала приемная. Люди шли не переставая. Порой у нас даже стояла очередь от крыльца до второго этажа, и мы работали всегда до последнего посетителя. Двадцать человек нас было — юристы по уголовке, юристы по гражданским делам, специалисты по ЖКХ, по социалке, по медицине, по пенсионерам. Самые разные вопросы приходилось решать. И вся команда наша собралась с улицы. Кто-то отсеивался. Кто-то приходил. Но все, кто остались, работали по-честному и в полную силу.

И вот однажды сижу, работаю, полный коридор народу. И вдруг какая-то возня, недовольство на повышенных тонах, и заходит человек.

Люди сердятся: «Он без очереди! Без очереди!»

А я смотрю — это мой товарищ из прошлой жизни.

Он говорит: «Я на секунду», — и дает мне конверт с деньгами. «Тут, — говорит, — тридцатка. Мало ли что, может, кому-то из пожилых помочь надо будет. Сам смотри, распоряжайся».

Я поблагодарил его, положил деньги в правый ящик стола и сижу, работаю.

И вдруг заходит женщина. Уставшая, придавленная, и волосы гладко зачесаны и забраны на затылке. Села напротив меня и расплакалась. Я давай ее успокаивать, а она плачет всерьез и повторяет: «Нет, я не верю! Я не верю!» — и смотрит в глаза.

Я говорю: «Что случилось-то?»

А она говорит: «Я не верю, что вы взяли за это с меня тридцать тысяч рублей!»

— Какие тридцать тысяч?! За что?!

— Ну, за то, что написали ходатайство начальнику колонии, чтобы моего сына отпустили по УДО!

А я еще ничего понять не могу. Какое ходатайство? Какое УДО?! Какие деньги?!

Она говорит: «Да вот, у вас там, внизу-то, адвокаты сидят. Они взяли с меня тридцать тысяч и пообещали, что за эти деньги вы напишете ходатайство. А сына не отпустили, а деньги у меня были последние! Но я не верю, что вы могли так сделать. Ведь если бы вы деньги взяли, вы бы ходатайство точно написали!»

И я вдруг вспомнил, что пару месяцев назад ко мне пришел один адвокат, с ним бывший сотрудник, и еще один знатный общественник, и сказали, что хотят помогать и будут оказывать бесплатные консультации нуждающимся. И мы их посадили там, внизу, в уголке. И я все понял. И у меня от ужаса похолодело в животе. И до меня дошло, что эти подонки убедили бедную женщину, что я требую деньги за это ходатайство, и она поверила.

У меня и так-то, кроме имени, ни хрена нету, а тут еще эти скоты, за свои вонючие тридцать сребреников, и это пытаются отнять!

Я открыл ящик стола и говорю: «Вот ваши деньги, они мне отдали и просили перед вами извиниться. Они так больше не будут. Поверьте».

А она всхлипывает еще и говорит: «Я хотела вам в глаза посмотреть. Я должна была убедиться, что вы так не сделаете».

Я успокоил ее, погладил по плечу, проводил, вернулся в кабинет, уставился в стену и хотел заплакать. Но не смог. Зато увидел саблю и понял, что я должен сделать.

Я снял ее со стены, выдернул из ножен, вздохнул и пошел вниз их убивать.

Случай на дороге

Еду в Пермь. На дружининском посту останавливает гаишник. Что ему надо? — думаю — вроде ничего не нарушил. А он посмотрел внимательно все документы и говорит: «Не могли бы вы пройти со мной? Будете понятым». «А что случилось?» — «А вот, — говорит, — молодой человек не согласен с тем, что у него номера не читаются, и он пошел на принцип, мы вынуждены составить протокол». — «Нет, — говорю, — увольте, не могу я в такой ситуации быть понятым». Он смутился даже: «Ну что вам, трудно, что ли, пять минут?» Я говорю: «Я не могу быть понятым в такой ситуации. Если бы он наркотиками торговал или убил кого-нибудь, а так — нет». И вижу — «Ауди» черная стоит, и парень возле нее, уже весь замерз. И гаишник мне говорит: «Ну ведь не читаются номера». «Конечно, не читаются, дороги-то грязные».

Ситуация патовая, все друг друга ненавидят, а как выйти из нее — не знают. И я вдруг говорю гаишнику: «Смотри, сейчас мы все решим». Беру салфетки, выхожу и протираю свои номера. Потом подхожу к парню и говорю: «Слушай, у тебя действительно номера не видны, протри и едь спокойно». А он заведенный: «Я, — говорит, — еду из Челябинска, мне двадцать километров до дому, а они меня останавливают, говорят, номера не видны, протирай. А я им говорю: у меня даже салфетки нету. А они: номера не читаются, штраф 500 рублей. А я им тогда: замечательно читаются, это вы плохо видите».

И вижу, что его даже потряхивает от ненависти. И гаишника тоже потряхивает. И я парню говорю: «Вот тебе салфетки, протри номера и езжай спокойно, тебя дома ждут». А он говорит: «А что они сразу: 500 рублей?!» Я: «Ну-ка дай сюда салфетки, я тебе сейчас сам протру!» «Не-не, — говорит, — я сам». И пошел протирать.

Смотрю, гаишник улыбнулся. Я тоже улыбнулся и поехал дальше. И никто никого не победил. И ни у кого камня не осталось за пазухой.

Преподобный Мартиниан

Коварный Галицкий князь Дмитрий Шемяка хотел стать Великим князем. Он захватил своего двоюродного брата Василия Васильевича, когда тот был на богомолье в Троице-Сергиевом монастыре. Выколол глаза, но оставил в живых. Великодушно. Взял клятву, что тот не будет более претендовать на великокняжеский престол, и сослал в Углич, потом, правда, перевел в Вологду. А сам сел княжить в Москве. Василий Васильевич, получивший прозвище Темный (были еще Слепой и Косой), собрав оппозицию, приехал в Кириллов монастырь просить у игумена Трифона аннулировать клятву и благословить на борьбу за великокняжеский престол. Игумен Трифон после долгих сомнений разрешил его от клятвы и благословил. Потом Василий Темный приехал в Ферапонтов монастырь, где встретился с настоятелем Мартинианом. Преподобный Мартиниан успокоил великого князя, благословил, не мешкая, идти на Москву и просто с ним подружился. Великий князь выдвинулся в поход, к нему присоединился могучий Тверской князь. Видя такое развитие событий, сторонники Шемяки быстро рассосались, а сам он поспешно бежал в Новгород, где был отравлен собственным поваром. В общем, умер как засранец. И поделом.

Василий Васильевич вновь воцарился на великокняжеском престоле. Тут же призвал к себе преподобного Мартиниана и сделал его игуменом Троице-Сергиева монастыря.

Вообще, Мартиниан был подвижник и великий труженик. Однажды один ближний боярин Великого князя был им обижен и ушел к Тверскому князю. А Василий Васильевич этого боярина чрезвычайно ценил, почитал своим ближайшим советником и был крайне раздосадован произошедшим. Не зная, что делать, он призвал к себе преподобного Мартиниана и попросил его выступить посредником для возвращения боярина в Москву. Преподобный Мартиниан согласился, но потребовал от князя обещания, что тот не накажет сбежавшего боярина, а, напротив, помирится с ним. А самому боярину во время разговора, видимо, дал свое личное поручительство в этом. И вот, когда боярин вернулся, Василий Васильевич начал его ругать, вошел в обличительный раж, разошелся, начал топать ногами, повелел заковать в цепи и бросил доверчивого боярина в темницу. Преподобный Мартиниан узнал об этом, оскорбился, вскочил на

коня и скоро был уже в Москве. Подъехав ко дворцу великого князя, преподобный спешился, бросил поводья в руки подбежавшим и, перекрестившись, поднялся в покои Великого князя, которому уже доложили. И с негодованием преподобный Мартиниан сказал буквально следующее: «Так вот как справедливо ты научился судить, Самодержавный и Великий князь! Почто ты продал грешную душу мою и послал в ад? Почто ты нарушил данное тобой слово и заковал боярина, за которого я поручился душой своей? Да не будет моего благословления на тебе и на твоем княжении!» Сказав это в гневе, развернулся, вышел не попрощавшись, вскочил на коня и только его в Москве и видели.

Василий Васильевич не на шутку разгневался. Призвал к себе бояр и долго ругался на игумена (автор жития считает, что притворно). «Смотрите, бояре, каков этот болотный чернец! Что он сделал со мною? Вдруг пришел ко мне, обличил и лишил Божия благословения». Правильно, кому понравится? Потом успокоился и сказал буквально следующее: «Сам я, братья, виноват пред Богом и пред ним, так как нарушил свое слово. Пойдем же к игумену в монастырь, помолимся вместе Святой Троице и преподобному Сергию, чтобы получить прощение». Тут же опального боярина под белы руки вывели из темницы, обласкали и всяко пожаловали. Великий князь отправился в Троице-Сергиев монастырь, со смирением и раскаянием попросил у преподобного Мартиниана прощения и благословения. Конечно же, видя искреннее раскаяние князя, игумен простил его, в свою очередь сам попросил прощения за резкие слова и благословил. После чего и великий князь, и бояре, и простые люди зауважали преподобного Мартиниана еще больше, потому что увидели в нем бесстрашного поборника правды.

Слава богу, эта история закончилась хорошо!

Интересно посмотреть, как бы это выглядело в наши дни…

Сёмка

Ирининого отца в деревне звали Вадя Кислый. Никчемный мужичонка, неработь, а выпить любил. А выпив, пытался веселиться. Но как-то у него криво выходило. Вот и прозвали Кислым. А маму, Нину Семеновну, все уважали. С утра до ночи работала, бригадиром была на свинарнике. Весь дом одна тянула. А когда Ирина родилась, все вроде ничего, а ножки кривые. Ходила за ней, как могла, и в школу весь первый класс на руках таскала. Потом уж, позднее, операцию сделали Ирине, стала сама ходить, выучилась на фельдшера, ну и работала у нас в деревне. Зарплату получала, да пенсию по инвалидности. Да за электричество ей государство доплачивало. От первого мужа родила дочку. А от второго — сына, Сёмку. Тогда уже пировала, и семейная жизнь не задалась.

А на соседней улице семья поселилась. Отец, мать и две дочери. Родители-то работяги, а дочки — гулены. Обменяли свою трешку в Березовском на квартиру в нашей деревне, да им еще и денег доплатили.

А дочери эти путались с таджиками. Ирина с одним и познакомилась, который помоложе. А тот еще и друга привел, которому за пятьдесят. Так Ирина стала жить с молодым, а который старик, тот стал жить с ее дочерью. Чуть не втрое старше. А Сёмка в это время уже школу заканчивал. И все это на его глазах разворачивалось. Старик сестру-то через некоторое время в город увез. А у Ирины с молодым такая любовь, каждый день пируют. Поперву таджик-то работал. А потом бросил. А зачем ему? Баба пусть работает. Требовательный стал, машину она ему купила, кредитов набрала. Таджик-то еще по пять тысяч домой каждый месяц отсылал, семья у него там и пятеро детей. Мало того, пьяный — дурной был, Ирину поколачивал, да орал на всю деревню. Сёмка уехал в город, поступил в техникум, жил в общаге. А когда подошло время, попросился в армию. А после армии пришел домой. А куда ему еще идти? А мать дочку родила от таджика. Да неудачно как-то, ДЦП, даже не сидит. Живут плохо, все пропивали с таджиком, огород забросили, и от электричества их отцепили.

Тут и Сёмке приспичило жениться. Девчонку-то взял хорошую, из многодетной семьи. И привел домой. Некуда вести. Через некоторое время родился сын. Работал сутки через трое. И вот как-то возвращается со смены, жена ревет, избитая, мать ревет, таджик пьяный ночью их погонял. Сёмку задело, он выволок таджика, начал выговаривать, тот бросился на него, а

Сёмка схватил кухонный нож, да саданул ему. Так, недошеверёдно — у нас так говорят, в смысле, не до конца.

Судили Сёмку и дали ему два года условно. А он был парень веселый, голову высоко держал, но уважительный. В деревне его любили. А тут вовсе помрачнел. И через полгода, вернувшись со смены, снова увидел мать и жену избитыми. Мать стонет, жена ревет. Таджик всю ночь гонял. Сёмка схватил нож и ударил таджика в шею. Таджик заверещал, выломился из избы и побежал по улице. Сёмка бежал за ним и продолжал бить ножом в спину. И добил. Бросил нож и сел в траву. Народ сбежался, ментов вызвали из города. Менты приехали, даже наручники на него надевать не стали. Ох, Сёмка, Сёмка, что ж ты наделал, говорят. Если б ты за ним не побежал из избы, он бы через недолго и сам издох. Тебе хоть скощуха была б какая.

Да не только менты, все Сёмку жалели. Когда его судили в Артемовском, вся деревня за него подписи собирала. Дали ему восемь лет. Сидит он в Ивделе. У таджика шесть душ детей сиротами остались. У самого сын без отца растет. С женой непонятно что будет, иди-ка восемь лет, дождись, да и родную мать вдовой сделал.

Мать горевала недолго. Привела домой нового мужа, местного деревенского пьяницу, лет на пятнадцать моложе. И продолжили. Жена Сёмкина из дома с ребенком ушли, потому что жить так невозможно.

Ирина еще поперву передачи слала, потом перестала, не до того. Мужа ее звали Максимка. Мать его, Людмила Петровна, работала прорабом. Ну и бухали с отцом. Потом она его отравила. Потому что у нее уже другой мужик был. Сумела договориться, чтобы экспертизу не делали, и как мужа законного схоронила, сразу стала с этим мужиком жить. Пили каждый день. А потом ее старший сын на машине отчима по пьянке сбил двух человек. Женщину насмерть, а второго изломал всего, инвалидом оставил. Как-то это дело замяли. А через некоторое время повезли его в Артемовский кодироваться, потому что запивался, так он умер прямо в кабинете у нарколога. А отчим его, на чьей машине он людей сбил, умер от цирроза печени. А сама Людмила пришла в магазин купить водки, и прямо там, в магазине, умерла. Вот такая у Максимки генеалогия. Да и сам Максимка несколько раз умирал по пьянке. Откачивали.

А эти, которых в Бучино Максимкин брат сбил, один-то — Андрюха Синий, а вторая — Ольга, дочка Валентины Аркадьевны. Валентина Аркадьевна очень хорошая была. Она выучилась в городе на фельдшера, работала в детском санатории на Балтыме, а потом вернулась в Мироново и работала в больнице. Добрая,

отзывчивая, ее все любили. Но она уже тогда начала пить. Воровала спирт. От нее прятали, но она все равно находила. Ей еще пятидесяти не исполнилось, а ее уже уволили. А муж ее, Володя, хороший мужик, бухал с ней. У нее пенсия, да у него пенсия. Как получат, вокруг них все деревенские приблудаи собираются. Он сначала ослеп от денатурата, а потом и вовсе обезножел. Последнее время вовсе не вставал. Умер с голоду, высох. А дочка Ольга у них красавица была. А они уж бухали и упустили ее. Ее в последних классах понесло: загуляла, потом какая-то страшная история была, где-то в Артемовском ее на цепи держали, вся в шрамах, пытали, или так, изгалялись. И все равно, красивая. Вышла замуж за мироновского мужика. Игорь звали. Коренной, мироновский, два метра ростом. Сына родила, Сашку. Не пила. А потом сын подрос, снова понесло. Бывало, муж придет с работы, ищет везде, а она с мужиками на берегу пирует. Он ее начал сторожить, видимо, поколачивал. Однажды бегал по деревне, искал ее, а потом пришел домой и спать лег. Она вернулась ночью, положила ему на голову подушку и застрелила. Саму закрыли было, потом отпустили. Сашку забрала мать Игоря. Да померла. А потом тетка воспитывала. Потом он появился в деревне у Валентины Аркадьевны, пировал да наркоманил. А сейчас исчез. И ни отца у него, ни матери. Да бабушка бомжиха.

С мамой как-то разговаривал, она говорит, после войны пить начали, в пятидесятых. Вон, говорит, Любин класс весь спился. Я говорю: почему? Всех добрых мужиков-то позабирали. С войны никто не вернулся. Разом старших не стало.

А я думаю, раньше началось. Село наше стоит на Реже с 1639 года. Населяли его выходцы с Русского Севера. Село было богатое и красивое. Жили и ремеслами, и отхожими промыслами. Но в основном хлебопашеством. Половина домов — каменные. Я долго не мог понять, почему много пустых каменных домов. Что-то под фельдшерский пункт, что-то под магазины отдали, что-то под сельсовет, читальня еще была. А это были хорошие хозяйские дома, большие семьи в них жили. Многих раскулачили, отнимали все. А многие успели бежать в последнюю ночь. И зерно, и скот, и все бросали. Так было больше шансов выжить. А в 37-м добивали. Рассказывал же, ураганом сорвало крышу с коровника, бригаду плотников посадили. Во время ареста у каждого выгребли все до последнего зернышка, всю скотину свели. Ни один не вернулся. Двадцать два ребенка сиротами остались… Сейчас уже, конечно, реабилитировали всех. Деревня наша называлась в то время «Колхоз имени ОГПУ».

Забыл рассказать, вот этот Иринин отец, Вадя Кислый, его мать без мужа прижила. Звали ее Евгения Степановна Забелина.

Молодость у нее была бурная. Она в кожаных штанах и курточке моталась по району, занималась раскулачиванием. И в Мироново, и в Бучино, и в Луговой, и в Покровском, и в Трифоново, и в Шогрише. И в Мостовском лютовала. Так вот, она в этих кожаных штанах ходила до конца жизни. Курила «Беломор», каждый день с утра уходила на реку и удила рыбу. И до конца жизни с ней ни один человек в деревне не разговаривал.

Домик в Кунаре

Заканчиваем книгу «Домик в Кунаре».

Разговаривал с Лидией Харитоновной, она 1929 года рождения, многое помнит.

Семью раскулачили в начале 30-х. Обычная крестьянская семья. Из-за механической веялки все произошло. Свои же, деревенские, раскулачивали. Забрали все, даже цветы с подоконников забрали. По домам растащили. Отца увели. А они, трое детей, сидели на полу, на материном тулупчике, и вот этот материн тулупчик — единственная вещь, оставшаяся им (Лидия Харитоновна до сих пор им подпол накрывает!). Из дома выгнали на улицу — идите куда хотите. Скитались по чужим людям, мать обезножила, помирали с голоду, и Лидия Харитоновна с сестрой, две маленькие девочки, ходили по деревне с корзинкой. Никогда не просили, а просто ждали, когда в корзинку положат кусочек хлебца или еще что. Иногда, на праздники, кто-нибудь куражился: показывали хлеб, но не клали в корзинку, пока девочки не споют и не спляшут. Пели и плясали. И ходили каждый день мимо своего дома, в котором жили чужие люди. Видел я этот дом. Обычный крестьянский дом. Ничего особенного.

Отец вернулся после войны. Изможденный. Съел большой чугунок вареной картошки, просил еще. Ничего не рассказывал. Вскорости умер.

Лидия Харитоновна вышла замуж за молодого кузнеца Сергея Ивановича. Жили дружно. Их все любили и в гости приглашали. Он знатный баянист, а она песельница да плясунья.

Вспоминая, как жили с мужем, чуть поджимает губы, слегка покачивая головой, улыбается про себя: «Все сами. Все свое. Ни по что в люди не ходили!» Каждый раз проговаривает. Для нее это очень важно.

Дятел

Летел дятел по Белинского. Зацепился о какой-то провод. Упал. Лежит такой, лапками кверху. Татьяна Николаевна подобрала, побежала в зоопарк показывать. В зоопарке говорят: «Хороший дятел! Мальчик. Надо в лес выпускать». Татьяна Николаевна принесла его в музей и в ящичек от посылки положила. Я приехал, забрал его и повез в лес отпускать. Пока ехал до Краснолесья, он там все стенки издуршлачил. Клюв у него острый. Как игла! Зашел в лес, открыл коробочку. Он сел на край и сидит. Я ему говорю: «Чего сидишь-то?! Рвался так, так давай — лети!» А он: «Да подожди ты. Дай в себя приду. Ящик-то маленький. Сам бы попробовал. Вы б меня еще в письмо упаковали!» Я говорю: «Ну, ты извини, если что не так».

И он полетел.

А я обрадовался и пошел.

Очень доволен.

Отец и сын

Вчера, после встречи на Бардина, подошли несколько парней молодых, и один очень осторожно, негромко спрашивает:

— Вы папу моего, наверное, знаете? Его Игорь зовут…

Я говорю:

— Конечно, знаю.

И вдруг вижу, как он напрягся, и страх у него в глазах…

— Твой отец — достойный человек, я уже десять лет с ним работаю. Его все уважают. Он очень толковый и порядочный. И много добра людям сделал.

И сказал это громко, чтобы слышали его друзья.

И у парня аж щеки запылали. Клянусь, я увидел, как он в один момент стал счастливым!

А потом я сразу позвонил его отцу и говорю:

— Твой сын ко мне подошел. Я с ним говорил о тебе при его друзьях. И я видел, что ему за тебя гордо.

И я понял, что еще один человек в этот момент стал счастливым.

Как все просто.

Кто скучает по сильной руке?

Посмотрел книжку С. А. Кропачева «От лжи к покаянию. Отечественная историография о масштабах репрессий и потерях СССР в 1937–1945 годах».

Хороший обзор, касающийся еще и демографии. Тема очень тяжелая.

На сегодня достаточно точно документально установлено, что в течение 1937–1938 гг. по политическим мотивам было осуждено 1 344 923. Из них каждый второй был расстрелян. То есть государство на протяжении двух лет ежедневно убивало тысячу граждан. Свое государство и своих граждан.

При этом надо понимать, что в лагерях тоже выжили не все. Полагаю, что абсолютное большинство уничтоженных — русские мужчины в репродуктивном возрасте.

Представляете, сколько детей остались сиротами?

У нас в деревне в октябре 37-го года арестовали бригаду плотников, пять мужиков. Причина? Да не было никакой причины. Повод был. Летом во время урагана сорвало крышу с коровника, который они строили, — вот их и арестовали. Разом сиротами остались двадцать детей. Но это еще не все. После ареста к каждому пришли на двор, увели всю скотину и вывезли все зерно. Одного, Никифорова, расстреляли. Остальным дали по десятке. Не вернулся ни один.

У Никифорова оставалось пятеро детей, от 5 до 13 лет. Самый маленький, Аркаша, зимой ходил по дворам, стоял молча у дверей. Ему давали немножко хлеба или яичко. Он приносил домой, делил на всех. Еле выжили. Откуда знаю? Это мой родственник.

Читал «Воспоминания крестьян с Русского Севера». Цитирую:

> «Перед войной Каменев Александр Иванович, бригадир рыбаков из Каменихи, купил для колхоза грузовую автомашину, мотор „Стоп-Нога“, трактор, киноустановку, молотилку „Генрих Манкей Ланц“. Ночью приехали, да и увезли его на машине. Бесследно пропал. Одиннадцать человек детей осталось».

Что, кто еще там скучает по сильной руке?..

Но я хотел отметить другое.

В июле 1937 года вышло Постановление Политбюро «Об

антисоветских элементах». НКВД, реализуя Постановление, направило на места директиву № 266 «О проведении учета кулаков и уголовных элементов и разделении их на категории». Начальники управлений, соревнуясь друг с другом, в считаные дни объявили о выявлении тысяч кулаков, подлежащих расстрелу. Например, Д. М. Дмитриев, начальник УНКВД по Свердловской области, доложил о 4700 кулаках. А Г. С. Люшков по Ростовской области — о 5721. Все они были отнесены к первой категории и должны были быть расстреляны.

Всех обогнал начальник Управления НКВД по Омской области. От него требовалось выявить и сообщить. Так он, на всякий случай, в течение нескольких дней арестовал больше трех тысяч человек по расстрельной категории!

Но это не все. Чуть позднее в управление была спущена разнарядка: сколько человек подлежало репрессиям в каждой области. И никто не имел права самостоятельно это количество превышать. Но если обстановка потребует, то начальник краевого и областного управления НКВД обязан был предоставить наркому «мотивированное ходатайство». Этим правом воспользовались многие. Начальник УНКВД по Омской области Г. Ф. Горбач уже 15 августа попросил у Ежова увеличить ориентировочную категорию с 1000 до 8000 человек. То есть просто, не проявляя служебного рвения, он мог оставить жить 7000 своих соотечественников и земляков! Но он проявил рвение. Ежов отписал Сталину, и тот своей рукой наложил резолюцию: «За увеличение лимита до восьми тысяч. И. Сталин».

В Красноярском крае добились увеличения от 750 до 6600 человек. По Оренбургской области — с 1500 до 3500 по расстрельной категории. И т. д.

Стахановцы.

Вообще в 1937 году предполагалось репрессировать 380 000 человек. А фактически получилось в два раза больше. На тех поставили.

Но, несмотря ни на что, были и другие.

Возвращались из Пермского края из экспедиции через Суксун. Близ Суксуна село Дикое Озеро. И вот в середине 37-го года председателю колхоза пришла разнарядка из района. Составить список: столько-то вредителей, столько-то контрреволюционеров, столько-то недобитых кулаков и подкулачников. А он взял да и уперся. Нет у меня таких! На него давай давить: запиши хоть кого-нибудь для количества. Он говорит: а надо вам для количества — меня забирайте! И они отступились.

И в Диких Озерах не забрали никого. А в Советино забирали. И в Верхнем Суксуне забирали. И в Ключах забирали. И везде

забирали. А этих не тронули.

Это чудо, но такое бывает!

Рассказали суксунские музейщики, специально занималась Наташа Токарева. Узнаю фамилию председателя — обязательно расскажу.

Выборы

В Екатеринбурге в 1826 году в городские головы избрали Петра Яковлевича Харитонова, человека по складу мягкого и незлобивого (кто знает — владельца Кыштымских заводов и знаменитого Харитоновского особняка, он же — Дворец пионеров). А Екатеринбург в те годы был горным городом и подчинялся Горной администрации. И у горного начальника Осипова возник конфликт с городской думой. И он в течение года три раза (!) не утверждал избранного главу. Такого в Екатеринбурге еще не бывало! И причины-то неутверждения нехитрые. Как то: «неучинение выбора за малолюдством присутствия» или «за малостию собрания» и т. д. Кроме того, несколько раз выборы срывались, потому что становилось понятно очередное неутверждение.

Но екатеринбуржцы были не так просты и выдвинули Харитонова в четвертый (!) раз. И уже в силу очевидности идиотизма происходящего Осипов был вынужден Харитонова утвердить. Хохотал весь город.

Через год Осипова отставили от должности. Но не из-за этой истории, а в силу неумного руководства в горном деле.

Вильгельм де Геннин

Один из отцов-основателей Екатеринбурга, Вильгельм де Геннин, родился 21 октября 1676 года.

Сегодня у него день рождения.

Здесь у нас его звали Вилим Иванович. Он отличался от всех местных чиновников. Был человеком сильным и честным.

В его бытность в Екатеринбурге местной администрации подчинялись все заводы от Казани до Нерчинска. То есть, по сути, Екатеринбург стал промышленной столицей империи.

Вилим Иванович был человек серьезный и основательный. Всегда в первую очередь искренне соблюдал казенные интересы. После него долгие годы на горнозаводском Урале, когда видели что-то крепкое и основательное, с уважением говорили: «Казна строила».

У него было своеобразное чувство юмора. При этом он умел давать достаточно точные оценки.

Например: «Дай бог, дабы здешний воевода радел… Но он спесив, глуп и ленив», «высок, казист, брюхо толсто, пить умеет».

Известна забота де Геннина о лесе. И роль его в сохранении уральских лесов огромна.

Он никогда не боялся брать на себя ответственность и умел принимать нестандартные решения.

Все знали его тягу к чистоте и порядку:

> «Хотя екатеринбургским всем обывателям объявлено, чтоб отнюдь кто скота у себя имеет, по улицам не распускали, а содержали во дворах. А паче свиней, понеже от оных обывателям бывают великие обиды и пакости, понеже иной трудится чрез целое лето в огороде, а они в один день, огород изломав, все овощи приедят и ископают. И курец много. Однако ж оные объявления все уничтожены и свиней никогда взаперти не держат.
>
> Того ради объявить тебе всем здешним солдатам, ежели с сего числа солдаты по улицам чьих шатающихся свиней увидят — будут оных стрелять и брать себе на пропитание без всякой опасности. О чем и здешним обывателям объявить с барабанным боем».

Вообще, для де Геннина труд и казенный интерес были

превыше всего.

Находясь на Урале, Вилим Иванович закончил фундаментальный труд «Описание уральских и сибирских заводов». Рукопись этой книги двести лет была настольной у всех горных инженеров (издали ее только в 1935 году).

Но самое главное — все всегда знали, что Вилим Иванович не берет взяток. Его могли обвинить в превышении власти, в самоуправстве, но ни у кого никогда не повернулся язык даже огульно обвинить его в мздоимстве.

Умер он в 1750 году, в возрасте 74 лет. И до сих пор все помнят, что это был человек, который никогда не брал взяток и действовал в интересах России. При этом он не был русским. Он просто был честным человеком.

Екатеринбург, конечно, город-мужчина. Не то что, например, Москва. Но имя у Екатеринбурга — женское.

Когда отец-основатель Вильгельм де Геннин в 1723 году послал гонца в Питер испросить Высочайшего позволения назвать город в честь святой Екатерины, он играл наверняка. И Петру I, и его жене Екатерине было приятно. И они разрешили. Екатерина, кстати, на тот момент не была императрицей. Она была просто женой, и не больше. Но и не меньше.

Вот так и повелось — город наш был назван в честь святой Екатерины, что откровенно льстило императрице Екатерине I. Но мало кто знает, что маму Вильгельма де Геннина тоже звали Екатериной. Он относился к ней с большим почтением и нежно любил.

Суровая правда жизни

Один деревенский парень устроился на работу в ГАИ. Не знаю, то ли форма ему нравилась, то ли просто работать не желал. Ну, в общем, устроился и был горд и рад, а еще ему дали палочку. И он ходил взад и вперед и палочкой этой по ладошке постукивал. Строго смотрел на проезжающие машины и делал умное лицо.

А в это время начальник ГАИ, ныне многострадальный, строил в Сысерти коттедж, приличествующий его чину и положению. Нормальный такой коттедж.

И вот этот начальник напихал полную «газель» безропотных таджиков, сел рядом с водителем и собственноручно повез их отрабатывать трудовую повинность в виде возведения вышеозначенного коттеджа. И довелось ему проезжать мимо поста ГАИ, где уже дрочил полосатую палочку неизвестный гаишник… И они встретились.

Царским жестом описания широкого полукруга, указующего к обочине, с одновременной подачей звукового сигнала посредством всунутого в рот свистка на цепочке, чтоб не потерять, подозрительная «газель» была остановлена на всем скаку. Ох, видели бы деревенские!

Неторопливым уверенным шагом, поправляя фуражку за козырек и не вынимая свистка — что тут у нас? О как, полная «газель» таджиков! Свисток сам выпал, хорошо, что на цепочке. Первый день — и такая удача! Начал ласково: «Куда спешим, черножопые? На работу? Ну-ну. Это вы одни тут, чурки, работаете, а я, значит, тут хвостом груши околачиваю, по-вашему? Ну-ка, что тут у нас с паспортным режимом? А регистрация? Что-то какие-то вы подозрительные. Ну-ка, пройдемте-ка на пост! Что, торопитесь? Начальник у вас злой? Срался мне ваш начальник. У меня свой начальник. Еще позлее вашего будет!» Он еще не знал, бедолага, что начальник у них общий.

И вот этот начальник, видя, что вышла досадная задержка на пути строительства светлого будущего в виде трехэтажного коттеджа, вышел из машины, темноволосый, одет прилично, усики у него такие аккуратненькие, улыбается ядовито и фиксой зайчики пускает. Уверенно так: «В чем дело, сержант?» А ему в ответ: «Ты, что ли, над узкоглазыми начальник?» Тот аж взревел: «Я сейчас покажу тебе, у кого я начальник!» Но гаишник тоже не промах, он на посту, при исполнении, а тут какой-то зверек усатый разорался! И парень спокойно, с достоинством ему

ответил: «В таборе цыганском у себя показывать будешь, ишь тут, зубами рассверкался! Дали вам волю!»

Вы спросите, что в ответ сказал начальник? Да то же самое, что сказал тот дедушка, у которого отняли кислородную подушку. Он сказал: «Ап!.. Ап!.. Ап!..»

Мораль? Да какая уж тут мораль… Так, суровая правда жизни. Можно, конечно, некоторые выводы сделать. Гаишник тот наверняка сделал. А про начальника не знаю. Усы во всяком случае не сбрил.

«Не прогоняй его!»

В страшном Каунасском гетто уничтожили много евреев. Убивали всех. В один день, 28 октября 41-го года, расстреляли порядка десяти тысяч человек. А однажды, за один день, фашисты с полицаями убили всех детей. Их выманивали из домов музыкой. Тех, которых матери не отпускали, убивали на месте, прямо на глазах у матерей.

Потом наступило затишье.

А в 43-м году все гетто перешли в ведение СС. И снова начались казни.

И один молодой 30-летний еврей, голый, стоя на краю рва, упал вниз с первыми звуками очереди. Его завалило телами. Он в ужасе стал выбираться. Пытаясь вылезти, зацепился руками за бруствер. Полицай, засмеявшись, проткнул ему руки штыком. И он свалился обратно.

До ночи он лежал во рву.

И ров под ним дышал, стонал и шевелился. Ночью он выполз, встал на ноги и побрел в сторону далеких огней. Набрел на хутор. Как-то перелез через забор и увидел у крыльца на веревке какую-то простыню. Он накинул ее на себя, поднялся и осторожно, пробитыми руками, стал скрестись в дверь. Дверь отворила молодая женщина. Он перешагнул через порог, навалился спиной на косяк и прошептал: «Спасите меня…» Она поджала губы и говорит: «Уходи отсюда! Если тебя здесь найдут — убьют и меня, и моих детей! Уходи туда, откуда пришел!» Он посмотрел на нее и говорит: «Не прогоняй меня!» И вот он стоит перед ней, изможденный, с пробитыми руками, в белом, и спутанные волосы все в крови прилипли ко лбу.

Он молчит.

И она молчит.

И она покачала головой: «Уходи!»

И вдруг из-за занавески выбежала маленькая светлая девочка, подбежала к ней, обняла ее за ногу, подняла голову и сказала: «Мама, не прогоняй его! Это же наш Бог Иисус Христос!»…

Они прятали его и ухаживали за ним.

Потом он ушел к партизанам. Воевал. Участвовал в самых дерзких операциях. Всех удивляло, что у него напрочь отсутствовало чувство страха. Погиб он уже в самом конце войны.

Я разговаривал с этой девочкой в 1988 году, в Каунасе. Ей было пятьдесят. Она была моложе, чем я сейчас. И я слушал ее, и меня знобило. И я ей говорю: «Ну да, конечно, изможденный

человек, лоб в крови, руки пробиты, запахнутый в белое… Вы же тогда маленькая были, просто такое впечатление…» А она подняла на меня глаза, посмотрела спокойно и внимательно, покачала головой и говорит: «Вы не поняли. Это действительно был Иисус Христос».

Герцогиня

У художника Калашникова в Волынах жила черепаха по имени Герцогиня. Хорошая была черепаха. Породистая. Но уж больно ветреная и непостоянная. Чисто герцогиня. А уж такая резвая, что только зазеваются хозяева, она сразу бежать. Однажды приезжий мальчик Максим поймал ее в реке. Он схватил ее, побежал в деревню и кричал: «Смотрите, смотрите, в Волынах черепахи водятся!» Так перевозбудился, что у него ее еле отняли.

И тогда художник Калашников стал к панцирю на изоленту приматывать веревочку. А веревочку привязывал к колышку, а колышек вбивал в землю. Герцогиня стремглав бросалась в траву, но веревочка ее удерживала. И потом по веревочке ее всегда притаскивали обратно. Черепаха огорчалась, и художнику Калашникову, человеку доброму и честному, становилось неловко. Потому что нехорошо, когда один человек лишает другого свободы.

Он долго думал и придумал. Он надул чудесный голубой шарик, привязал к нему длинную ниточку и лейкопластырем прикрепил к панцирю. И Герцогиня стала гулять где ей вздумается. А когда приходило время ложиться спать, художник шел по деревне, смотрел, где шарик, брал Герцогиню на руки и нес домой. Потом художник умер. Герцогиня до сих пор еще жива.

Звонок

Сижу на совещании. Несколько человек, все серьезные. А я у телефона звук отключаю всегда, но из поля зрения не выпускаю, мало ли чего. И вдруг вижу, экран замигал.

Я сразу понял, кто звонит, страшным шепотом закричал: «Тихо!» — приложил палец к губам, вскочил и, пытаясь справиться с волнением: «Да, Владимир Владимирович! Я вас слушаю, Владимир Владимирович» — и краем глаза вижу, как все поднимаются и застегивают пиджаки! Слушал очень внимательно, а потом сказал с чувством: «Владимир Владимирович, я очень рад вашему звонку и, конечно же, я обязательно приду!»

Хотел поцеловать трубку, но не стал и со счастливым лицом, прижав трубку к груди, рухнул в кресло.

А они все смотрят на меня, как на космонавта, только что вернувшегося из космоса: «Ну, что, что Он сказал?!»

А я только мотаю головой и повторяю: «Охренеть…» А они все смотрят на меня и ждут.

Я отдышался и гордо говорю: «На концерт пригласил!» — «И что, прямо так и пригласил? И прямо рядом с ним будешь сидеть?» Тут я уже из последних сил посмотрел на них спокойно, и говорю: «Как рядом с ним, он же на сцене будет, он же выступает». — ″??????″. И я уже из последних сил, чтобы не засмеяться: «Это, — говорю, — Володя Шахрин звонил, на концерт пригласил: в „Космосе“ играют „Зимнюю акустику“…» И не выдержал, расхохотался. И они на меня так косо взглянули, разве что пальцами у виска не покрутили. И расселись по своим местам. И мы продолжили, но мне все равно было смешно.

Я рассказал эту историю одному пожилому интеллигентному человеку. Он искренне пожал плечами и произнес: «Понимаете ли, Женя, я, когда слышу словосочетание „Владимир Владимирович“, точно знаю, что речь идет именно о Маяковском».

Председатель

У нас в деревне председателю сельсовета сделали предписание: в качестве противопожарной меры вырубить 30-метровую полосу леса. Он вздохнул и вырубил. Тогда ему пришло следующее предписание: засадить вырубленную полосу лиственным лесом, дескать, лиственный лес мешает распространению огня. Председатель схватился за голову и говорит: «Дак тот, что мы вырубили, и был лиственным!» — «Да? — сказали на том конце. — Ну, ладно тогда».

А потом велели ему в деревне Липино сделать спуски к воде и поставить указатели: «Река — там». А еще велели купить помпу. А помпа — 57 тысяч рублей!!! Денег таких в сельсовете и не видали. Он решил тянуть время. Пока тянул, его через суд оштрафовали на 6 тысяч (!). А денег у него ни сколь много: зарплата — десять! Однако заплатил он эти шесть тысяч из своего кармана. Но просрочил трое суток. И мировой судья подболтал ему еще двенадцать.

Бедный председатель приехал в пятницу в Артемовский мировой суд, пал в ноги: «Нету у меня таких денег!» А судья добрый попался: «Раз денег нет, могу на трое суток определить». Председатель обрадовался. Поклонился судье: «Благодетель! Век за тебя буду Бога молить, только никак не получается у меня трое суток — в понедельник на работу надо!» А судья говорит: «Я ж не изверг какой — отсиди двое, и хватит с тебя». И вот председатель послушно пошел на кичу, завалился на нары, оттарабанил двушку, откинулся и в понедельник с чистой совестью явился на работу. А там его ждет телефонограмма из района: «Бла-бла-бла, концепция поменялась — покупку помпы для деревни Липино считаем нецелесообразной».

И вот на следующий год ему выделили на дороги 250 000 рублей. А у него пять деревень, и на эти деньги в течение года надо ремонтировать дороги, отсыпать, грейдерить, поддерживать, окашивать обочины, убирать мусор, а зимой еще и разгребать. Короче, на солярку не хватит. И все начальство смотрит, как выживет. А он, как любой русский человек, не унывает. Почесал репу, прикинул к носу, понял, что не пролазит и помощи ждать не от кого, пошел по мужикам: у кого трактор попросил, у кого — машину с прицепом, к дорожникам сгонял, кроликов отвез, у матери несколько куриц взял, яичек, туда-сюда… Ну и выпивать, конечно, пришлось со всеми — не без этого. В общем, год простоял. И ремонтировал, и разгребался, и мусор убирал. Мало

того, умудрился как-то еще расчистить дорогу до Мантурова камня.

В прокуратуру дернули. Прокурор только очками сверкнул: «Где денег взял дорогу чистить? У тебя не должно быть денег! Продал, наверное, что-нибудь государственное! Будем, — говорит, — проверять тебя нещадно!» Он говорит: «Ага, — говорит, — продал. Дырокол в конторе и огнетушитель старый и чернильницу. Проверяйте. Только в очередь запишитесь. Вас тут, проверяющих, столько, что х…м не провернешь!»

И ведь подловили они его. Он как-то конкурс провел и договор должен был заключать через неделю. А времени нет — работать надо. Ну и подписал его на три дня раньше. Вот тут его и подловили! И вкатили ему штрафу 20 000 и еще 50 000. Он взмолился: «Не губите! Зарплата никакая, ребенок только родился, нет денег заплатить». А они говорят: «Да ладно тебе, мы ж не изверги какие-то. Отдашь потихонечку, частями». — «Ох, спасибо, кормильцы!»

Иду по деревне — теток знакомых встретил: «Как председатель-то ваш?» — «Дак ниче, работат, не унывat!»

Важное дело

Осенью 2007 года к нам пришел совершенно подавленный парень с ЖБИ. Когда-то его мать заняла 300 тыс. руб. у одного человека, который, пользуясь случаем, попытался отжать у нее квартиру. Угрозами и шантажом он добился от женщины дарственной. Потом выкинул ее вместе с сыном из квартиры и стал там жить. Женщина пошла по всем инстанциям, и через некоторое время ее нашли убитой. Сын похоронил мать и тоже попытался вернуть квартиру. Ему разбили голову топором в подъезде, еле выжил. И он, встав на ноги, пришел к нам. А мне оставалось быть депутатом до декабря. У меня была помощница Ольга Казимировна, очень спокойная и структурированная женщина. Я посадил их с Димой, натуральным бомжом, и сказал ей: «Ольга Казимировна, для меня это дело принципиальное, давайте попытаемся восстановить справедливость». Мы все просчитали, сделали несколько серьезных депутатских запросов, подняли всех, и дело стронулось, я сделал все, что мог, но срок моих депутатских полномочий закончился, на меня навалилась другая жизнь, и я потерял этого парня из виду.

И вот две недели назад веду прием, заходит повзрослевшая Ольга Казимировна, я обрадовался и говорю: «Ольга Казимировна, привет!» Она говорит: «Я по делу. Мы же с Димой суд выиграли. Отвоевали квартиру. И сейчас у нас задача туда его вселить. Есть решение суда». Я говорю: «Ну, давайте попробуем помочь. А когда решение суда вступило в силу?» А она отвечает: «Еще в 2010-м…»

«И что, вот так четыре года судебные приставы не могут вселить человека в его квартиру?!» — «Ну, видишь, не получается». А надо сказать, что Дима этот — человек безобидный, да еще и жизнью придавленный. Таких, как он, каждый обидеть норовит. Ну, в общем, мы ввязались. Степа стал заниматься и просто звонками договорился с судебными приставами, и парня вселили в его квартиру, которую отняли двенадцать лет назад. Все получилось.

А я потом спросил: «Ольга Казимировна, как так получилось, что вы семь лет это дело вели?» — а она удивленно посмотрела на меня и говорит: «Женя, так ты же сам мне сказал, что это дело очень важное и его надо довести до конца».

И у меня аж комок к горлу подкатил, как будто только что прочитал «Честное слово» Пантелеева и понял, что это я забыл маленького мальчика на посту.

Улица Мельковская

В Екатеринбурге в 30-х годах старинную улицу Мельковскую решили переименовать. А что? Все переименовывают, и мы тоже хотим. Название Секретарь придумал лично — улица Андре Марти. О, как красиво получилось! Через некоторое время жители приспособились к непривычному словосочетанию и стали называть улицу «Едреной матери». И ведь прижилось, разве что на конвертах не писали.

И вот дошла эта история до горкома. Приехал в район представитель, собрал всех партийцев и секретаря. «Вы, — говорит, — думаете, как называете!? Вы мне тут что за разврат устроили?! Первый сказал срочно переименовать! А то напридумывали, понимаешь, „Едреной матери“!!! Запомните, название должно быть звучное и красивое! Есть мнение присвоить вашей улице имя… Долорес Ибаррури!.. Кто за?» Не, ну а че, кто против-то? Проголосовали.

«Вот и молодцы! Вопросы есть?» Секретарь руку тянет, горкомовский удивленно брови вскинул: «Ну?» — «Как правильно будет — Ибаррури или Ебаррури?»…

Этот бесхитростный вопрос и спас старинную улицу Мельковскую. Неприличной улицей Долорес Ибаррури осчастливили Верх-Исетский район. А Мельковскую, чтоб не умничать, назвали улицей Жданова. Но проблемы на этом не кончились. Потому что парни со Жданова после войны ходили драться на улицу Ленина. И по всем сводкам и слухам постоянно проходило, что ждановцы навтыкали ленинцам, что само по себе ужасно и идеологически неверно. Или ленинцы вдули ждановцам, что идеологически полегче, но тоже нехорошо.

Но это уже совсем другая история.

Дедушка Зотей

Дедушка Зотей воевал на Японской и на Первой мировой. Воевал храбро. Он был награжден четырьмя (!) Георгиевскими крестами. В 30-х его раскулачили и сослали за Урал. Все добро отняли коммунисты. Он спрятал только кресты и сумел их сохранить. Со всеми дочерьми поселился в деревне Костоусово Курганской области.

Как-то пережили войну. Поднялись понемногу. Он завел пасеку. Медом делился с деревенскими. Изладил на дворе под навесом маленькую часовенку. Молился там. В тех краях староверов зовут двоеданами. Потому что они за право исповедовать древлеправославную веру платили двойной подушный оклад.

Умер дедушка Зотей в сто три года. До последнего был на ногах. Почуял смертный час, помылся, надел все чистое, ненадеванное, зашел в часовню, помолился, простился со всеми, прочитал отходную, лег и умер. После смерти приехали отшельники с Дубчесских скитов, помолились за него, иконы и книги забрали. А кресты поделили дочери. На зубы разобрали. Они ж серебряные.

Память

Поехали с Салаватом к художнику Мицнику.

Отбирали картинки, разговаривали. Александр Петрович вспоминал старших и приговаривал: «Какой хороший человек был! Жалко, умер…»

А Салават говорит: «Почему все хорошие всегда умирают?»

А я вдруг понял! Умирают все одинаково, просто хороших помнят дольше и вспоминают чаще.

Имя отца

Был отец, была мать и пятеро детей. Отец работал председателем колхоза, и его все уважали. Когда началась война, отец ушел на фронт и погиб в 41-м. А мать умерла. Эчику, младшему, было пять, а старшей сестре тринадцать. Так впятером и тянули всю войну. Как-то продержались. А уже после войны, когда из деревни выжали все соки, стало совсем тяжело. У них на пятерых была корова. Они сбивали масло, а масло у них забирало государство как налог. Старший брат пас колхозное стадо. С ним обещали расплатиться зерном. Там пшеницы не было, только рожь. И он пас стадо с весны до самых заморозков. Пришел в правление, а зерна не дали. Нету, говорят. И вот он вернулся домой и плачет. И сидят они все впятером, брат плачет, все молчат, и как зиму жить — непонятно…

И тогда Эчик от отчаянья и гнева написал письмо в правление колхоза. От отца. «Здравствуйте, дорогие земляки! Пишет вам бывший председатель нашего колхоза, а ныне офицер Советской армии Барцев Александр Петрович. До сих пор не мог известить о себе, выполняя важное задание товарища Сталина. Все расскажу, вернувшись. А пока незамедлительно доложите мне, как поживает моя семья, живы ли они, здоровы и не нуждаются ли в чем?..» А обратный адрес указал — Стерлитамак. Просто он нашел в коробочке старое отцовское письмо, написанное в Стерлитамак, старательно скопировал почерк и, обведя печать, старательно перевел ее на конверт. А девчонка-родственница в третьем классе училась, почтальоном работала. Они ее зазвали в дом и подсунули письмо в сумку. Она и отнесла письмо в сельсовет.

И в тот же вечер пришел к сиротам председатель колхоза Соколов, а за ним пришел директор школы. Посмотреть, как живут. А потом пришли все соседи. Говорят: отец-то ваш — живой! И вся деревня узнала, что отец у них нашелся и что он живой! А на следующий день во двор заехала подвода, груженная зерном. И возчик сам перетаскал все мешки.

Погибший отец не мог спасти своих детей. Спасло его имя.

Ястреб

За Висимом видел большого ястреба. На него напали три ворона.

Яростно каркали, махали крыльями, пытались долбануть.

Он, расправив крылья, спокойно уходил от них кругами, не делая при этом ни одного движения. Временами было даже непонятно, кто за кем гонится. Я ждал, что он как-нибудь перевернется в воздухе и будет атаковать. Но он только уходил по спирали вверх, не делая никаких попыток отбиться, и при этом ни разу не подставился под удар.

Вороны яростно кричали, атаковали и махали крыльями. А он молча уходил по спирали вверх, пока не превратился в точку.

Вороны отступили, потому что на такой высоте они уже не летают.

Выражения глаз его я не разглядел, но мне кажется, оно было слегка уставшее и немного брезгливое.

У нас в деревне

Прозвища порой значат больше имени. У нас в деревне жил Жабрей, это значит репейник. Полностью соответствует. А сынок у него — Пашка Колючка. А еще у нас жила женщина, ее звали Мотя — Крашеные Губки. А в Усть-Цильме живет Витя Невкусный, его медведь начал было драть, передумал и ушел в лес. А еще у нас был парень, ему в драке ухо отгрызли, естественно, прозвали Пьером Безуховым, тут много ума не надо.

Но это еще ничего. У нас одного мужика из Забегалово звали Костя Гитлер. За глаза, конечно. Хотя мужики, пируя, и в глаза называли. У нас механизаторы не сколь деликатные. Он уж и отзывался на прозвище. А куда денешься? Просто он пьяным плохой был. И как напьется, семью из избы выгонял на мороз и гонял босиком по снегу. Вот и получил. Он уж старик был и пить-то бросил, а все Гитлер! Но это полбеды. Сына его прозвали Геббельсом. Спрашиваю у своих: Ну почему?!.. — Дак, отвечают, если отец-от Гитлер, дак сын-от непременно — Геббельс! Охренеть, говорю. Но тут председатель меня успокоил: А я, говорит, никогда его Геббельсом не называл, а всегда по отцу, только Гитлером… А еще у нас в Артемовске, в районной больнице, хирург как-то с ассистентом надубасились, да так оттопырились, что теперь одного зовут Стакан, а второго Подстаканник.

А вчера в деревне спрашиваю у местного:
— А в этом доме кто жил?
— А, — отвечает, — Генка Говно тут жил…
— Что, — спрашиваю, — так и звали?!..
— Ну!
— Почему?
— Дак человек такой был…

Ох ты, блин, думаю, аккуратнее надо жить.

Идиоты

Римский император Калигула был редким болваном, что умудрялся демонстрировать на протяжении всего своего недолгого правления.

На озере Неми, близ Рима, он повелел заложить две галеры. Там были мраморные залы, фрески, колонны, мозаичные полы, златотканые драпировки, скульптуры, конюшни и даже термы. Там же на кораблях были плодовые сады и даже виноградники. И даже театры.

Светоний рассказывает, что корабли эти были: «с жемчужной кормой, с разноцветными парусами, с огромными купальнями, портиками, пиршественными покоями и т. д.».

И вот он на этих кораблях, под музыку и пение, плавал вдоль берега как дурак.

Постройка таких кораблей сам по себе поступок достаточно идиотский. Но Калигула пошел еще дальше. Когда ему наскучило плавать туда-сюда, он повелел корабли затопить. Правильно, скучно же вдоль берега туда-сюда. Чистый дятел.

Вообще, Калигула за первый год своего правления умудрился промотать два миллиарда семьсот миллионов сестерциев!!!

А власть его была абсолютной, но недолгой. Еще бы!

Корабли эти обнаружили только в 1446 году. На следующий год их попытались поднять. Не получилось. Снова их пытались поднять в 1535-м. Потом в 1827-м. И, наконец, в 1930 году снизили уровень воды в озере и вытащили эти потрясающие воображение галеры на сушу. И в этом же году для них построили специальный музей на берегу. Однако весной 1944 года этот музей был полностью сожжен отступавшими немцами. Сжечь его приказал немецкий офицер, кстати, искусствовед по образованию.

Короче, если бы был конкурс идиотов, то этот ученый немец Калигулу бы победил.

Никакого подтекста в этой истории нету. Просто удивила нелепость происходящего.

Экологически чистые

У нас в деревне в конце 80-х как-то плохо с сеном было. Коров кормили соломой. А в солому примешивали патоку, ну, чтоб коровы охотней ели. И для этих целей в земле устроили пятитонную емкость. А местные старухи приспособились эту патоку черпать ведрами и ставили на ней брагу. И мужики пировали. Бригадир за голову схватился, и охрану выставили возле емкости, а все равно черпали, и охранник еще помогал. И тогда в емкость стали выливать навоз, прямо все, что было из-под коров, — все туда сливали. Все об этом знали. Но патоку продолжали черпать. И брагу ставили. И мужики продолжали пировать. И ведь понимали, что пьют. Вонь стояла на всю деревню. А выхлоп такой, что хрен с чем спутаешь. Оправдывались, конечно, перед бабами своими, как могли, дескать, прости, я тут это, пил… — А, пил, ну, слава богу, а то я уж подумала, что ты ел!

Ну и, конечно, как разговор зайдет, оправдывались: «Ну дак а че, ну, попахиват, ну, пробросит пару раз, а другие-то вон вообще стеклоочиститель жрут, денатурат опять же! Хотя денатурат еще ничего… А бражка-то че? Все натуральное, никакой химии».

Перестарался

Один дерзкий предприниматель придумал бизнес. Конечно, этот бизнес придумали задолго до него, но все равно молодец. Он купил квартиру на первом этаже и над ней купил еще одну квартиру. И сделал там массажный салон. Завез массажисток. К массажисткам потянулись клиенты. В общем, предлагались все виды массажа. На вывеске было написано: «Круглосуточно!». А чтобы сомнений не оставалось, назвали «Виагра».

Все довольны: массажисткам нравится, клиенты счастливы, предприниматель цветет. Вот только соседи обижаются. Им с утра на работу, а у них всю ночь за стенкой будто порнушку крутят. Опять же дети за руку дергают и вопросы задают. И вообще в стране кризис, а тут сплошная камасутра и брызги шампанского.

А пока жильцы все мне это возмущенно рассказывали, я вспомнил историю, которая произошла в этом же районе сколько-то лет назад. В нашем городе проходил съезд главной партии, делегаты собрались со всей страны. И начальник райотдела, человек добросовестный, навел в своем районе безупречный порядок и выгнал всех проституток за сто первый километр и даже немножко дальше. И вот партийцы заселились в гостиницу, закусили, выпили и перешли к выполнению культурной программы.

И вдруг оказалось, что район бездумно и жестоко зачищен! Вот еще недавно была цивилизация, а стала сплошная ледяная пустыня… Делегаты взвыли, поскольку нагло были нарушены все законы гостеприимства. Начальнику поставили на вид, и он до утра бегал по району за проститутками, уговаривал вернуться и еще извинялся перед ними. Вот как бывает.

Нет, ну а что, думать надо головой.

* * *

Мать с утра до ночи была на работе, а пятилетний Володя водился с маленькой Лилей. Они жили недалеко от вокзала, и мимо с утра до вечера шли солдаты, грузились в эшелоны и уходили на фронт. Мать наказывала детям провожать их, и дети бежали вдоль колонны, махали руками и кричали

«Возвращайтесь!..»

И однажды из колонны вышагнул пожилой мужик, не сбиваясь с шага, подхватил босоногую Лилю и посадил себе на шею. Лиля засмеялась и вцепилась солдату в уши, а за что держаться-то — голова-то бритая! Бойцы в строю заулыбались. А Володя вдруг испугался и закричал: «Дяденька! Не забирайте мою сестру на войну!» Солдат осторожно поставил девочку на землю, погладил по голове, и Володя вдруг увидел, что солдат плачет…

Дядя Володя рассказал мне эту историю, и я увидел, что у него текут слезы. Семьдесят три года прошло…

Источник вдохновения

Брусиловский рассказывал.

Вообще, художники пили крепко. У нас председатель Союза Вязников ругался: «Академия художеств поставляет нам профессиональных алкоголиков!»

И вправду. Проблемы были. Например, когда монументалисты подписывали с заказчиком договор на мозаику, то особым пунктом обязывали заказчика предоставить большое количество спирта, объясняя это тем, что без спирта в мозаике может завестись грибок…

А еще здесь был знаменитый художник Зюмбилов, который лучше всех рисовал портреты вождей. Представляете, какой заказ — перед каждыми праздниками, перед каждой демонстрацией. Делал он это мастерски, сухой кистью на огромных площадях. Но была одна загвоздка — он не мог работать трезвым.

Ну, просто рука не поднималась. Возможно, подсознательный внутренний протест. И всегда дотягивал до последнего момента и приступал к работе лишь накануне праздника. Ему привозили несколько бутылок водки и приводили милиционера, потому что Зюмбилов пить один категорически отказывался. И утром приезжали за ним. И всегда, о чудо, водка была выпита, работа закончена, Зюмбилов уходил гордо на собственных ногах, а милиционера увозили.

Но, вообще, больше монументалистов не пил никто. Однажды в Москве председателю худсовета Игорю Пчельникову принесли такое заявление:

«Прошу перевести меня из монументального цеха в цех декоративный, потому что столько пить я уж не могу». И на этом жалобном заявлении Игорь Пчельников недрогнувшей рукой вывел резолюцию: «Перевести в декоративный цех по причине слабого здоровья».

Страх смерти

Волович рассказывал.

В Академии, в 50-х, учился талантливый художник Юркин. У него не было обеих ног. А еще учился художник Шруб, фронтовик и человек храбрый. И вот у художника Юркина весной случилась любовь и какая-то нелепая размолвка. И он, на своей колясочке, поехал топиться. А художник Шруб догадался и побежал за ним бегом. Но опоздал. Юркин сумел перевалиться через парапет и упал в Неву. Шел лед, и он сразу утонул. А Шруб, подбежав к парапету, не раздумывая и не снимая сапог и гимнастерки, прыгнул в ледяную воду и, ныряя раз за разом, Юркина нашел и вытащил. И откачал!

Юркин потом жил в Свердловске. А Шруб жил в Тобольске. Ему дали маленькую комнатку на территории Тобольского кремля. И всем художникам очень нравилось писать ему письма, потому что на адресе значилось: «Тобольск. Кремль. Шрубу»!

Но я не об этом.

Когда я повез Виталия Михайловича домой, мы с ним заговорили о смерти. И он сказал: «Для меня страх смерти — это страх недоделанной работы».

Мне кажется, я понимаю, о чем он говорит.

О бабушке

Бабушка моя, Мария Ароновна, была мудрая женщина. В детстве она видела погромы, казни, бегала на площадь смотреть на повешенных братьев и сама сумела убежать из-под расстрела. Потом ее сослали в Тамбов по делу какой-то молодежной организации, но она об этом никогда не рассказывала.

Дед мой закончил УПИ, был хорошим инженером. И его в 36-м году пригласили в Москву в серьезный научно-исследовательский институт. И было понятно, что два раза такие предложения не делают. И вдруг бабушка уперлась и сказала: нет, не надо ехать. Дед спорил и негодовал, но в 37-м году полинститута посадили, а руководство расстреляли. И спорить стало не о чем.

В этом же году бабушка сожгла всю библиотеку. Просто уносила из дома мешками и сжигала. Я говорю: «Бабушка, зачем? Не жалко было?» — «Жалко. Но детей жальче». Она знала очень много разных пословиц, и когда с ней кто-то спорил и пытался что-то доказать, она пожимала плечами, улыбалась и говорила: «Всякий еврей знает, как лучше». Спрашиваю: «Бабушка, откуда у тебя эта поговорка?» Она отвечает: «Много лет назад я, двадцатилетняя, стала спорить о чем-то с дедушкиной мамой, а она не стала спорить, только улыбнулась, пожала плечами и сказала: „Всякий еврей знает, как лучше“. Мы ни разу с ней не поссорились».

Однажды мне бабушка говорит: «Представляешь, у меня никогда в жизни не кончались деньги». Я говорю: «Это как?!» Она: «Ну, если у меня было 100 рублей, я их делила на две части и тратила только половину». — «А когда заканчивались деньги?» — «Тогда я брала 50 рублей, делила их на две части и 25 тратила». — «А когда и эти деньги заканчивались?» — не успокаивался я. «Тогда я брала оставшиеся 25 рублей, делила их на две части…» «Ну а потом?» — приставал я. Она удивилась, посмотрела на меня внимательно и сказала: «А потом выдавали зарплату».

Не знаю, почему вспомнил. Просто о бабушке думал. Она любила меня маленького, и от этой любви мне тепло всю жизнь.

«Не по-людски…»

Возле села Деево, за речкой Шакиш, есть заброшенные угольные шахты. После войны там работали пленные немцы. Там же и лагерь был. Там же неподалеку их и хоронили. Таких кладбищ много по Уралу, хотя, с другой стороны, в гости их сюда тоже никто не звал. И вот в конце сороковых один молодой деевский парень устроился туда охранником. Был скромный, работящий, а тут как подменили. И как-то по весне пригнал он из лагеря человек семь пленных к себе на огород. Шестерых впряг, а седьмого за плугом поставил и давай нахлестывать. И не столь ему огород пахать, сколь покуражиться. Соседи подошли, покачали головами и говорят: «Ох, Егор, не по-людски робишь!..» А он как не слышит. Вспахал на них огород, они и пали там, и лежат, и еле дышат. Он поднял их пинками и погнал в лагерь. А домой пришел — соседи с ним не здоровались боле, и вся деревня отвернулась.

Ухабака

У нас в Мироново жил парень, Аркашка звали. Его призвали в 43-м. Тогда семнадцатилетних брали. Ехал на фронт, боялся до трясучки, что убьют. Попал в разведку. А он дерзкий был, деревенские его называли «ухабака», типа, безбашенный. Его посылали за языками. Как добыл первого, так и страх прошел. А всего приволок в одиночку 17 (семнадцать!) немцев. Были награды. Ранен был. Все уважали.

Закончилась война, отправили дослуживать в Туркестанский в/о. Он познакомился с русской девчонкой в Ташкенте. Влюбился. А потом с ее братом украл мешок муки. Его арестовали и судили трибуналом. Лишили всех наград, дали срок и отправили в Сибирь. А девчонка та поехала к его матери в Мироново, сказалась женой и стала с ней жить. А он в лагере затосковал. А потом, в мае, снял часового, в одиночку разоружил конвой, запер на вахте и бежал. Два месяца шел лесами до деревни. И еще три дня сидел на том берегу, за избой наблюдал. А его уже искали. По его душу приезжала милиция из района. Ничего толком не объясняли, и по деревне шепоток пошел, что он дезертир…

Потом он пробрался в избу, мать и девчонка и рады, и горе, и что делать — не знают! Сидел он в подполе днем. Над подполом кровать стояла. Ночью выбирался. Людей сторонились, таились очень, девчонка даже курить выучилась, чтоб дух табачный не выдал беглеца. Он иногда ночью переплывал реку и уходил в лес, и однажды плыл обратно с дровами через Реж, и соседка увидела и донесла. Приехали милиция с солдатами, достали из подпола, а там полон двор соседей набился, и люди говорили: «Аркашку поймали, под кроватью хоронился…» Мать с женой глаз на люди не казали, стыд какой и горе, а его отправили в Сибирь этапом.

И вдруг через некоторое время объявляют амнистию, и он под нее попадает!!!! И возвращается в деревню. Ох, как непросто ему было жить! Все знали, что он дезертир. Он и парень-то хороший, и работяга, а все мужики в деревне воевавшие и руки ему не подают. А как праздник какой, соберутся мужики пировать, он, бывало, подойдет робко, а ему твердо: ты, мил друг, в сторонке постой. Он говорит: мужики, да как же так?!.. А ему в ответ, мол, вся деревня видела, как тебя с-под кровати доставали! И не подпускали к общему столу. Особенно Шакур лютовал. Как увидит, еще и вслед обидные слова кричал. А у Аркашки уж трое

детей, и невмоготу ему так жить, и не докажешь никому ничего. Он писал, конечно, везде, просил вернуть награды, но бесполезно все. Он бы и объяснил все деревенским, да только слушать никто не хочет. Да и кто будет слушать? Которые воевавшие — тем все давно понятно, а у которых с войны не вернулись, к тем и не сунешься. Так и жил.

И вдруг, ему уж под семьдесят было, в 94-м году, вызывают его в сельсовет, а там военком из района, начальство, журналисты — орден вручать приехал. Оказывается, его представили еще в 44-м, да потерялись наградные списки! А тут нашли все, приехали, вот прямо там и прикололи, на заношенный пиджак! Он стойкий был, а тут не выдержал и заплакал, и ушел, и так шел через всю деревню с новым орденом и в слезах. Люди шептались, конечно. А потом, уже в двухтысячных, они во всей деревне с Шакуром, из воевавших-то, двое только в живых остались. Болели уж оба. Навещали друг друга. Потом уж, перед смертью, Шакур просил прощенья у него. Простил, конечно.

* * *

Сегодня поехал в Полевской на соревнования. Заявился двадцатку бежать. И с самого начала все не задалось. С утра не поел. На заправке купил «Сникерс» и съел перед стартом, и еще витаминкой закинулся. И еще вдруг понял, что спина болит и колени ноют. Списал на возраст. А бегуны серьезные собрались. Я в стартовом створе в конец ушел, чтоб под ногами не путаться. Дождь еще моросит. Побежал не в своем темпе. И понял, что надолго не хватит. И витаминка эта со «Сникерсом» болтается возле горла. И в кроссовках хлюпает. Понял, что все плохо и надо сходить. Пока думал, побежал уже третий круг, мимо бежит Эрик Хасанов. «Как ты?» — спрашивает. «Да, — говорю, — голову обносит». И забыл. Бегу себе. Вдруг, через километр, стоит «скорая», и бегут ко мне доктора и кричат: «Вы как?!» А я перепугался, думаю, может, я бледный или умирающим выгляжу? Они бегут рядом: «Вам помощь нужна?!» А я бегу, сил нет с ними болтать, головой только мотаю, думаю, сколько они со мной продержатся? Отстали. Я думаю: вот же фраер, как красиво мог сойти!..

Пока думал, выбежал на последний круг. И вдруг понял, что меня знобит. Ну, все, думаю, капец, остывать начал. Надо сходить, пока далеко не убежал… Бегу, хромаю, сопли текут, так

мне себя жалко, ругаюсь, конечно, про себя, сидел бы дома, думал бы о Вечном, нет, блин, поперся, легкоатлет хренов!.. Пока горевал, до финиша остался километр, и меня догнали парень с девчонкой и поравнялись. Мне еще обидней, а они выдвинулись вперед и стали набирать. И уже финиш виден, я вздохнул, ускорился и убежал от них. И последние метров двести пробежал в полную силу. Меня в любом состоянии хватает на финишный рывок, видимо, по старой еврейской привычке небольшой запасец берегу до последнего.

Очень красиво финишировал! Только никто не видел, потому что нормальные-то люди уже давно прибежали, и награждение давно закончилось, и все разошлись. Но я доволен. А потом девчонка подошла из судейской бригады и говорит: «Мы думали, что вы сойдете». А я гордо говорю: «Сойти я могу лишь по одной причине — если я умер!» И сделал суровое лицо, но не выдержал и засмеялся.

Братья

У нас в Свердловске в начале войны жила семья — молодой парень, его жена и годовалый сынок. И вот его забрали на фронт, и он попал в плен, и его угнали в Германию, а домой пришло извещение: «Ваш муж пропал без вести». Он с трудом выживал и никакой весточки подать не мог. И получилось так, что лагерь освободили союзники и он попал в Англию. И ничего не знал о жене и сыне, и они о нем не знали.

На родину он, через фильтрацию, вернулся только в конце 1947 года. Приехал в Свердловск и в поношенной одежде с чужого плеча пошел домой. А не был он дома больше шести лет. Соседи узнали на улице, обрадовались, расспрашивают, а он им что расскажет? Как в плену вшей кормил да на чужбине мыкался? Он говорит: «Как там мои?! Живы ли?!» А соседи глаза прячут и говорят: «Да все живы, ты-то как?» И он видит, что-то не так, но понять не может и идет в дом. И встречает его жена, красивая и родная, как до войны и, прижавшись к ней, стоит его семилетний сын и смотрит с настороженным любопытством, а из-за жены выглядывает маленький рыжий, голубоглазый мальчик… Ноги подкосились у мужика. И узнал он, что жена его в конце войны сошлась с пленным немцем и прижила ребеночка, и горько ему, потому что больно любил он свою жену и истосковался по ней, и переступить он через обиду свою не может, и идти ему некуда. И вот стоят и молчат, а что говорить-то?.. Потом она сделала шаг и тихонько прислонилась лбом к его плечу, а он хотел по голове ее погладить и не может, стоит как истукан. А она вдруг горько заплакала, ему так жалко ее стало, он прижал ее к себе и понял, что она его, родная, и никуда он не уйдет…

Ну, что теперь делать? Сам был таким же военнопленным. И вот сидят они за столом, и он говорит: «Я тебя ни в чем не виню, но ты выбирай — я или он». И показывает на маленького мальчика. Она посерела, сжала губы, зажмурила глаза и говорит: «Ты». Он говорит: «Сделай так, чтобы я никогда больше его не видел». Она сказала: «Да». И он больше никогда этого мальчика не видел. И они стали жить, как до войны, любили друг друга и никогда больше не вспоминали эти годы. Она родила ему еще двоих сыновей. Они были очень дружные, выросли сильными и удачливыми и очень любили отца с матерью. А она той ночью отвела маленького сына на рабочий поселок к своему бездетному брату и сказала: «Спасай». И брат забрал парня.

Прошло много лет. И оказалось, что все трое сыновей всю

жизнь дружили со своим рыжим братом, и он даже присутствовал на всех семейных застольях, только сидел так, чтобы отец их его не видел. Думаю, что и с матерью он постоянно виделся, но муж ее никогда об этом не узнал. И жили они счастливо.

Урок

Идет научная конференция в Кирилло-Белозерском музее, серьезные ученые собрались, очень сильные доклады, и вот, через два часа работы — перерыв. И отдельный зал, а там столы накрыты, чай, пироги и чего только нет!.. Слова «кейтеринг» здесь никто не знает, а люди гостеприимные, поэтому несколько женщин, сотрудниц музея, сами расстарались и накрыли на стол. Очень вкусно. И вот все угостились, перерыв закончился, и все потянулись в зал. И я тоже пошел, а на выходе обернулся и увидел, что немолодой уже, веселый, уверенный мужик, который присутствовал как гость, остался и помогает женщинам убирать со столов! Деваться некуда, я тоже стал ему помогать, и мы быстро всю посуду сносили и помогли убраться. Женщинам было очень приятно.

Я узнал этого человека. Это знаменитый спортсмен, многократный чемпион мира, Олимпийских игр, заслуженный мастер спорта СССР Алексей Уланов. Вот еще один урок в жизни.

Позиция

Что касается позиции, я историю знаю.

Когда Олег Пасуманский учился в 144-й школе, у него был одноклассник Юра, тихий сосредоточенный парень. Работал оператором на телевидении. Жил в коммуналке на Уралмаше. На редкость безобидный человек.

Соседи у него были алкоголики. Они все время пили. Водили гостей и все время у Юры что-нибудь воровали. И при этом над ним смеялись, потому что Юра носил очки. И этот факт казался им особенно потешным.

Они не давали Юре спать.

Однажды он им сказал:

— Не трогайте меня.

Они продолжали над ним смеяться.

Тогда он пришел к ним и, пальцем поправив очки на переносице, серьезно сказал:

— Не трогайте меня, а то я вас убью.

Они ему не поверили, и он их убил.

Когда его судили, он пытался объяснить прокурору и судьям:

— Я же их предупредил. Я же им говорил. НЕ ТРОГАЙТЕ МЕНЯ!

Ему дали 14 лет.

Родители у него умерли. Возил ему передачи и хлопотал за него только Олег Пасуманский. Через долгие девять лет путем долгих переговоров и гигантской гуманитарной помощи колонии Олег сумел договориться, что Юру освободят условно-досрочно.

Юру вызвали на краткосрочное свидание, и Олег радостно сообщил, что он обо всем договорился. Для того чтобы Юру освободили, ему надо доказать, что он окончательно стал на путь исправления. А для этого ему, всего-навсего, надо поступить в заочный университет.

Юра насторожился.

— Это еще зачем?

— Ну, понимаешь… — снова начал Олег. — Для того чтобы показать, что ты стал на путь исправления, ты должен поступить в заочный университет…

— Не нравится мне это, — твердо сказал Юра. — Не буду я никуда поступать. Я не хочу, чтобы мной манипулировали. Мне свобода дороже. Конвойный, уведите меня!

Сидит до сих пор.

Это вам не Галилео Галилей. Позиция!

Музыка навеяла

Мои в деревне скотину держат. Корова в стайке, свинья в хлеву, конь на задах и бык в загоне. А перед быком стояла 200-литровая бочка с зерном, вырез квадратный посредине. И как-то бык подъел зерно, а нового не успели подсыпать, и осталось на самом дне, и он голову засунул поглубже и, видимо, чуть развернул, и рогами-то расшеперился! Тряхнул головой — не слезает! Он с перепугу-то как взревел! А в бочке-то рев еще страшней раздался — он и оглох от своего рева, вскинул голову и вылетел из хлева, вынеся загородку, и встал, а куда идти — не видит.

А дядька мой на крыльце стоит, и вся семья за ним спряталась, а что делать — никто не знает. А бык стал башкой трясти, чтоб злую, страшную бочку сбросить, и ударил ею в столб, на котором крыша у стайки держалась, и выбил его! Крыша просела, все повалилось, и быку по хребту ударило доской, он затрубил, как электровоз, снес забор на огороде и с треском и хрустом пошел по теплицам, приближаясь к дому.

Дядька быстро докурил и сказал: «Все, п…ц хозяйству!» И скомандовал: «Все в избу!..» В это время бык налетел на яблоню, бочка сместилась, и он ее сбросил и вдруг увидел — солнце, зелень и птички поют! И понял, что его никто не обижает и даже никто над ним не смеется! И спокойно пошел в развороченную стайку. Всегда бы так.

Но я не об этом. У нас, когда скотину забивают, мясо хранят всю зиму на полках, на веранде. И вот повадились по мясо «хомяки», так у нас называют больших крыс. А у нас был кот сибирский Фима, знатный, боевой зверь, у него одно ухо собаки оторвали, а другое отморожено. Так он одного хомяка придушил, и его все похвалили и пускали на веранду охотиться. И мясо перестали трогать! И Фима приходил в избу по утрам, уставший и довольный, и ложился спать, и ничего не ел, и все понимали, что он питается хомяками, и увидели, что он даже поправляться начал и шерстка у него лоснится. Правда раскрылась только к весне. Оказывается, Фима толстел не с хомяков, а с хозяйского мяса! Просто он выедал его аккуратно, со стороны стенки, так, что спереди вообще не заметно! А с хомяками он давно уж и не ссорился, за руку небось здоровался, там всем хватало.

Что вдруг вспомнил? Да так, музыка навеяла.

В Мироново

Решил пробежать двадцатку в воскресенье. Побежал от деревни в сторону Артемовска. Бегу не торопясь, думаю о своем. За рекой вспомнил место, где лежит огромный старинный мельничный жернов, тонны на полторы. Думаю, как в музей школьный прикатить. Потом, за подъемом в полях, слева, увидел два старых тополя, вспомнил, что там стояла красивая деревня Одина. Все уж забыли. Потом показалась церковь в Родниках. Раньше эта деревня называлась Клепинино, но звучало это неприлично, потому что в старые годы в наших краях было употребимо слово «кляп», так и говорили: «какого кляпа?!», «на кой кляп?!» и т. д. В общем, переименовали в Лягушино. Тоже так себе. И назвали Родники. Прабабушка моя оттуда родом, а прадед мой Иван, по прозвищу Коностас, изготовил и поставил резной иконостас в родниковскую церковь, а дядька мой в 70-х иконостас обрушил, потому что надо было оборудовать в церкви зернохранилище.

Пока думал да вспоминал, добежал двадцатку и иду по деревне пешком, как-то несолидно по своей деревне бегать, а навстречу идет девчонка лет пятнадцати, волосы забраны, и богатая коса пшеничного оттенка через плечо на груди лежит. Я совершенно искренне говорю: «Ничего себе! Это настоящая?!» А она смутилась и говорит: «Ну конечно!..» Я говорю: «Очень красиво! Только не обрезай!» А она вздохнула, зарделась и говорит: «Так волосы слишком густые…» Я говорю: «Зато очень красивые!..»

И она пошла дальше, покраснела и улыбается. И мне тоже приятно и радостно.

«Не все так плохо…»

Зашел старик. Взгляд твердый и умный. Речь правильная. Из шарташских старообрядцев. Их там уже совсем мало осталось. В 37-м у них на Рыбаков нашли газету 1905 г., где Манифест о веротерпимости с портретом императора, забрали деда и отца. Отца расстреляли быстро, а деда уморили в тюрьме. Перед самой смертью дали свиданку, и они шли пешком с Шарташа на Репина, и мать по очереди поднимала пятерых детей над загородкой, чтобы попрощались. Дед был совсем седой. Потом их, как семью врагов, выселили из дома, и всю войну они жили на руднике в Березовском. Умирали с голоду. Мать писала Калинину. Пришло письмо, им вернули дом. Все было разграблено. В конце 50-х деда и отца реабилитировали.

Кто-то, прочитав это, скажет: «Ну, вот видите же, не все так плохо было!..»

Две истории

Пришла активистка. Возбужденная, чуть не кричит.

— Нам никто не помогает, всем наплевать на наших детей!

— Что случилось? — спрашиваю.

— У нас площадка спортивная на Ольховской, 23. Замечательная площадка. Там и футбол, и волейбол, и баскетбол. Ее надо отремонтировать, сетки поменять, заварить, покрасить, наконец. И мы уже устали обивать пороги, ходить по инстанциям и никак не можем добиться!

— А ответы есть?

— Есть.

И показывает. Читаю ответ. А там вполне вежливо написано: «Уважаемая Нина Ивановна, вновь объясняю вам, что спортивная площадка, расположенная на придомовой территории, принадлежит собственникам жилья, согласно законодательству не может быть отремонтирована за счет бюджетных средств». Совершенно понятный ответ. А женщина между тем продолжает кричать: «Никому нет дела до наших детей, надо спасать наших детей!»

Я вдруг спрашиваю: «А сколько квартир у вас в доме?» Она говорит: «Двести пятнадцать». Я говорю: «А рядом стоит огромный дом 25/1 и 25/2, и еще вокруг куча домов. Вы что, не можете скинуться по пятьдесят рублей и купить краску?! У вас что, мужиков нету, которые способны для своих детей корт покрасить?!» А она вдруг сникла и говорит: «Да никому ничего не надо, я одна вот так бегаю»…

Конечно, хотя бы из уважения к этой женщине мы найдем способ, как привести в порядок эту площадку.

В связи с этим вспомнил историю. Военный ГАЗ 66, тентованный, не вписался в поворот, улетел в болото и сел на мосты. Бегает вокруг взмыленный прапорщик, водитель с лопатой суетится. В это время едет генерал на «Чайке», говорит своему водителю: «Ну-ка, тормозни». Прапорщик, увидев «Чайку», выбегает на дорогу, говорит: «Товарищ генерал, не в службу, а в дружбу, помогите машину вытащить, на учения опаздываю, голову снимут». Генерал аж крякнул и говорит своему водителю: «Пошли, поможем, че расселся!» И вот они вчетвером — два водителя, прапорщик и генерал — откапывали, мостили, толкали, умудохались все, и часа через три, натужно звеня, 66-й выполз на дорогу. Прапорщик чуть не заплакал: «Товарищ генерал, огромное вам спасибо, без вас бы не выбрались, здесь и ночевали

бы!» Генерал, весь в грязи и болотной тине, красный, вспотевший, вытер мокрый лоб и говорит: «Ну, прапорщик, ну и тяжелая у тебя машина!» — «Ну так ни хрена себе, — отвечает прапорщик, — сорок дембелей в кузове!»

«Белочка»

У нас дядька один водителем автобуса работал в соседней деревне. Выпивал. И допился. Лежит он и вдруг видит — три старушки на гармошке наяривают и частушки неприличные поют. Да поют-то здорово! — ноги аж сами в пляс пустились. Вскочил с кровати — исчезли старушки. Что за фигня?! Лег, и старушки тут как тут. Долго он так вскакивал-ложился, а потом понял, что это «белочка». И так перепугался, что не пил полгода.

А тут Новый год, и он как дал два дня по-человечьи, а третьего на работу. И вот он, как огурец, как стеклышко, как чистый незамутненный хрусталик, важно сел за руль своего автобуса и повез пассажиров привычным маршрутом из Деево в Алапаевск. Полный автобус народа, кто с корзинками, кто с баулами — праздники, все в гости едут. И лишь мужик один с пустыми руками, серьезный, в тулупе, в окошко пялится.

Приехали в Алапаевск, все вышли, только мужик не выходит. Едет таким же манером обратно на этом же сиденье и так же в окошко пялится. Приехали в Деево. Опять все вышли, только мужик сидит. Водитель думает, ну и пусть сидит, может, ему пойти некуда. Сделал еще ходку. Все вышли, автобус пустой, мужик сидит. И мужик-то странный какой-то, явно не местный. Водитель вежливо говорит: «Любезный, я закончил свой рабочий день, и мне надо поставить автобус в гараж, не соблаговолите ли вы и т. д.». Ни хрена не проняло. Водитель попытался его вытащить, но мужик вцепился в сиденье и не поддался.

Ладно, делать нечего, плюнул, поехал в гараж с мужиком. Поставил автобус и пошел домой. Ночь лунная. Смотрит, а мужик следом крадется. Остановился, мужик тоже остановился. Пошел, и мужик пошел. Испугался: «Эй, тебе чего надо?» Мужик молчит. Заскочил в сени, не отряхиваясь нырнул в избу и дверь запер. Жена: «Ты чего?» Палец к губам приложил: «Тсс!»

А дома печь натоплена, всего наготовлено — полный стол! Жена причесана, и дети нарядные. И большое глубокое блюдо с горячими пельменями! Умылся, сел за стол, ладошки потер, взял вилку, потянулся к пельменям… Опа! Мужик напротив сидит. И так нагло, по-хозяйски, слюнявчик повязал, видно, серьезно настроился, тоже к пельменям тянется!

— Слышь, ты! У тебя совесть есть?!

— Да ты хорош гундеть, тебе че, пельменей жалко?

— Да ты бы хоть разрешения спросил!

— У кого, у тебя, что ли, алконавта?!

И такая тут ругань у них пошла! И драка началась. И

пельмени брызнули в потолок. Жена видит такое дело — бежать! Дети под лавки попрятались. Водитель бросился детей успокаивать, те визжат! Бросился за женой — двери настежь, и мужик исчез. И водитель вдруг догадался, что мужик все затеял, чтоб жену увести! Водитель схватил нож и босиком, как был, бросился вдогонку… А там уже санитары, соседи, жена рыдает, и мужик из-за толпы криво ухмыляется.

И водитель этот пить бросил. Когда из психушки вышел. Давно уж не пьет и другим не советует.

За селедкой

В университете на биофаке с Юлей Крутеевой и Салаватом учился хороший и скромный парень Толик Улитко. Когда Салават занимался галереей «Урал-Постер», на Пушкина, 10, он взял к себе биологов Сашу Сергеева, Эдика Поленца, и Толик тоже пошел работать к ним. А в свободное время подрабатывал в Краеведческом музее. Собирал скелет шерстистого носорога, изготавливал чучела и т. п. Толя был хорошим палеонтологом, кроме того, он, как и все биологи, умел руками делать все.

И вот однажды сидят они после работы в Постере в мастерской, выпивают.

— Странное дело, — говорит Салават. — Водка еще осталась, а селедку мы уже всю съели!

Толик говорит:

— Я знаю, где хорошая селедка продается. Я сейчас принесу.

Взял свой дипломат, в котором между делом болтались все его блестящие инструменты: скальпели, ножички, пилочки — и пошел. Дошел до Плотинки, и тут его разморило. А он ночью работал у Салавата, рамочки к картинам делал, а днем в музее ископаемых ремонтировал и спать хотел всегда. А человек он был честный и прямодушный, и совесть его была чиста, тем более выпивши находился, поэтому он лег на лавочку, положил дипломат под голову и уснул.

Разбудил его вежливо наряд ППС:

— Молодой человек! Это что у вас за сон грядущий и вообще, хули спим? Что там у вас в дипломате?

Открывают — охренеть, мать честная! Полный набор! Чувствуют — маньяка поймали!

— Кто такой?

Толик, спросонья хлопая глазами:

— Я Улитка!

— Что делаешь?

— Иду за селедкой!

— Чем занимаешься?

— Мамонтов клею…

Все как есть, честно рассказал. Менты подумали, что он над ними издевается. Поволокли в райотдел. Все сбежались на него смотреть. А он, как пойманный разведчик, повторяет все ту же нелепую легенду: Улитка. Иду за селедкой. Мамонтов клею… Видимо решил, что в гестапо попал. А у тех уже просто истерика. Ну, правильно, их можно понять. Но бить они его не стали и вызвали санитаров… И увезли Толика на Агафуровские дачи. А

мы его оттуда доставали и доктора уговаривали, а доктор уперся: пусть еще полежит, мне хоть будет с кем пообщаться, а то мы с ним тут на все отделение только два интеллигентных человека!.. Ну не забирайте, а? Он уйдет, а мне тут до пенсии…

Все как в жизни

У нас сегодня «Кросс Нации» проходил. Народу было очень много, тысяч под пятьдесят! И народ хороший, молодых очень много, с детьми многие. Меня пригласили в первый забег, там министр спорта, вице-премьер, еще разные серьезные люди, бежим такие. А рядом со мной приспособился мальчик маленький бежать, первоклассник. И вот бежим с ним, разговариваем, спрашиваю: «Не устал?» — «Не, — говорит, — я ж тренировался!» А я вижу, что он уже запыхался, а еще мне на бегу все рассказывает про свою долгую и интересную жизнь, и смотрю, чтоб не отстал. Добежали до разворота и повернули обратно в сторону УПИ, а он вдруг так серьезно говорит: «О! Да тут, оказывается, еще и в подъем надо бежать!» И вижу, что ему уже не весело. А я же не могу уже от него, первоклассника, убежать. А там Степан рядом бежит, я кричу: «Степа, возьми мальчика на шею, он легкий, ты даже не заметишь!» А Степа и не услышал. Тогда я притормозил и закинул парня на плечи, пробежал шагов сто и понял, что Степа все услышал, просто умный. А парень довольный, болтается на шее и говорит: «Меня Дима зовут, а тебя?» Я говорю: «Женя! Только не держи меня за горло!!! А то не добежим!..» «Понял, — говорит Дима и перехватывается за уши. — А ты кем работаешь?» А я уже из последних сил говорю: «Ты еще не понял, что ли? Я лошадью работаю!» — «А, понял, — отвечает, — только ты тогда беги ровней!..» А там реальный подъем, и силы у меня кончаются, а на шаг не перейдешь и надо добегать, дотерпел до поворота, увидели финиш, и на финишной прямой я его ссадил, и он как дунул!.. И я не сумел его догнать.

Все как в жизни. Смеюсь. А вообще, праздник знатный получился. Рад был всех видеть!

О предшественниках

Смотрю своих предшественников, глав Екатеринбурга. Много достойных людей, разные судьбы. Анфиногенов (городской голова 1902–1908 гг.) работал в городе до 17-го года. В июле 19-го покинул Екатеринбург с отступающими колчаковцами. Сгинул.

Затем Обухов, городской голова 1908–1917 гг., много сделал. Летом 19-го покинул Екатеринбург, оказался в Харбине, где и затерялся.

Павловский (май-октябрь 1917 года). Человек случайный.

Сосновский (октябрь-ноябрь 1917 года). Партиец со стажем. Арестовывался. В 1927 году исключили из партии, в 1935 году восстановили. В 1936-м исключили и арестовали. Расстрелян в 1937-м.

Затем Чуцкаев (1917–1918 гг.), принимал участие в секретном заседании, где было принято решение об убийстве Николая II и его семьи. Распустил Гордуму, работал в ЧК. Перед приходом белых эвакуировался. С 1919 года по распоряжению Ленина занимался выдачей прод. пайка «наиболее ответственным» руководителям. В 1938 г. уволили отовсюду и исключили из партии. Ждал ареста. Вынужден был вернуться в Камышлов, где и умер. Неприятный человек.

Лебединский (1918–1919 гг.), из кадетов. Выступал за скорейшее восстановление в России правового порядка, вел активную борьбу с анархией и большевиками. В июле 19-го покинул Екатеринбург с отступающими колчаковцами и исчез.

Быков. Из всех председателей Горсовета и Исполкома вплоть до 1991 года единственный уроженец Екатеринбурга (!). В 1920 году стал председателем Екатеринбургского губернского ревтрибунала. Умер своей смертью, что удивительно.

Парамонов (1919–1920 гг.). Тоже со стажем. В 30-х арестовывался, ссылался, сидел. Освободился в 54-м году. Позднее реабилитировали, наградили орденом Ленина. Насыщенная жизнь.

Теумин (октябрь 1920 — январь 1921 гг.). Как врага народа расстреляли в сентябре 1938 года.

Старков (январь-февраль 1921 года). Со стажем. Арестовывался. Участвовал в революционных событиях и антирелигиозных кампаниях. Вскрывал захоронение Симеона Верхотурского. В ходе партийных чисток исключен из партии, отсидел пять лет. Освободился, вновь арестовали и расстреляли в 39-м году.

Ларичев (январь-ноябрь 1922 года). Умер сам в 38-м году.

Удивительно.

Клепатский (1922–1923, 1923–1925, 1925–1926 гг.). Много трудился, реально улучшил ситуацию в городе. Сторонник Троцкого. В 1928 году был арестован и сослан на три года. В 1936 году арестовали, пытали. Оговорил себя. Расстрелян в 1937 году. В 1958 году реабилитировали.

Пылаев (1926–1928 гг.). Воевавший, орденоносец. Смелый, отважный человек. Израненный. В 1937 году расстрелян. Реабилитирован.

Сивков (1927–1929 гг.). Воевал, много работал. В 1938 году арестовали. Погиб в тюрьме.

Бычкова (1929–1930 гг.). Единственная женщина. Работала. Воинствующая атеистка. При ней в 30-м году были взорваны все самые крупные соборы в центре города. В 1938 году исключили из партии. Восстановили, три ордена Ленина.

Попков (1932–1933 гг.). Фронтовик. В 1920 году участвовал в продразверстке в Саратовской губернии. Попадал в плен к белым. В 1932 году выговоры, увольнение с работы, уголовные дела. В 1935 году восстановили. Судьба неизвестна.

Иванов (1933–1934 гг.). В 1934 году занимался выселением паразитических элементов из жилых помещений Свердловска. В 1934 году освобожден от должности. Следы теряются.

Галкин (1934–1935 гг.). В 1937 году исключили из партии за связи с Бухариным. В 1938 году арестовали. Обвинили во вредительстве. В 40-м приговорили к восьми годам. Освободился, снова арестовали. Выслали в Красноярский край. Вернулся в Екатеринбург, где и умер наконец своей смертью.

Мизенко (1935–1937 гг.). Много работал. В 1937 году арестован чекистами. На допросах признался, что занимался вредительской деятельностью. В 1938 году расстреляли. Через 20 лет извинились и реабилитировали.

Но я хотел рассказать не об этом. Первым городским бургомистром в 1751–1753 гг. был Иван Харчевников. Объездил всю Сибирь. В 23-м осел в Екатеринбурге. Сам Татищев дал ему 50 рублей на организацию торговли. Занимался торговлей, был поставщиком всего. В 23-м году по личному распоряжению де Геннина был выпорот за кабацкую драку с караульным драгуном. Судя по всему, Харчевников драгуну навалял. А в 23–25-м отрабатывал денежный долг в заводской каторжной работе. Торговал с башкирами, возил железные припасы в Москву. Нападали разбойники, отбивался. Все уважали. Уже после увольнения с должности его зять, Коробков, основатель и владелец Каслинского завода, разорился. И Харчевникова, как его

поручителя, два года держали в челябинской тюрьме. Общими усилиями его оттуда вытащили. Зять построил ему дом в Бобровском, где он и жил до самой своей смерти. Симпатичный человек.

«Слушай, я тебе расскажу…»

Юле было двенадцать лет. Она украла жвачку в киоске. Ее поймали, родителей оштрафовали, а Юлю поставили на учет в детскую комнату милиции. Потом она исправилась. Хорошо училась, окончила институт, устроилась на работу, хорошо себя зарекомендовала и пошла на повышение. Но неожиданно вмешалась служба безопасности, и повышение зарубили. Выяснилось, что она привлекалась и до сих пор состоит на учете.

Ей было очень обидно. Мало того что карьера не сложилась, еще и все об этом узнали. А ведь десять лет уже прошло. И она мне говорит: «Ну, посмотрите, какая несправедливость. Я понимаю, что это самое начало моей жизни, и такой позор, я даже не знаю, как дальше жить. Такой стыд, такая неудача, и в самом начале».

Я вдруг говорю: — Слушай, я тебе расскажу: в 1942 году на Южном фронте было очень тяжело, прибыло пополнение. И в первом же бою один восемнадцатилетний вдруг бросил оружие, заткнул уши и побежал, куда глаза глядят. Его еле поймали, и военный трибунал приговорил его к расстрелу. Его должны были расстрелять перед строем, но обстановка была очень тревожная, поэтому его вывели несколько человек — прокурор, особист, представитель военного трибунала дивизии и врач. Поставили на краю воронки, выстрелили в него несколько раз, и когда он упал, врач зафиксировал смерть. Его столкнули в воронку и сапогами нагребли земли. Как-то закидали и ушли.

Через некоторое время солдатик ожил, сумел откопаться и пополз в расположение части. И на пути его оказалась землянка прокурора, и он туда скатился. Представляете, сидит такой прокурор и с чувством выполненного долга кушает тушенку, и вдруг на пороге возникает окровавленный покойник, которого он только что едва ли не собственными руками расстрелял и собственными ногами похоронил!!! Вой, конечно, крики, набежали все. Солдатика давай перевязывать. Все-таки ребенок совсем, 18 лет. Что делать, никто не знает, а добить никто не берется. Доложили председателю трибунала фронта Матулевичу. И тот распорядился: «Ввиду исключительности обстоятельств заменить расстрел сроком заключения, а всех исполнителей расстрела ввиду нарушений приказа и преступной халатности разжаловать и направить в штрафной батальон». Что и было исполнено. И никого из них не осталось в живых, потому что разжалованные штабные, как правило, погибали в первом же бою.

А бойца, когда немножко подштопали и подлечили в госпитале, в связи с нецелесообразностью и, видимо, невозможностью отправления в тыл также определили в штрафбат и отправили на передовую, где он принимал участие в самых жестоких боях, был ранен, выжил, вернулся в строй и дошел до Берлина. У него была медаль «За отвагу», «За боевые заслуги» и орден Боевого Красного Знамени. К концу войны у него уже выросли усы. И он всегда удивлялся тому, что его жизнь началась лишь с того момента, когда его расстреляли и закопали.

Через шестьдесят лет в родной деревне его именем назвали улицу.

Конецгорье

Когда-то, во времена колонизации Русского Севера, храмы ставили на местах древних зырянских, пермяцких, вогульских капищ. Выкорчевывали сами имена. И стояли по всему Северу села Преображенские, Вознесенские, Троицкие, Петропавловские…

Позднее концепция поменялась. Все поменялось. И запестрела карта Первомайскими, Октябрьскими, Комсомольскими, Ленинскими и прочими карломарксовскими… Метили территорию. Торопились. Все это не настоящее. Панически боялись кануть в небытие.

И на фоне этой безликости гладят душу и ласкают ухо высокие, полные значения Княжпогост, Гимручей, Пермогорье… Добрые Нюксеница, Фаленки, Мороморочка (!), веселые Хухрята и Мухрята и даже торжественная Высокая Плешь… От Архангельска в сторону Пинеги есть село Трепузово. Доброе название. С размахом. И еще Бабонегово. С уважением к женщине. А на въезде поворотка и указатель: «Учебная база „Бабонегово“». Небось учат, как с бабами нежно обращаться. И еще там же село Конецгорье. По левому берегу Северной Двины есть Пермогорье, и, казалось бы, название ясно указывает на рельеф. Но мне представляется, что Конецгорье может означать, что горю конец.

Почему? Да просто потому, что это было бы очень красиво и радостно.

С журналистами

Как-то приехали журналисты-французы. Авторитетная газета, сайт и популярное радио. По-русски говорят не очень хорошо, но гораздо лучше, чем я на французском. И вот беседуем, хоть и откровенно, но стараюсь лишнего не сказать. Они спрашивают: «А вот вы, оппозиционер, как вы общаетесь с властью?» Я пытаюсь объяснить, что я не то чтобы оппозиционер, я контактирую с властью и всегда готов поддерживать любые разумные и добрые начинания, просто оставляю за собой право иметь свое мнение и говорить то, что думаю. И в дальнейшем буду работать с властью, во всяком случае, пока там не будет окончательных людоедов, похитителей детей, наркоторговцев и т. д. Согласитесь, понятная позиция?

Ну, озвучил, и дальше пошли. Поговорили о культуре, о спорте, о дружбе народов, и уже в конце, прощаясь, один из них достал блокнот, поправил очки и вежливо переспросил: «Простите, позвольте уточнить, вы сказали, что готовы работать с властью, если оттуда уберут людоедов, наркоторговцев и похитителей детей?..»

Стоп!!!! Ох ты, мать честная! Все не так!!! Вытер испарину и снова проговорил и проследил, чтобы правильно записали. Проводил, отдышался и думаю: «Ни хрена себе, какая торпеда мимо прошла!..»

Подонки

Одна женщина, блокадница, у нее погибла дочь, и маленький внук остался сиротой. Она забрала его к себе, вырастила, дала образование и все время копила для него деньги. Блокадница, у нее это как рефлекс. Он нормальный парень, писал стихи и сам зарабатывал, жили они дружно. Единственная проблема, что он у нее один, и она очень за него переживала.

Он поехал в Москву лекции читать, через день он ей позвонил, очень встревоженный, кричал в трубку. Сказал, что они ехали с девушкой, а его товарищ был пьяный, ему пришлось самому сесть за руль, и он сбил человека насмерть, что ему срочно нужны деньги. И бросил трубку. Она так испугалась, что ей даже не пришла мысль в голову, что у него нет прав и он никогда не ездил за рулем.

Потом позвонил другой человек и сказал, что Костю посадили в СИЗО и срочно нужны деньги. Потом еще. В общем, в несколько приемов она отдала им все накопленные за пятнадцать лет деньги — 800 тысяч рублей. Когда он вернулся из Москвы, она очень радовалась, что его освободили, а поскольку сам он разговора не затевал, она тоже не стала поднимать эту тему.

Выяснилось все через несколько дней. Она, поняв, что ее обманули, сыграв на самом святом, слегла. А ей уже за восемьдесят. Он пришел ко мне. И ему вовсе не нужны эти деньги, но ему очень больно за нее, и он хочет найти этих подонков и убить. Я его понимаю.

Собаки и синицы

Две недели болел сильно, вообще пластом лежал, и врачи запретили бегать. Типа от физкультуры освободили. А я чувствую, что уже пора. Позвонил отцу, говорю: «Хочу поехать, пробежаться». Отец говорит: «Так езжай». — «Дак это, врачи запретили». Он: «А я разрешаю». Вот и хорошо, в случае чего есть что врачам сказать.

Приехал в деревню. Настроился и побежал прямо от дома. Ну, какой уж там бег, так, ковыляю потихонечку, чтоб не надсадиться. Тихо в деревне, снежок идет. И вдруг с той стороны дороги, немножко сзади, выскочила какая-то собачонка, и тут же еще несколько. И лают так яростно и ко мне несутся. А я бегу и внимания не обращаю.

Собакам этим я ничего плохого не делал, а потом, если я ко всякому лаю буду прислушиваться, так это мне лучше из дому не выходить. Но напрягся. Больно уж дурными голосами лают. И вдруг, который бежал самый первый, жестко прихватил меня за пятку. И я озверел, сразу развернулся и бросился на собак. И хотел всех сразу загрызть. Одновременно стал на них обзываться и кричать самые страшные матерные слова. В домах стекла звенели. Они бросились от меня с пробуксовкой, поджав хвосты, а я бегу за ними и матерюсь. Понял, что я их не догоню. Потому что быстро бежать и одновременно материться вообще сложно, а потом еще представил, как это выглядит со стороны. Пожилой человек на глазах у всей родни носится по деревне и собак ругает. Плюнул в их сторону, наобещал им всего и побежал потихонечку.

И вдруг смотрю, у последних домов синички стайкой. Наши их зимой подкармливают. А синички, надо сказать, люди деликатные. Когда морозов нет и с кормом все нормально, они лишний раз никого не тревожат. А если что не так и кормушка пустая, могут и тихонечко клювом в окно постучать, напомнить. Обычно первая синичка прилетает на разведку, а потом зовет остальных. И они, когда поедят, каждая по семечке в лапке уносит. И потом едят тоже все вместе. Они, кстати, воробьев к кормушкам не подпускают, только после себя, потому что синички сами аккуратные, а воробьи не стесняются и в кормушку нагадить.

О! У меня один случай с синичкой был. Я однажды в экспедиции заехал в Ферапонтово к Михаилу Шаромазову. А у него дом большой деревянный, прямо возле монастыря. И я стоял

на крыльце, уже солнце садилось, и вдруг прилетела синичка и стала порхать у меня прямо перед лицом, как будто куда-то звала. А я говорю: «Ну, пойдем», — а она не трогается с места, и прямо перед глазами. Я ей руку подставил ладошкой кверху, а она вдруг поднялась и села мне на голову, прямо на темечко. А потом улетела. И я рассказываю, а ее коготки осторожные до сих пор чувствую.

За Бучино начался долгий подъем, я там уж совсем тихонечко бежал. А потом поля, метет, белым-бело. Я думаю, как тут моя мама, Нина Павловна, зимой по пятнадцать километров из Мироново в арамашевскую школу ходила? Тогда же волки еще были. Пробежал гостьковскую воротку, там ниже место, которое издревле называлось Побоище. Мы много лет назад нашли, где был распаханный курган, где русских похоронили, и поставили там крест. Добежал я до креста, отсалютовал защитникам Отечества, сказал им внутри себя доброе слово и побежал обратно. И уже почти у деревни вспомнил про злых собак, подобрал на всякий случай с обочины здоровенный ледяной окатыш, запихал его в карман, бегу, придерживаю и думаю: вот только первая бросится, сразу башку расколочу! И ловлю себя на мысли, что мне очень хочется, чтобы все-таки бросились. И вот из-за поворота я вижу тех же самых собак. И впереди этот же самый, покрупнее, и бегут ко мне. Я виду не подаю, еще и отвернулся специально, и думаю: щас! главное — подпустить поближе. Они приближаются, и я потихонечку к ним подкрадываюсь, чтобы не спугнуть. И вдруг до меня доходит, что они бегут ко мне уже совсем по-другому, не скалятся, доброжелательно, и хвостами помахивают. Добежали до меня, я не притормаживаю, они развернулись и бегут вокруг, между собой переговариваются, проводили меня до ворот, попрощались и побежали куда-то по своим собачьим делам. Удивительный народ собаки!

И уже когда поехал домой, стал сумку спортивную собирать, вдруг увидел, что у меня весь карман мокрый, и еще на полу лужа натекла. А это окатыш ледяной растаял! Не, ну а что, в тепле, да за ненадобностью.

Любка

Дядька мой на дежурстве был с фельдшером, и под утро уже в окошко долбятся, кричат: «У вас там человек замерз!!!» Юра с фельдшером выскочил, а мороз поддавливает градусов 20, и смотрят — в сугробе лежит тетка в красном демисезонном пальто, свернулась калачиком, руки к груди прижала и застыла так. Фельдшер хотела потрясти ее за плечо и отшатнулась — тетка заледенела в камень! Видимо, ночью пьяная шла по тропинке, оступилась и упала в сугроб, уснула и замерзла, а люди утром только увидели. Ох, беда!

Делать нечего, Юра прикатил санки, на которых дрова возят, скантовал тетку, как получится, впрягся и потащил. Говорит, тащу, мол, она там покатывается да постукиват… Притащил, сгрузил. А фельдшер присела на корточки возле трупа и щупает шейную артерию и вдруг как заорет: «Юрка, она жива!!!! Бегом в ванну ее!!!» Затащили кое-как, перекатили в ванну через край — только состукала, включили холодную воду! И вот она там плавает в ледяной воде, а пока одежду с нее срезали, она уж и глазами захлопала, и заругалась на них, и они ее узнали — Любка Клепинина! Пьяней вина! Седьмой десяток уже, а все Любка.

Замотали ее в синие разовые пеленки, привезли в больницу в Артемовск, а те говорят: «Ниче с ей не сделатся, везите обратно». И вправду, хоть соплю бы из носа для приличия пустила! Нет ведь, даже не кашлянула!..

И когда рассказ доходит до этого места, всегда кто-нибудь да скажет: «А вот была бы трезвой — замерзла б на хрен!..» И все кивают и соглашаются. А я вам вот что скажу. Если бы она не бухала, она никогда бы не напилась, как скотина, и не попала бы в эту ситуацию. Но она пила, муж ее, Генка, умер по пьянке, сама она, пьяная, попала под машину, выжила, ходила по деревне, хромала, потом пропала, и нашли ее только через неделю в Раскатихе под мостом, утонула пьяная.

Когда-то была хорошая баба, учетчицей работала в бригаде, все уважали. Пить начала незаметно, а потом втянулась. У нее два сына взрослых, и не сумели с ней справиться, только позору натерпелись. Она добрая была, могла бы внуков нянчить. А теперь внукам что расскажут? Что бабушка их вечно пировала, да пьяной шароебилась по деревне, да с моста упала и утонула?..

Нет в России горшей беды, чем пьянка, и винить нам в этом,

кроме самих себя, некого.

Про чижика

Поздней осенью отец с дочкой шли на рынок и покупали птичку. В прошлом году взяли коноплянку, она жила в клетке на окне, девочка ухаживала за ней и кормила. А весной, когда появились листья, они пошли в лес и отпустили птичку на свободу. В этот раз взяли чижика. Он желтенький и веселый такой. Назвали Гришей. Он жил в клетке на окне и пел свои песни, и в конце зимы загрустил. И девочка упросила отца купить Грише чижиху. Она была крупнее чижа. Ее звали Груша. Чиж, было, обрадовался, но она его сразу незалюбила. Груша не подпускала его к кормушке, гоняла по клетке, выказывала свое недовольство по любому поводу и постоянно ворчала. Гриша потускнел и сидел, нахохлившись в уголке. Петь он перестал. И вот весной, когда клетка стояла на балконе, прилетели чижи и одна маленькая, дерзкая чижиха села сверху на клетку и стала Гришу звать. И Гриша очнулся, запел и стал рваться из клетки и биться о прутья решетки. И девочка открыла дверцу, чиж выпорхнул, и они с маленькой чижихой умчались в небо. И бедная, сварливая Груша осталась одна. Она даже не сразу поняла, что произошло. Она тосковала, жалобно звала Гришу, потом забилась в угол и перестала есть. Девочка с отцом увидели, что дело худо, взяли клетку с Грушей и пошли к лесу. Ближе к реке поставили клетку на дорогу, открыли дверцу и отошли. Сначала Груша не хотела выходить. Потом выпорхнула, села на дороге и сидит. Долго так сидела, и вдруг в ветвях запел чиж. И она встрепенулась, прихорошилась, оправила перышки и вспорхнула к нему.

Гаджеты

Был в школе одной, на окраине города. Разговариваю с директором в кабинете, смотрю, высокая, красивая молодая учительница пришла возмущенная с малолетним хулиганом. Директор вышел с ней разговаривать, а хулиган остался у кабинета. Я говорю: «Что, накосячил?» А он привычно так загундосил: «А че, училка мобильник отжала!..» Я хотел за учительницу заступиться, но зашел директор и отправил его в класс. И говорит мне, мол, не знаю, что и делать, чуть пауза любая — и все сразу в гаджеты лезут!.. Я вдруг говорю: «Да и нормально это! Вспомните, мы в их возрасте всей школой в трясучку играли! И на переменах, и на уроках умудрялись. У каждого времени свои игры. Пусть лучше в гаджетах сидят». Он засмеялся и согласился. Хороший, кстати, директор, в походы с ребятами ходит.

Потом, уже после лекции, вышел на крыльцо, со всеми парнями сфотографировался, и вдруг этот обиженный пользователь подходит и спрашивает осторожно: «Дядь Жень, а мне можно с тобой сфоткаться?» Я говорю: «Можно, но только тебе тогда косячить уже нельзя будет». Там аж загудели старшие парни на крыльце, а он задумался на секунду и говорит: «Не, я тогда лучше пойду…» И пошел. Потом замедлил шаги, развернулся, подошел ко мне, протянул руку, вздохнул и говорит: «Ладно! Давай попробуем!..»

Уже поехали когда, вспомнил разговор один. Мужик говорит: «У меня внук, три года ему, а он уже айфон освоил, айпад освоил! Вот ты в три года что делал?» — «Я-то? Да как все — гудрон жевал!..»

Выжили

Маша приехала в Ленинград и работала в музее, а муж у нее был зоолог. Когда началась война, его взяли в ополчение. Убили его почти сразу, потому, что там стреляли, а у него была только лопата для рытья окопов, а оружия не было. Она осталась одна. Началась блокада. А у нее не было карточки, музей закрыли, она не считалась работающей. Она нашла у мужа давилки для грызунов и приспособилась ловить крыс. Она их быстро разделывала и варила и жарила. А потом бомба попала в «Детский мир» и игрушки разлетелись. Маша пошла посмотреть, что там можно найти, и вдруг увидела маленькую замурзанную девочку. «Ты чья?» — спросила она. Ничья, сказала девочка, у меня все умерли. Маша взяла ее за руку и сказала: «Пойдем посмотрим, что здесь есть». И среди разбросанных игрушек они вдруг увидели, что в разбитой погремушке сухой горох!!! Они собрали все погремушки и натрясли из них мешочек гороха и очень берегли его и иногда делали жаркое с гарниром. Два года они питалась крысами и выжили. Маша всем говорила про девочку, что это ее племянница. После войны Маша защитилась. Работала она в Институте истории материальной культуры, она стала доктором наук, ее все любили и уважали. До конца жизни Мария Александровна Тиханова жила в коммуналке, характер имела добрый и веселый и никогда ни на что не жаловалась. А с найденной девочкой она дружила всю жизнь, потому что отношение между людьми, вместе пережившими блокаду, куда ближе и крепче, чем просто отношения между родственниками. А девочка потом работала главным хранителем Золотого фонда Эрмитажа.

Невьянская икона
Рассказы

Казни апостольские. История приобретения

Звонит мне как-то Саша Ильин, серьезный и очень знающий парень из Ярославля: «Слушай, ходит одна интересная икона. Похоже, ваша. И сюжет какой-то редкий. Я договорился съездить посмотреть. 80 км от Ярославля. Приезжай».

Появление каждой новой невьянской иконы — это событие. Долго думать некогда. Я прямо с пленарного заседания, как был в костюме, прыгнул в машину и погнал в Ярославль. Вечер. До Мытищ пробка. Снегопад. Дальше по переяславским горкам, дорога забита. Приезжаю. Саша начинает вызванивать владелицу, трубку никто не берет. Ну, посидели, чаю попили. Поговорили. Поехал ночью обратно в Москву, находя утешение в пословице: «Для бешеной собаки 7000 верст не крюк».

На следующий день выхожу с комитета, смотрю, звонок пропущенный, из Ярославля. Набираю. Саша говорит: «Приезжай. Договорились на вечер встретиться». Деваться некуда, снова поехал. Встретился, посмотрел. Тетка как тетка. Ларьки держит. В прошлой жизни спекулировала. Покупала здесь иконы, желательно, где много фигурок — Праздники, Минеи и т. п. — и возила их в Польшу. Там был спрос. Ездила каждую неделю. А потом у нее эта дорога оборвалась, и одна икона осталась непроданной. «Ладно, — говорю, — посмотреть-то хоть можно?» «Отчего ж нет. Посмотрите. Только не сегодня. Сегодня я не могу». Тьфу ты блин! Пожал плечами, поехал обратно. Зима. Ночь. Снегопад. Дорога забита. Переяславские горки. Злые гаишники. И прочие чудеса.

Несколько дней тишина. Звонит Саша: «Приезжай. Я с ней договорился». Я уже втянулся, триста сюда, триста обратно. Сел да поехал. Приезжаю, садимся пить чай. «Сейчас, — говорит, — я ее вызвоню». И вот мы сидим, пьем чай. Ну не берет она трубку, и все! Еще чаю выпили. Я говорю: «Сань, я поеду, а то я так чифиристом сделаюсь». А ему уже самому неловко. «Давай, — говорит, — я попробую хоть фотографию сделать, чтоб понять, за что рубимся». Еду обратно, за Ростовом колонна большегрузов растянулась. Тащился я за ними, засыпать начал. Сунулся обгонять. Снег. Гололед. Обогнал. Блин, гаишники! И пока они меня казнили, колонна снова меня обогнала, и тащился я за ними аж до своротки на Сергиев-Посад.

Звонит через неделю. «Слушай, — говорит, — есть фотография, икона классная, похоже, действительно ваша». Я ему

говорю: «Скинь». «Да как я тебе скину, она мне старые полароидные дала». Блин, делать нечего, еду из Москвы в Ярославль, смотреть фотографии. Посмотрел. Действительно настоящий «высокий невьянск», конец 18 века и очень редкий сюжет — в центре Распятие и 12 клейм «Казни апостольские» (жизнь у первых апостолов была полна тревог и опасностей; всех их казнили, своей смертью умер только Иоанн Богослов). Я не только никогда не видел такого сюжета, но даже и не слышал. Голова закружилась. Говорю: «Договаривайся смотреть». «Слушай, — говорит, — они такие трудные, я попробую». Всю неделю я как на иголках, пять раз в день звоню в Ярославль, на ночь телефон не выключаю. Наконец Саша позвонил: «Приезжай, договорился». Я говорю: «Ага, только ты тогда выезжай пораньше и смотри у дома, чтобы она никуда не слиняла. А то надо мной уже все гаишники хохочут, что я, выпучив глаза, туда-сюда гоняю». Сам думаю, я за свой музей да за науку упираюсь, а Саша-то, так, по-товарищески грузится. Приехал. Все получилось. Увидел икону. Действительно наша, действительно высокого класса. 20 лет назад купила на Вернисаже. «Будете продавать?» «Мы подумаем. Мне надо с мужем посоветоваться». Муж говорит: «Да мне надо еще с родственниками посоветоваться». Вот думаю, красавцы, как в Польшу иконы мешками возить, так ни с кем не надо было советоваться, а тут, как в музей, дак сразу консилиум собирать! Саша говорит: «Правильно, поляки ведь заинтересованности не проявляли, а тебя потряхивает». Еще неделя в переговорах. «А сколько дадите?» «А вам сколько надо?» Издалека начинают: «Вот, нам деньги нужны, нам бы квартиру поменять…» «Ладно, — говорю, — может, вы машину сначала поменяете?» Выручил меня Саша. Он их психологию знает лучше. Как-то решил, договорился, утрамбовал, выкупил за 10 000 долларов, за свои деньги, чем избавил меня от этого приятного общения.

Привез он ее в Москву сам, прямо к открытию нашей выставки в музее им. Андрея Рублева. Я был просто счастлив. Там столько приятных людей было: директор музея Г. В. Попов, Саша Любимов, Иосиф Давыдович, Герольд Иванович. Я всем показал. Нахвалился. И Герольд Иванович говорит: обязательно напиши эту историю. Вот, написал.

Евангелисты

В 1988 году в Екатеринбурге, тогда еще Свердловске, в помещении Вольных почт на Ленина была выставка местных неформальных художников. Много народа там собиралось. А руководил всем мой товарищ Витя Махотин. Витя в свое время, как и многие художники, в поисках икон объездил весь Урал. У меня осталось от него несколько хороших вещей, потом расскажу. А внизу на выставке Витя приютил замечательного художника Валеру Дьяченко с семьей. У Валеры была жена Лена, тоже хороший художник, но картинок она уже не писала, ей было некогда, она рожала детей. И мы с ней подружились тогда, и я у нее купил несколько ранних картинок, которые очень высоко ценю. А потом Лена уверовала, воцерковилась, занялась реставрацией икон, и они с Валерой и детьми переехали в Верхотурье. Мы виделись очень редко.

И вот однажды я узнал, что Лена работает реставратором во вновь открывшемся монастыре на Белой горе, что недалеко от Перми. Я поехал в экспедицию и решил ее навестить. У нее была отдельная келья, она же — мастерская, где Лена жила и работала. Келья была буквально завалена иконами. Иконы стояли, лежали, висели и были везде. Думаю, что монастырю вернули какие-то иконы, отнятые при советской власти, и многое принесли местные жители. Мы с Леной разобрали все завалы, и я увидел там большого житийного Николу 90 на 70 см явно невьянского письма, а следующая находка меня просто поразила — это были четыре круглые иконки с изображениями евангелистов, причем высокого письма. Скорее всего 1830-х годов, писали их, возможно, для Царских врат единоверческой церкви. Доски этих икон были опилены, когда-то они были квадратные, видно было, что иконы побывали в безжалостных руках уверенного в себе поновителя: фоны были закрашены грубой бронзовой краской, мало того, поверху был нанесен какой-то орнамент, чтоб покрасивее, а сверху иконы были залиты каким-то жестким мебельным лаком, чтоб было поярче. Но лики были практически не тронуты, и они были очень красивые, у меня аж сердце защемило.

Я говорю: «Лена, откуда это у вас?»

Она говорит: «Кто-то привез да подарил, но я за них не берусь. Во-первых, не понятно, что делать с этим лаком, а во-вторых, куда они? Новые Царские врата собирать в невьянской манере? Кто возьмется написать Благовещение и Троицу? Тем более, здесь исторически академка, да Афон и Невьянск сюда

никак не вписывается».

Я говорю: «Лена, это огромная редкость, поговори с настоятелем, пусть мне уступит для музея. А я вам как-то отдарюсь, или Царские врата закажу, или просто что-то из икон серьезных взамен отдам. Тем более эти иконы старообрядческие, и к вам они нормально не встанут».

Лена говорит: «Я попробую».

Я поехал дальше, но за эти иконы переживал и всегда помнил, и время от времени Лену дергал: «Поговорила, нет?»

И вот через год она как-то мне звонит: «Слушай, не получилось у меня разговора. Разозлился он на меня, а когда я ему сказала, что иконы все равно старообрядческие, так он распорядился найти наставника старообрядцев и Николу велел отдать ему!» Я спрашиваю: «А евангелисты?!» «Про евангелистов ничего не сказал».

Прошел еще год.

— Лена, — спрашиваю, — как там?

— Терпи, — говорит. — Разговора я с ним больше не поднимаю, да и он молчит.

— А евангелисты где?

— На месте.

Я говорю: «Может, мне самому подъехать, поговорить?»

— Не надо, а то и их велит кому-нибудь подарить.

Прошло еще несколько лет. Лена придерживала евангелистов и никуда с ними не совалась. А я время от времени позванивал, и она меня успокаивала. На самом деле я бы от них не отпустился, потому что это действительно высокий класс и большая редкость в невьянской иконе. И я готов был терпеть сколько угодно, потому что у меня уже было ощущение, что когда-нибудь эти иконы будут в музее.

И вот, еще через несколько лет, Лена позвонила и говорит: «У нас поменялся настоятель и теперь другой».

Спрашиваю: «Что, есть шанс?!»

Она говорит: «Нет, просто меня отсюда переводят в Березовку, и настоятель разрешил иконы взять с собой».

Ну, хоть что-то стронулось с места, какое-то движение пошло.

И вот еще через несколько лет звонит Лена и говорит: «Женя, мы сделали в церкви иконостас, получилось очень красиво, но нам остались должны 300 000 рублей, и батюшка не может с нами рассчитаться. Я ему сказала, что у меня есть человек, который готов рассчитаться за иконостас, но было бы справедливо, если бы мы ему за это для музея подарили евангелистов. Батюшка подумал и благословил. Приезжай!»

Я знал, что так будет, я понимал, что эти иконы будут в

музее, но все равно радостно и неожиданно.

Денег нет, как обычно. Зашел в ломбард через дорогу, наискосок от музея, повздыхали, поворчали, но дали 300 000 руб. под слово. Они всегда меня выручали. И помчался.

Долетел до Березовки. Старое село, чисто, аккуратно. Нашел храм. Волновался конечно, но все получилось быстро и легко. Посмотрел иконостас, который Лена делала. Вышел батюшка, здоровенный, рыжий, добродушный, поздоровался, посмотрел на меня и говорит Лене: «Ему можно, отдай, благословляю». Я разложил иконы на заднем сиденье на чистом полотенце, отдал деньги Лене, она тут же рассчиталась со всеми и вынесла мне еще небольшой подарок — бронзовую плашку преподобного Мароя с пятью цветами эмали, с очень интересным орнаментом и в идеальном состоянии. Я попрощался со всеми и поехал. И настроение-то у меня хорошее, и очень я доволен, десять лет ждал! Одна проблема, надо деньги в ломбард вернуть, но не буду портить праздник, завтра начну об этом думать. И вваливаю километров двести. Дорога хорошая. И диск у меня стоит, а там Гарик Сукачев поет «Моя бабушка курит трубку». И я еду, Гарику подпеваю во весь голос и погромче еще сделал. И вдруг, краем глаза вижу, телефон мигает в подстаканнике, я сделал чуть потише, взял трубку, и вдруг в телефоне до боли знакомый голос… «Женя, здорово, это Гарик Сукачев!» Представляете мои ощущения, в колонках Гарик поет, в телефоне одновременно Гарик разговаривает?! «О, — говорю, — Игорь Иванович, здорово! Рад Вас слышать!»

Он говорит: «Женя, тут Вовка Шахрин сказал, что у тебя проблемы серьезные, в том числе и финансовые, так я хотел сказать, что у меня тут гонорар неожиданный образовался, 300 000 руб., так я хочу тебе его перевести, сам решишь, куда потратить!»

Так было неожиданно. Я говорю: «Гарик, спасибо тебе!» И чувствую, что голос дрогнул.

А ты говоришь: «Чудес не бывает!»

Деньги мы нашли как потратить. У нас в то время была беда с женской наркоманией, с каждого притона 5–7 девчонок, и никто этим не занимался, и срочно надо было делать реабилитационный центр. И вот эти неожиданные триста тысяч Гарика стали первым взносом. Еще около миллиона дал Андрей Козицин, еще столько же Слава Брозовский и последние пятьсот тысяч добавил я. А занимался реабилитационным центром до самого разгрома Женька Маленкин, мой добрый товарищ и честный человек, тогда удалось многих спасти. А с ломбардом я потихонечку рассчитался, тем более, что они меня не душили.

А евангелистов раскрывали в реставрационной мастерской в училище им. Шадра. Обнаружилось, что у них по краям сохранилась широкая темно-зеленая опушь и по ряду признаков они совпадали с иконами, позднее написанными в мастерской Василия Сухарева, но это уже отдельная исследовательская история.

Складень двустворчатый Архангел Михаил и Георгий Победоносец (1785 г.)

Однажды вечером работал в музее, приехал Витя — старый перекупщик, которого я знал еще с 70-х годов. Он был нормальный парень, спортсмен, потом работал в техникуме преподавателем физкультуры и понемножку спекулировал книжками, торчал у «Букиниста» на Вайнера, а позднее втянулся в иконы, там деньги другие и все поинтереснее. И объехал он весь горнозаводской Урал. Он парень простой, улыбчивый, легко заводил дружбу с деревенскими и у него был ряд серьезных удач. Одно время у него сформировалась значительная коллекция невьянских икон, но потом его обокрали. И вот заходит Витя сам не свой, держит в руках холщовую сумку и руки у него трясутся, и еще оглядывается по сторонам.

Да ладно, говорю, успокойся, показывай. Он осторожно вытащил икону из сумки, и я вдруг понял, что это складень. Створки чуть больше аналойного размера, сразу ощущение очень тонкой и дорогой работы. Я раскрыл его и сквозь густую олифу увидел потемневшее благородное золото, яркую киноварь и кусочек нежного зеленого позема с цветочками и ягодками. И вдруг почувствовал, как волна идет от этого складня и мне просто обносит голову. Успокоился, отдышался, попытался рассмотреть. Однозначно — Невьянск. Белоликие. Одна из лучших мастерских. То направление в иконописи, которое мы называем коренным. На левой створке Архангел Михаил грозных сил Воевода в золотых доспехах, украшенных граненными драгоценными камнями, на могучем красном крылатом коне. В руках у него крест, радуга, книга (Евангелие), кадило и копье, и ввергает он в пучину град Вавилон и мохнатого, двуликого, и совсем не страшного. А правая створка — Георгий Победоносец в золотых доспехах и на белом коне поражает копьем свернувшегося кольцами, чешуйчатого дракона, крылышки у дракона маленькие, а глаза грустные. Шарниры и уголки на складне сделаны из меди и очень ладные.

Стою, это все рассматриваю, и у меня реально кружится голова. Я говорю Вите и стараюсь, чтоб голос не дрогнул, потому что от моих интонаций существенно будет зависеть цена: «Ну да, интересно, продавать будешь или себе оставишь?» Он говорит: «Сам пока не знаю. Высокий предмет». И с этими словами хватает у меня из рук, кладет в холщовую сумку и убегает. Я успеваю сказать ему вдогонку: «Что надумаешь, так позвони».

Выхожу из музея оглушенный, стоит мой джип — новый Ленд

Крузер 80, я посмотрел на него грустно и думаю: «Зачем мне эта машина, если у меня нет такой иконы?!» Прошло некоторое время, я конечно с ума сходил, но Вите не звонил ни разу, потому что каждый мой звонок автоматически повышал бы цену. И Витя тоже мне не звонил, потому что каждый его звонок эту цену бы снижал.

Через какое-то время он все-таки решился, позвонил и говорит: «Я готов, сколько дашь?» А я на самом деле человек опытный и в эти игры давно не играю. Ну, скажу я ему, допустим — «сто рублей», он тут же побежит к какому-нибудь олигарху и скажет: «Ройзман сто рублей дает», а тот понимает, что если я готов платить, то речь идет о серьезной вещи, и говорит: «Неси, я двести дам». Витя перезвонит мне и скажет: «А этот двести дает». И мне придется сказать: «Ладно, неси, дам триста», потому что это Невьянск, икона высокого класса и их мало, и я до конца борюсь за каждую. И сам против себя устраивать закрытый аукцион я не буду. Я говорю Вите: «Вези, договоримся», что означает — «деньги есть, все равно между собой как-то решим». И Витя не приехал, а перезванивать ему я не стал. И очень переживал и боялся, потому что Витя начал показывать складень всем. И очень грамотно сработал директор музея Максим Боровик, когда ему позвонил один известный антиквар и осторожно спросил, видели ли мы этот складень, Макс честно сказал: «Да, видели. Но брать не стали».

Тот удивился и спросил: «Что вдруг?!»

— Да рассмотрели внимательно, он нам не понравился.

И это сработало. И среди всех потенциальных покупателей прошел слух, что я отказался покупать этот складень. И все озадачились и стали осторожничать и ждать. И чем больше Витя проявлял активность, тем больше люди отмораживались. А я, стиснув зубы, просто ждал.

И вот как-то еду я в деревню, где-то уже за Режом, и вот-вот выскочу из зоны досягаемости, и звонок, Макс звонит: «Витя пришел, складень принес!» Я тут же позвонил Юле и говорю: «Брось все, возьми деньги и подъезжай в музей, там принесли икону, которую надо купить. Я не знаю, сколько он за нее попросит, но заходи в процесс, торгуйся, не отпускайся. Там Макс рядом, он посмотрит, чтобы за пределы разумного не выйти». И очень тревожно мне, получится — не получится.

Доехал до Артемовского, звонит Юля: «Все, я купила!»

— На чем сошлись?

— Он попросил четырнадцать тысяч долларов, я не стала торговаться и отдала ему сразу.

«Все правильно, — говорю, — молодец. Умница!»

Конечно это невероятная удача. Таких складней я больше не видел никогда. Да их и нет. Когда раскрыли, в правом нижнем углу левой створки в черневой рамке белилами на краплаке проявилась надпись: «написанъ сей образъ в лето 7293 году маия 13 дня», т. е. в 1785 году.

Мне все завидовали. И видимо из зависти кто-то Вите сказал, что он продешевил. Он распереживался, клял себя последними словами, стал еще более прижимистым и осторожным. И однажды ему вновь очень сильно повезло. К нему снова попал в руки очень серьезный невьянский складень, но уже другой, трехстворчатый. Такой кузов с вкладной иконой, навершием и двумя створками. Вкладная икона — Покров XIX века, а сам кузов — XVIII века. В навершии очень красивая Троица, а на створках большой Собор святых. Очень мощный складень, и Витя это понимал. И памятуя о прошлой ошибке, Витя настроился разом решить все свои проблемы. И запросил за складень такие деньги, что я сразу же отказался разговаривать. Он сделал еще несколько попыток, но цену не снижал и в результате так и не смог его продать. Вот уже больше десяти лет он до сих пор у него. А вообще, за долгие годы знакомства я купил у него ряд очень красивых невьянских икон, и мне всегда непросто было с ним разговаривать, и порой я очень сильно раздражался и злился на него из-за его прижимистости и несговорчивости. И вот однажды Витя совершил поступок, который меня поразил.

Ранних невьянских икон известно очень немного. И представляют они особый интерес, потому что уже несут на себе все будущие стилистические признаки школы, при этом прямых аналогов невьянской иконы мы нигде не встречали.

Этот Покров происходит из Бынег, заводской поселок под Невьянском. Икона 1720–1730 гг. Очень большая редкость и очень высокого класса. Витя принес ее ко мне и попросил за нее сто сорок тысяч рублей. Не бог весть какие деньги, но 2009 год, кризис и вообще. Я говорю: «Оставляй. Решим». А чего решать-то? Надо брать, а денег нет. Но на всякий случай, чтобы отступать было некуда, мы ее раскрыли.

Вот, в правом верхнем углу, контролька. А белое — это левкас, которым в слой заполнили все пустоты.

Потом я ему честно сказал: «Денег у меня нет. Но мне она важна. Дай мне еще время, я рассчитаюсь».

А он вдруг говорит: «Давай не так. Я тебе ее подарю для музея!»

А я знаю этого парня больше тридцати лет. Он человек не злой, но крайне прижимистый, и для него это серьезно. Если

честно, я не ожидал и был очень тронут.

Я об этой иконе написал отдельную статью и о Викторе Власове с удовольствием сказал доброе слово[3].

Памятник этот реставрировал Максим Ратковский, прямой ученик Юрия Боброва. Икона эта очень стильная и тонкого письма. Там настолько сложные разделки, что с первого раза не все понимаешь. И рассматривать ее можно долго. Кроме этого, очень искусная палеография — надписи на иконе. Замечательный русский ученый и изобретатель, о. Павел Флоренский сказал: «Надписи — душа иконы». А для исследователей — еще и штрихкод. Идентичность письма иконописца можно определить по надписям.

Задача была собрать авторскую живопись и затонировать левый нижний угол. После нескольких совещаний Максим решил сделать полную реконструкцию. Он заполнил утраты, но оставил границу между авторской и поновительской живописью.

Работа заняла сто девяносто часов чистого времени. И выполнена безупречно.

А складень украшает музей уже много лет. Он привлекает внимание, и его подолгу рассматривают, и когда меня спрашивают, сколько он стоит, я честно говорю: «Не знаю». Есть вещи, которые деньгами не меряются.

Трехстворчатый деревянный складень

В 1997 году мне довелось издать первый научный альбом по невьянской иконе. Наряду с другими материалами, там, моим научным руководителем и старшим товарищем Виктором Ивановичем Байдиным был впервые опубликован доклад представителя миссии Красного Креста на Урале французского офицера Сюшеля Дюлонга, сделанный им в 1923 году на заседании УОЛЕ. В этом докладе Дюлонг, объехавший весь Горнозаводской Урал, впервые обратил внимание на высокий уровень иконописания и на некую стилевую общность невьянских икон. В докладе прозвучала фраза, на которую никто особо внимания не обратил: «Также в Осинском заводе Красноуфимского // уезда существовал [а] мастерская весьма оригинальная; я также не мог восстановить ни одной фамилии художников этой мастерской». Виктор Иванович прокомментировал эту фразу: «…Очевидно, у Дюлонга здесь ошибка. Имелся в виду Иргинский завод, известный в народе как Осокинский; он был старейшим предприятием заводчиков Осокиных на Среднем Урале». Я за эту фразу зацепился. К тому времени я уже порядка десяти лет обращал внимание на иконы, поступавшие из Красноуфимска, Артей и вообще из тех краев. Они имели ряд общих признаков и очень забавное личное письмо, перекупщики называли их «чебурашками». Мне эти иконы нравились, они были откровенно профессиональные и в то же время очень милые и теплые, и писали их на хорошо подготовленных, ладных толстеньких досочках. Я эти иконы потихонечку начал отличать и подбирать, и уже году к 2005 у меня появилось некое понимание, я увидел, что действительно в тех краях с начала XIX века существовала достаточно мощная мастерская, иконописцы которой были сориентированы на старые невьянские образцы и лучшие их иконы зачастую не уступали невьянским. Понемножку очерчивался ареал. Иконы эти привозили, как правило, из Красноуфимска, но при выяснении зачастую проскакивало, что изначально бытовали эти иконы вокруг Красноуфимска, в Нижнеиргинске, Саране и окрестных заводских поселках. Мало того, появилось понимание, что это направление связано с иконописцами Колчиными, родом из Сарапула, в XVIII веке жившими в Невьянске, а в начале XIX века поселившимися в Нижнеиргинске. И вот, когда у меня стало все складываться и я понял, что нашел еще одно новое мощное направление в уральском горнозаводском иконописании, я решил сделать книгу, но мне немножко не хватало информации. И

вообще, у добросовестных исследователей есть железное правило — ты не имеешь права писать о том, что не видел своими глазами, и мы с Максимом Боровиком поехали в серьезную экспедицию на несколько недель. Заехали через Сылву в Шали, объездили весь район, пообщались со старообрядцами, побывали в Шамарах, поездили по Кунгуру и окрестностям, побывали в Суксуне, заехали на Юговской завод, посмотрели все в Перми и окрестностях, заглянули в Удмуртию, посмотрели Воткинск и Ижевск, доехали до Сарапула, вернулись в Красноуфимск и, наконец, заехали в Нижнеиргинск. Все пути вели в Нижнеиргинск. На протяжении всей экспедиции мы смотрели иконы в домах, церквях, в молельнях, в антикварных магазинах, в музейных собраниях, и нам надо было понять, где бытуют и откуда происходят эти замечательные иконы. Ну, в общем, приехали мы в Нижнеиргинск, и у нас не получилось там ничего увидеть. Просто не удалось ни с кем поговорить и не получилось никуда попасть. Но в этот момент мне уже было все понятно, и вопрос оставался только по названию. Поскольку эти иконы встречались в основном в Красноуфимском районе, я не стал углубляться и назвал книгу «Красноуфимская икона» и издал ее в 2008 году. На презентацию приехали лучшие специалисты со всей России.

Через некоторое время замечательный красноуфимский краевед Николай Сергеевич Жужин познакомил меня с председателем Нижнеиргинского сельсовета, потомком могучих старообрядцев, Виктором Григорьевичем Конюховым. Он очень заинтересовался и попросил меня приехать и привезти книги. Он сказал, что соберет стариков и всех знающих людей и хочет, чтобы я рассказал о книге, об иконах и о старообрядцах. И вот, я взял с собой альбомов, приехал, а там полный актовый зал народа, и сколь нарядные все пришли, серьезные такие, мужики бородатые. Я показал им книгу, пустил по рукам и начал рассказывать и говорю: «Книга называется „Красноуфимская икона“, а следовало бы назвать „Нижнеиргинская икона“, потому что писали эти иконы, судя по всему, именно здесь…» Весь зал загудел: «А что ж не назвал-то?!» Я аж взвыл: «Да вы ж меня сами никуда не пустили!!!..» Ох, как они сокрушались! Я им всем еще по книжке подарил. Потом конечно провели меня по всем старикам, у кого еще что осталось, много интересного показали. Для любого исследователя очень важно видеть икону по месту бытования. Это дает много дополнительной исследовательской информации. И я еще раз убедился, что основная мастерская находилась именно в Нижнеиргинске и была связана с династией иконописцев Колчиных. Потомки Колчиных живут там до сих пор.

Но рассказать я хотел не об этом. Виктор Григорьевич меня завез к одной учительнице, которая сделала в школе хороший музей. Ей очень хотелось со мной поговорить, и она мне показала все родительские иконы. Практически все оказались местные, некоторые были в очень плохом состоянии, одна икона была в шитье. В Нижнеиргинске очень характерное шитье, и по шитью местные иконы видно сразу. Здесь такой вышитый оклад называют «рубашкой». От невьянских они отличаются. Как правило, занимались этим ремеслом женщины в семьях иконописцев. Я ей рассказал все, что знал, порасспрашивал про стариков, пообещал помочь с реставрацией, и вижу — что-то не договаривает, стал тянуть время, потому что со старообрядцами опережать ход разговора нельзя, и вдруг Виктор Григорьевич говорит: «Ну, ладно, Татьяна, покажи». Она на него строго посмотрела и губы поджала. А он ей так по-хозяйски: «Ты же видишь — наш человек, из самого Свердловска к тебе приехал». Она покачала головой, вздохнула и ушла в соседнюю комнату. Какое-то время ее не было, потом было слышно, как закрыла сундук и вышла, держа что-то в полотенце. Мы аккуратно развернули его на столе, и я вдруг увидел ладный трехстворчатый складень в красных деревянных рамках, с медными шарнирами и уголками. Он был под темной олифой, но было понятно, что это настоящий невьянский складень XVIII века, и из-под олифы проступала яркая киноварь и очень красивый и редкий оранжевый, который встречается на невьянской иконе в 60–80-е годы XVIII века. Я осторожно и бережно взял его на руки, держал на раскрытых ладонях и просто улыбался. И вдруг я заметил, что Виктор Григорьевич строго глянул на Татьяну, будто что-то от нее ожидая. Она в ответ зыркнула на него и поджала губы. Тогда он сказал: «Ну, говори, ты же хотела!» Тогда она вздохнула и говорит: «Ну, это, Женя, в общем, если тебе надо для музея, то ты возьми». У меня аж ноги подкосились. Я присел и говорю: «Татьяна, откуда он у тебя?» Она говорит: «У нас дом был старый в Верхнеиргинске, он уж пустой стоял, я прибиралась и на вышке нашла (*прим. авт.:* а вышкой в тех краях называют чердак) и добавила, родительские я бы в жизнь не отдала, а эту — забирай». Мы завернули складень в чистое полотенце, я взял еще Спаса родительского на реставрацию, поблагодарил от души Таню, распрощался с Виктором Григорьевичем. Он улыбается, и я улыбаюсь, и поехал домой. А ехать мне 230 км, еду, не тороплюсь, о своем думаю. Когда складень раскрыли, оказалось, что на левой створке «Успение Богоматери», причем очень красивое, развернутое с чудом, где ангел отрубает кисти рук нечестивого кощунника Афония; центральная створка —

«Воскресение и Сошествие во ад»; а на правой створке собор святых в предстоянии Софии Премудрости Божией. Левая и центральная створки почти целые, есть утраты по низу, а на правой, где София, вся нижняя часть осыпалась. Решили проклеить, законсервировать и не восполнять утраты. Пусть будет такой складень со своей историей. И самое главное в продолжение чуда, на центральной створке в самом уголке сохранилась часть надписи, сделанной каллиграфическим полууставом ЗСПА (1772).

А родительского Спаса мы сделали достаточно быстро, он стал яркий, красивый и торжественный, как только что из мастерской. Я отвез его Татьяне, и она была очень довольна.

Георгий Победоносец

Зашел как-то к реставратору Володе Кондюрову, и он показал мне обожженную икону «Чудо Георгия о змие». Достаточно редкий для наших краев сюжет, в Центральной России он встречается гораздо чаще.

Стал рассматривать внимательно, пытаясь понять, что произошло с иконой. Весь тыльник обуглен. Причем нижняя часть закопчена, но цела, а верх просто превратился в уголь, следовательно, в момент пожара она не висела на стене. На лицевой части видны следы гвоздей, следовательно, икона была забита басмой. Скорее всего, серебряной. Она была не снята, а ободрана, что видно по разрушениям левкаса на месте крепления. Золото на фоне соскоблено. И у Спасителя, и у Георгия, и царицы Елисавы выцарапаны глаза. Причем икона очень высокого класса: светлые поля, золотой фон, на голубых облаках в одеждах с тончайшей золотой разделкой восседает Спаситель, Георгий на белом коне в красном киноварном плаще и золотые доспехи его с черневой разделкой украшены цветными камушками, Елисава в киноварных красивых одеждах выходит из разноцветных хором, и Георгий попирает конем и поражает копьем свернувшегося кольцами могучего змея с печальными глазами, а змей возлежит у воды на серо-голубом «невьянском» поземе с цветами. В хорошем состоянии икона эта была бы украшением любого музейного собрания, любой частной коллекции. Смотрю на нее, и плакать хочется.

Судя по всему, произошло следующее: икону вынесли из дома, ободрали серебренную басму, выкололи глаза, зачем-то поскоблили золото и бросили в костер, и когда она почти вся занялась, ее кто-то вытащил…

Я Вову спрашиваю: «Что думаешь?»

Он говорит: «Целая бы была, я бы 25 000$ за нее попросил».

— Скажу больше, я бы ее купил. Но сейчас-то что делать?

Вова говорит: «Ну, дай 3000$ и забери».

Я говорю: «Вова, ты чего? Это же просто кусок обугленного дерева!»

А он говорит: «Не хочешь, не бери. Я ее отнесу в клуб, у меня ее купят, почистят, дорисуют и продадут».

«Ох ты, шантажист», — думаю и при этом понимаю, что он прав.

Говорю ему: «Вова, эту икону один раз уже уничтожили, а ты хочешь уничтожить ее второй раз».

А он так нагло говорит: «У тебя есть шанс, ты можешь ее

спасти».

И я, прижимистый человек, глубоко вздохнул, достал деньги. Рассчитался, завернул икону в газетку, принес в музей и повесил на видное место. И пусть висит как напоминание о безмозглости и варварстве некоторых советских граждан, Вовином коварстве и моих слабых нервах.

«Из чрева прежде денницы родих тя» (*17-я кафизма*)

Я приехал к о. Василию, и он показал мне все иконы в храме. Мы долго разговаривали, и когда он увидел, что я по-настоящему разбираюсь в иконах и знаю историю старообрядчества, он вынес из алтаря небольшую, меньше аналоя, удивительной красоты потемневшую икону, он называл ее 17-я кафизма, однако настоящее ее название читалось на верхнем поле — «Прежде денницы родих Тя». Уровень иконописца был настолько высоким, что сомнений не оставалось — икона Богатыревская. Он разрешил мне взять ее в руки, я подставил открытые ладони и почувствовал, что от этой иконы у меня обносит голову.

Отец Василий рассказал, что когда 40 лет назад он учился пению по крюкам в Староуткинске у известного певца Василия, как-то вечером они были в гостях у Евдокии Ивановны Филатовой — вдовы последнего иконописца в роду Филатовых Николая Трефильевича Филатова. Собрались ее подруги, они выпили красного вина, и о. Василий пел с ними духовные стихи, и так ладно у них получалось, что Евдокия Ивановна так растрогалась, что вышла за занавеску и вынесла на полотенце эту чудесную икону и благословила эту икону о. Василию (о. Василий сказал, что икон за занавеской тогда было очень много, а потом все разворовали).

Евдокия Ивановна рассказала, что икону эту еще Трефилию (знаменитый среди старообрядцев Трефилий Уткинский — отец Николая Трефильевича и свекр Евдокии Ивановны) подарили иконописцы Богатыревы. Для меня это свидетельство чрезвычайно ценно, потому как, показывает практика, старообрядцы могут интерпретировать по-разному, но в самих фактах никогда не обманывают и не ошибаются.

Надо сказать, что о. Василий при всей его доброте и благодушии и даже после перехода в лоно официальной церкви остался настоящим старообрядцем. На этот счет я не обманывался ни на одну секунду. Я очень осторожно попросил у него разрешение сфотографировать икону, он позволил, после чего еще раз напомнив, что икона не церковная, а его личная, он завернул ее в белое полотенце и унес в алтарь. У меня и мысли не было, что икону эту можно купить, но мне очень важен был к ней доступ. Фотографии, сделанные в полутемном храме, не получились, и через неделю я снова приехал к о. Василию и попросил разрешение перефотографировать, и вдруг он

совершенно неожиданно говорит мне:

— А все, нет больше иконы.

У меня все опустилось внутри.

— «Как, — говорю — нету?!»

Он говорит: «Я ее отправил к родственникам на Енисей в скиты, чего она будет здесь? — тихо улыбается и смотрит на меня. — Ты чего?».

А я уже понял, что иконы этой уже лишился навсегда, но взял себя в руки, проглотил комок, говорю: «Да нет-нет, ничего», — и смотрю по сторонам, интереса больше не проявляю.

Он ждал, ждал и говорит как бы невзначай: «А ты чего спросил-то?»

— Про что, говорю, спросил?

— Да про икону ту?

— А, да просто так спросил.

— Ааа, ну раз просто…

Ну, думаю, давай, посмотрим, у кого нервы крепче. И вот мы целый час сидим с о. Василием, говорим о погоде, о людях, которые жили раньше, о нравах, которые бытовали в старину, переспрашиваем друг друга, поддакиваем, но про икону — ни слова. Ну, думаю, подожди, я тебе устрою. И вот уже выходить, провожает он меня на крыльцо, и уже садясь в машину, неожиданно говорю ему:

— Ох, батюшка, забыл ведь одну важную вещь сказать!..

Он весь в внимании:

— Что, милый?

— Икона-то эта…

— Какая еще икона?

— Ну та, что ты на Енисей отправил, она ведь миллиона полтора сегодня стоит! Ты если что, имей в виду.

Вот так, убил кушом! Сказал и поехал.

А он остался стоять, как тот самый дедушка, у которого только что отняли кислородную подушку. А я еду и думаю, ну давай, теперь ты не спи, посмотрим, кто кого.

Месяц проходит, другой — тишина. Я, конечно, мучаюсь, ворочаюсь по ночам, и одно только успокаивает меня, что он кряхтит и ворочается сильнее.

И вот проходит еще месяц — робкий звонок:

— Доброго здоровья, мил человек, когда в наших краях будешь?

Что значит — когда?! Всегда буду!!! Вот уже подорвался и лечу, и душа моя вприпрыжку несется впереди меня! Но степенно отвечаю:

— Выберу время, батюшка, буду у вас — сразу навещу.

Кладу трубку. Главное не спугнуть. Он на том конце думает то же самое. Выдерживаю паузу — неделю, мчусь в Тагил, отдышавшись, захожу и понимаю, что он один в пустой церкви ждет меня. Я говорю:

— Батюшка, я тут случайно проезжал, решил навестить…

— А я тут случайно на месте оказался.

И вот опять сидим, разговариваем о погоде, а думаем об одном, а нервы-то не железные. И он невзначай, когда уже провожал меня, вдруг обронил: «Я ведь списался там со своими на Енисее, они тебя уважают, говорят, ну если Евгению надо для музея, мы готовы за полтора миллиона икону-ту уступить…»

Есть!!! Аж в голове взорвалось, не подпрыгнуть бы. И не торопясь отвечаю: «Ну, хорошо, батюшка, списывайтесь со своими, пусть присылают сюда, а я пока посмотрю, что у меня как по деньгам».

Еду довольный, и внутри все замирает. Он уже никуда не денется, и икона никуда не денется, осталось только деньги собрать. С полутора миллионами я, конечно, погорячился, но надо было как-то оглушить! Тем более я все равно его утрамбую по цене, он человек от коммерции далекий, а я всю жизнь в бизнесе, ну неужели я его не сделаю? Понятно, что я не собираюсь платить ему полтора миллиона. Ты спрашиваешь, стоит ли эта икона полтора миллиона или не стоит? Понимаешь, икона такого уровня стоит столько, сколько за нее попросят. Но полтора миллиона у меня просто нет!

И вот я выгреб заначку, занял у сестры, худо-бедно насобирал миллион и звоню ему:

— Батюшка, как там, привезли икону?

— Привезли, мил человек, ждет тебя. Деньги собрал?

— Да, все собрал, завтра буду.

И я понимаю, что миллиона мне хватит, ну какие там полтора, с чего вдруг, просто вывалю наличкой миллион, и он сломается. И в последний момент, перед тем как выезжать, что-то меня торкнуло, я заскочил в ломбард прямо напротив Фонда и взял еще пятьсот тысяч. Зачем? Да хрен его знает, пусть будут.

И вот, приезжаю, сердце колотится, захожу в храм, а там темно, прохладно и он один. Сели в трапезной за стол, сидим друг напротив друга, начали, как водится, про погоду. Я молчу про деньги, он молчит про икону. Пауза затягивается, и я осторожно начинаю:

— Батюшка, у меня нет полтора миллиона, а вот миллион-то я собрал, — и вываливаю деньги на стол.

Целая гора получилась, много денег.

Он говорит:

— Женя, а я ведь своим-то сказал, что полтора миллиона!..

А я говорю:

— Батюшка, время изменилось, разговаривали полгода назад, тогда еще кризиса не было. Напишите им, скажите, что нет полтора миллиона, что есть только миллион, они поймут, согласятся.

Он говорит:

— Видишь, как нехорошо, я им сказал полтора, а как я теперь скажу миллион?

А я понимаю, что икона никуда не уезжала, а лежала у него в сундуке под кроватью и советоваться ему ни с кем не надо, а перед ним лежит миллион, и он все равно сейчас сломается!.. Сижу и молчу. И он молчит. И сидим мы так в пустой церкви друг напротив друга и молчим, я понимаю, что все равно его сделаю. И вдруг он спокойно так говорит:

— Женя, а я ведь знаю, как поступить. Я им обещал полтора миллиона. Давай мне миллион, я им передам, а пятьсот тысяч я накоплю за несколько лет и от себя им отдам, чтоб они про меня плохо не думали. Давай, мил человек, так и поступим.

И вдруг мне стало как-то некрасиво, и я говорю:

— Батюшка, дай-ка мне еще раз на нее посмотреть.

Он зашел за занавеску и вынес мне икону на том же чистом белом полотенце. Я посмотрел на нее, и стыдно мне стало, что я торговался. Вытащил из кармана еще пятьсот тысяч и говорю:

— Отец Василий, от всего сердца, прости, что я торговался.

А он говорит:

— Я понимаю, — и кивает на деньги, — отсчитай половину обратно и забери.

А я прижал икону к груди, улыбаюсь как дурак и говорю:

— Не, не возьму.

Он тоже улыбнулся, вышел провожать меня на крыльцо, а я расстелил полотенце на переднем сиденье, чтоб мне икону видно было, попрощался сердечно с о. Василием, сел за руль, тронулся и вдруг в заднее стекло смотрю, а он стоит на дороге старенький, седой, глядит мне в след и крестит. Так и ехал до дома, улыбаясь, и рассказываю сейчас эту историю и улыбаюсь.

Перенесение мощей Николая Чудотворца

Невьянские иконы, особенно настоящие, появляются крайне редко. Маленький городок, всего 100 лет высокого иконописания, ограниченный круг заказчиков, да и повывезли много. Каждый раз появление серьезной невьянской иконы — это событие.

Сидит Максим Боровик, директор, работает. И вдруг приходит один музейный работник. Выпивши. Приходит явно на разведку. Каким-то образом он получил информацию, что где-то находится серьезная Невьянская икона «Перенесение мощей Николая Чудотворца из Мирр Ликийских в Барри в 1088 году», и решил сделать себе наживу. Договорился с одним известным перекупщиком, что выведет его на эту икону, но в последний момент побоялся продешевить. И вот пришел на разведку. Нам он эту икону не предложил. Так как боялся продешевить. Но будучи выпивши, принялся бахвалиться. А мы очень трепетно относимся к любой информации, касающейся Невьянской иконы. Слишком много загадок. Фиксируем и систематизируем все, что можно.

Макс слушал его внимательно. Из всего этого невнятного бормотания уловил, что икона находится у одного известного художника, но фамилия прозвучала неразборчиво, и будет продаваться очень дорого. Ну, в общем, музейный работник этот приходил не просто так — понюхал воздух, нахвастался и ушел.

Макс молча проделал большую работу. Нашел справочник Союза художников, понял, о ком может идти речь. Позвонил мужу моей сестры — Жене Хабарову в Тагил, где этот художник жил, попросил его разыскать. Через несколько дней художника нашли, договорились встретиться. Макс поехал, посмотрел икону — просто чудесная. А денег было только на задаток. Чтобы не растягивать ситуацию, да и просто, чтобы масть не спугнуть, решили рассчитаться сразу же. Тут же в городе заняли у моей сестры, которая была директором ювелирного магазина, заплатили не торгуясь и икону забрали.

Художник великодушно подарил еще одну Невьянскую, зареставрированную и замазанную бронзовкой. Позднее, когда ее раскрыли, выяснилось что она совершенно не тронутая. В идеальном состоянии. Спросите, зачем реставрировали? Чтобы еще красивей была!

Через несколько дней забегали перекупщики. Звонят, заглядывают:

— А что, вы не видели «Перенесение»? Не проходила через вас такая икона? Не предлагали?

А нам что? Только плечами пожимаем. Проехали.

Музейщик этот конечно взвыл. Перекупщик тоже скуксился. Ну, извините. Во-первых, вас никто за язык не тянул. А во-вторых, ваши кони просто тихо бегают (тем более им спекулировать, а нам в музей).

Когда икону внимательно посмотрели, выяснилось: написана она в Невьянске, в 1822 году, по заказу одного очень богатого старообрядца. Сам художник, который уступил нам этот шедевр, делал в Невьянске в начале 70-х какую-то работу, по-моему диораму, а рассчитаться с ним было нечем, и икону ему отдали за расчет. 35 лет она стояла без движения и ждала своего часа. Утраты на самом деле небольшие. Просто разбивает восприятие, и олифа загустела и потемнела. Раскрыли небольшой кусочек. Разница видна.

Все что по одежде, в правом нижнем углу — восстанавливается, и лики ниже и правее тоже не тронуты. Хотя работы минимум на год.

Вообще этот извод «Перенесения мощей» появился именно у невьянских иконописцев. Знаю еще ряд подобных икон, написанных по этой прориси, но эта — лучшая, по всем признакам письма Богатыревых. Из прямых аналогов навскидку Александр Невский со сценами жития (в ЕМИИ).

Прошло несколько лет, она проклеена и раскрыта. Судя по ряду признаков, она принадлежит кисти лучших невьянских иконописцев Богатыревых. Возможно даже, самому Ивану Васильевичу. Икону эту можно рассматривать часами. И очень много о ней рассказать. Здесь, в одной иконе есть морские пейзажи, корабли, горные ландшафты, архитектура, ряд очень хара́ктерных портретов, парад одежд, интересные предметы быта, и в общей контекст иконы вписано еще несколько изысканных икон. Но я обращу ваше внимание лишь на несколько фрагментов. Посмотрите.

Вот мощи Николы встречает крестный ход, несут Распятие. Распятие по величине совсем небольшое, несколько сантиметров, но тщательно проработано и очень выразительное.

Такое распятие встало бы в любую итальянскую икону эпохи Возрождения и не выглядело бы чужеродным. Лик Спасителя полностью перекрывается спичечной головкой.

А в оглавии Распятия написан Господь Саваоф. Он невооруженным глазом не читается. Вот посмотрите его соотношение со спичечной головкой.

Под ним Святой Дух в виде голубя. Но это еще не все. У Саваофа выразительный лик, наплавленный белилами в несколько слоев. Мало того, у него еще имеет место разделка волос! Удивительно, мастер совершенно точно знал, что икона

будет висеть в часовне, которая освещается только свечами и лампадками, и никто никогда не увидит микроскопический лик Саваофа и Святого Духа. Причем понятно, что икона эта, несмотря на ее высочайший уровень, совершенно не требовала такого погружения. И мастер точно знал, что кроме него этого никто не увидит. Но видимо понимал, что госприемка у него совсем на другом уровне, и показал класс. И сделал это легко и с улыбкой.

А вот сама сцена обретения мощей и перенесения их на корабль. Все в движении. Момент достаточно напряженный, тот самый случай, когда итальянцы говорят «мы нашли», а греки кричат «у нас украли».

И вся эта картинка с царскими вратами, архитектурными подробностями, восемью фигурами и множеством интересных деталей расположена на площади, перекрываемой спичечным коробком!

Зачем рассказал? Да просто хотел вас порадовать. Если будет интересно, время от времени буду показывать такие высокие и ненавязчивые проявления духа и мастерства русского человека.

Иллюстрации

В библиотеке музея «Невьянская икона»

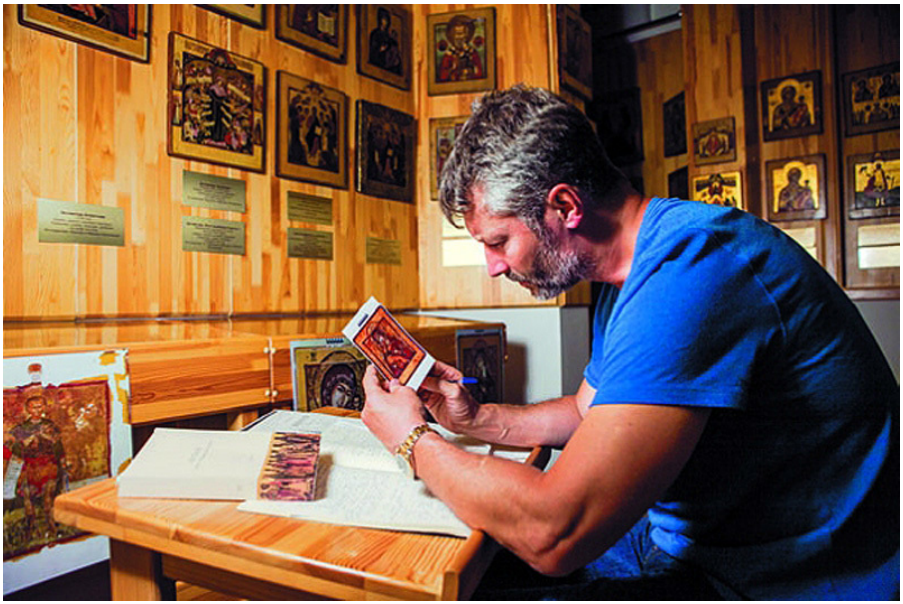
С художниками Мишей Брусиловским и Виталием Воловичем. Волыны, деревня художников, 1999

Ольга Владимировна Лелекова — крупнейший реставратор России, Евгений Ройзман и Герольд Иванович Вздорнов — член-корреспондент Российской Академии наук, доктор искусствоведения, автор множества фундаментальных трудов по искусству Древней Руси. ГосНИИР, 2006

В доме Владимира Андреевича Черемисина. Редкая находка — сохранившаяся домовая роспись. Деревня Турутино, 2015

С Лидией Харитоновной Кирилловой, вдовой кузнеца Сергея Кириллова, который создал замечательный памятник — дом в Кунаре, 2011

Делегация шведов в музее «Невьянская икона». Чрезвычайный и полномочный посол королевства Швеции в России Вероника Бард Брингеус, 2014



В музее «Невьянская икона» за работой над книгой «Невьянская икона первой половины XVIII века», 2013

В Никольском Храме. Село Быньги, 2011

В музее «Невьянская икона» с фигурой «Полуночного Спаса» («Христос в темнице»). Его только привезли и распаковали

Евгений Ройзман с женой Юлией Крутеевой. Кафедральный собор XII века в Модене. Италия

Презентация книги «Домик в Кунаре». Евгений Ройзман с дочерью кузнеца Сергея Кириллова Людмилой и соавтором (по совместительству редактором и женой) Юлией Крутеевой, 2014

В мэрии возле своего кабинета рядом с картиной А. Бурака (работа 1947 года) из собственной коллекции, 2015

С Борисом Гребенщиковым в галерее «АРТ-птица», 2017

С Алексеем Бенедиктовым в редакции «Эхо Москвы», 2014

С женой Юлией Крутеевой в галерее «АРТ-птица». Сейчас в

этом зале располагается музей Миши Брусиловского

На открытии выставки «Президенты России», 2013

После первого марафона Европа-Азия, 2015

После первого марафона Европа-Азия (и своего первого марафона) с семьей, 2015

С дочкой Женей на реставрации дома кузнеца Кириллова в Кунаре, 2012

В музее «Невьянская икона» с книгой рассказов

С художником Мишей Брусиловским и его картиной «Бегство в Египет», 2012

В своем рабочем кабинете в мэрии г. Екатеринбурга, 2014

В своем рабочем кабинете в мэрии г. Екатеринбурга, 2015

В галерее «АРТ-птица», 2014

Покров Богоматери. Невьянск 1720–30-е гг. Происходит из села Быньги. Подарил собиратель Виктор Власов. Реставратор — Максим Ратковский. Из рассказа «Складень двустворчатый Архангел Михаил и Георгий Победоносец» (1975 г.)

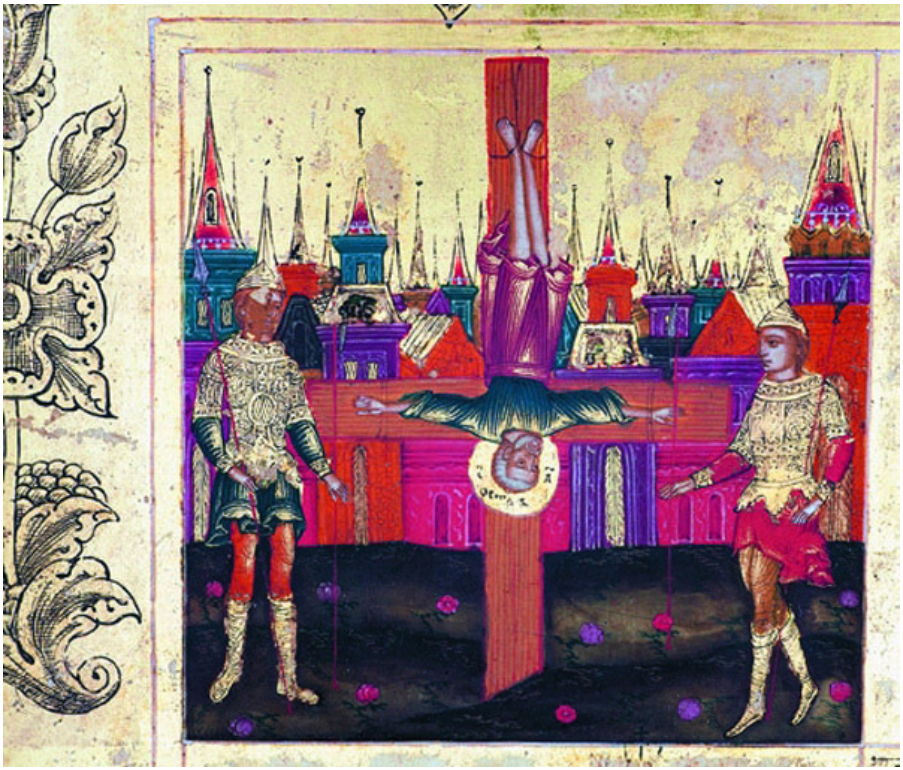
Евангелисты Матфей, Марк, Лука, Иоанн из Царских врат. Первая половина XIX века. 1830-е — 40-е гг.

Георгий Победоносец. (Чудо Георгия о Змие). 1770-е гг.

«Из чрева прежде денницы родих тя». Михаил и Афанасий Богатыревы, 1832

Распятие Христово с казнями апостольскими. 1770-е — 80-е гг.

Распятие Христово с казнями апостольскими. 1770-е — 80-е гг. Фрагмент «Апостол Петр»



Распятие Христово с казнями апостольскими. 1770-е — 80-е гг. Фрагмент «Апостол Иаков»

Створка складня «Архангел Михаил грозных сил воевода», 1785

Вторая створка складня «Архангел Михаил грозных сил воевода», 1785

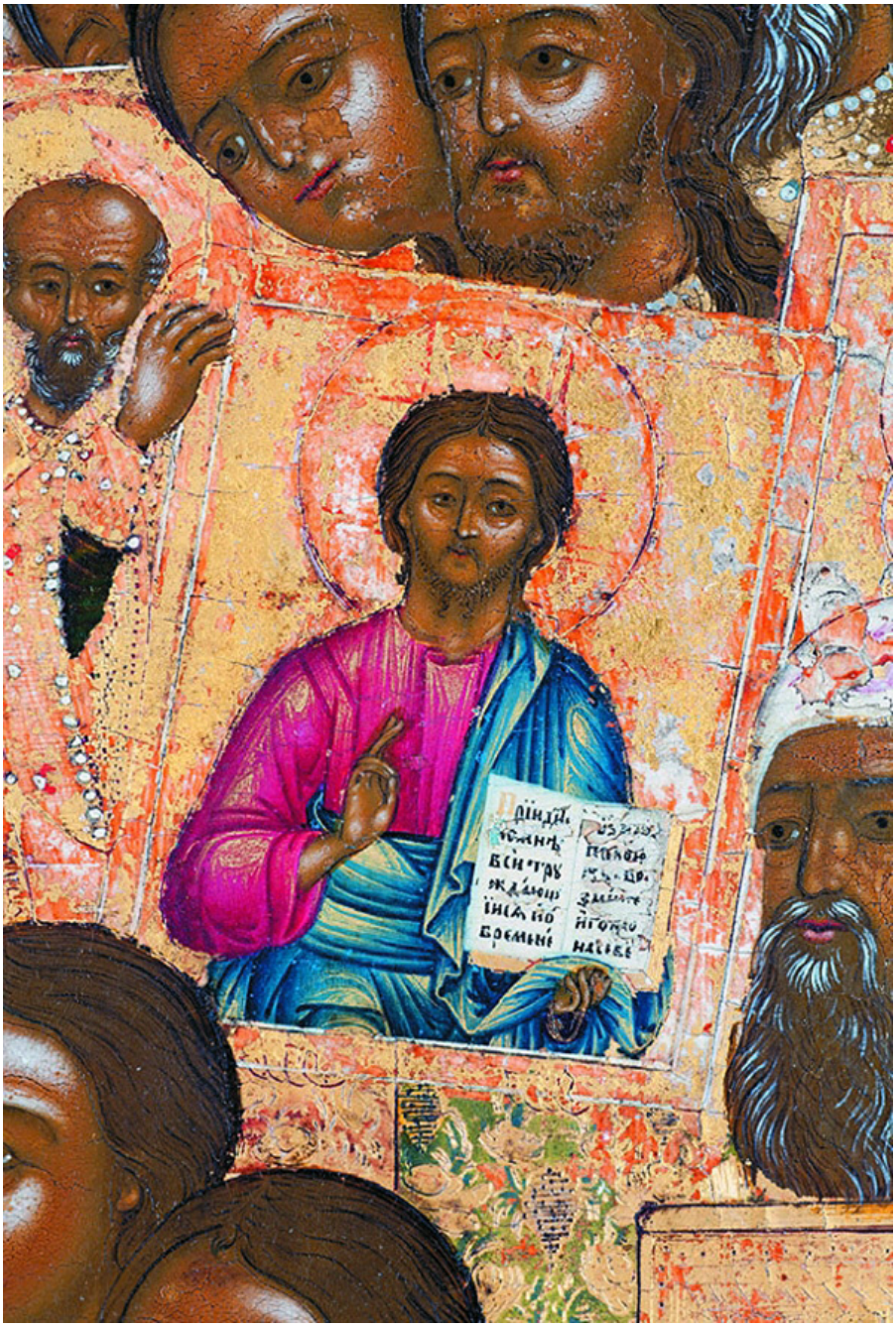
Перенесение мощей Николая Чудотворца, 1822

Перенесение мощей Николая Чудотворца. Фрагмент «Обретение мощей Николы и перенесение на корабль», 1822

Перенесение мощей Николая Чудотворца. Фрагмент «Обретение мощей Николы и перенесение на корабль», 1822

Перенесение мощей Николая Чудотворца. Фрагмент «Встреча мощей», 1822

Перенесение мощей Николая Чудотворца. Фрагмент, 1822
Спичечной головкой можно перекрыть несколько тщательно прописанных ликов



Перенесение мощей Николая Чудотворца. Фрагмент, 1822

Складень трехстворчатый «Успение. Воскресение и сошествие. София Премудрость Божия», 1771

В реставрационной мастерской музея «Невьянская икона»

С Ольгой Владимировной Лелековой — крупнейшим реставратором России. ГосНИИР, 2006

notes

Примечания

1

Все решилось. Судебно-медицинская экспертиза признала, что Наташа действовала в состоянии патологического аффекта.

2

В 2004 году Юра подарил мне для будущего музея целую папку замечательных картинок Анны Ивановны. И мы с Юлей сделали альбом Трофимовой, который стал первым в серии «Неизвестная Россия. Шедевры наивного искусства». И сейчас Салават мне оформил ее работы, и часть из них выставлена в экспозиции Музея наивного искусства (Галерея «АРТ-птица»).

З

Невьянская икона начала — середины XVIII века / Авт. — сост. Е. В. Ройзман, В. И. Байдин, М. В. Ратковский — Екатеринбург: МНИ, 2014. — 224 с., ил.